

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

О В Ц Е Б Ы К Ъ.

РАЗСКАЗЪ.

Иштается травою, а при недостаткѣ
ея и лишаями.

Изъ зоологiи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда я познакомился съ Васи́емъ Петровичемъ, его уже звали «Овцебыкомъ». Кличку эту ему дали потому, что его наружность необыкновенно напоминала овцебыка, котораго можно видѣть въ иллюстрированномъ руководствѣ къ зоологiи Юліана Симашки. Ему было 28 лѣтъ, а на видъ казалось гораздо болѣе. Это былъ не атлетъ, не богатырь, но человѣкъ очень сильный и здоровый, небольшого роста, коренастый и широкоплечій. Лицо у Васи́я Петровича было сѣрое и круглое, но круглое было только одно лицо, а черепъ представлялъ страшную уродливость. Съ перваго взгляда онъ какъ будто напоминалъ нѣсколько кафрскіи черепъ, но, всматриваясь и изучая эту голову ближе, вы не могли бы подвести ее ни подъ одну френологическую систему. Прическу онъ носилъ такую, какъ будто нарочно хотѣлъ ввести всѣхъ въ заблужденіе о фигурѣ своего «верхняго этажа». Сзади онъ очень коротко выстригалъ весь затылокъ, а напередѣ отъ ушей его темно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми косицами. Васи́й Петровичъ обыкновенно крутилъ эти косицы, и онѣ постоянно лежали свернутыми валиками на его вискахъ, а на щекахъ загибались, напоминая собою рога того животнаго, въ честь котораго онъ получилъ свою кличку. Этимъ косицамъ Ва-

по процессу, производившемуся въ курскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Въ Курскъ я пріѣхалъ въ 7 часовъ утра въ маѣ мѣсяцѣ, прямо къ Челновскому. Онъ въ это время занимался приготовленіемъ молодыхъ людей въ университетъ, давалъ уроки русскаго языка и исторіи въ двухъ женскихъ пансіонахъ и жилъ не худо: имѣлъ порядочную квартиру въ три комнаты съ передней, изрядную бібліотеку, мягкую мебель, нѣсколько горшковъ экзотическихъ растений и бульдога «Бокса», съ оскаленными зубами, весьма неприличной турнюрой и походкой, которая слегка смахивала на канканъ.

Челновскій чрезвычайно обрадовался моему пріѣзду и взялъ съ меня слово непременно остаться у него на все время моего пребыванія въ Курскѣ. Самъ онъ обыкновенно бѣгалъ цѣлый день по урокамъ, а я то навѣщалъ гражданскую палату, то бродилъ безъ цѣли около Тускаріи или Сейма. Первую изъ этихъ рѣкъ вы совсѣмъ не встрѣтите на многихъ картахъ Россіи, а вторая славится особенно вкусными раками, но еще бѣльшую извѣстность она приобрѣла черезъ устроенную на ней шлюзовую систему, которая поглотила огромные капиталы, не освободивъ Сейма отъ репутации рѣки, «неудобной къ судоходству».

Прошло недѣли двѣ со дня пріѣзда въ Курскъ. Объ Овцебыкѣ никогда не заходило никакой рѣчи, я и не подозревалъ вовсе существованія такого страннаго звѣря въ предѣлахъ нашей черноземной полосы, изобилующей хлѣбомъ, нищими и ворами.

Однажды, усталый и измученный, возвратился я домой часу во второмъ пополудни. Въ передней меня встрѣтилъ Боксъ, сторожившій наше жилище гораздо рачительнѣе, чѣмъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, состоявшій въ должности нашего камердинера. На столѣ въ залѣ лежалъ суконный картузь, истасканный до-нельзя; одна грязнѣйшая подтяжка съ надвязаннымъ на нее ремешкомъ, просаленный черный платокъ, свитый жгутомъ, и тоненькая палочка изъ лѣсной орѣшпы. Во второй комнатѣ, заставленной книжными шкапами и довольно щеголеватою кабинетною мебелью, сидѣлъ на диванѣ запыленный до-нельзя человекъ. На немъ были ситцевая розовая рубашка и свѣтложелтые панталоны съ протертыми колѣнями. Сапоги незнакомца были покрыты густымъ слоемъ бѣлой шоссейной пыли, а

на колѣняхъ у него лежала толстая книга, которую онъ читалъ, не нагиная головы. При входѣ моемъ въ кабинетъ, запыленная фигура бросила на меня одинъ бѣглый взглядъ и опять устремила глаза въ книгу. Въ спальнѣ все было въ порядкѣ. Полосатая холстинковая блуза Челновскаго, въ которую онъ облачался тотчасъ по возвращеніи домой, висѣла на своемъ мѣстѣ и свидѣтельствовала, что хозяйина нѣтъ дома. Никакъ я не могъ отгадать, кто этотъ странный гость, расположившійся такъ безцеремонно. Свириный Боксъ смотрѣлъ на него, какъ на своего человѣка, и не ласкался только потому, что нѣжинчанье, свойственное собакамъ французской породы, не въ характерѣ псовъ англосаксонской собачьей расы. Прошелъ я опять въ переднюю, имѣя двѣ цѣли: во-первыхъ, разспросить мальчика о гостѣ, а во-вторыхъ, вызвать своимъ появленіемъ на какое-нибудь слово самого гостя. Мнѣ не удалось ни то, ни другое. Передняя попрежнему была пуста, а гость даже не поднялъ на меня глазъ и спокойно сидѣлъ въ томъ же положеніи, въ которомъ я его засталъ пять минутъ назадъ. Оставалось одно средство: непосредственно обратиться къ самому гостю.

— Вы, вѣрно, Якова Иваныча дожидаете?—спросилъ я, остановясь передъ незнакомцемъ.

Гость лѣниво взглянулъ на меня, потомъ всталъ съ дивана, плюнулъ сквозь зубы, какъ умѣютъ плевать только великорусскіе мѣщане да семпнаристы, и проговорилъ густымъ басомъ: «нѣтъ».

— Кого же вамъ угодно видѣть?—спросилъ я, удивленный страннымъ отвѣтомъ.

— Я просто такъ зашелъ,—отвѣчалъ гость, шагая по комнатѣ и закручивая свои косицы.

— Позвольте же узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

При этомъ я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что я родственникъ Якова Ивановича.

— А я такъ, просто,—отвѣчалъ гость и опять взялся за свою книгу.

Тѣмъ разговоръ и покончился. Оставивъ всякую попытку разрѣшить для себя появленіе этой личности, я закурилъ папирску и легъ съ книгою въ рукахъ на свою постель. Когда придешь изъ-подъ солнечнаго припека въ чистую и прохладную комнату, гдѣ нѣтъ докучныхъ мухъ, а есть

опрятная постель, необыкновенно легко засынается. Въ этотъ разъ я дозналъ это на опытѣ и не замѣтилъ, какъ книга выскользнула у меня изъ рукъ. Сквозь сладкій сонъ, которымъ снятъ люди, полные надеждъ и упованій, я слышалъ, какъ Челновскій читалъ мальчику потацію, къ которымъ тотъ давно привыкъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Полное же мое пробужденіе совершилось только, когда мой родственникъ вошелъ въ кабинетъ и крикнулъ:

— А! Овцебыкъ! Какими судьбами?

— Пришелъ, — отвѣтилъ гость на оригинальное привѣтствіе.

— Знаю, что пришелъ, да откуда же? гдѣ побывалъ?

— Отсюда не видать.

— Эко шутъ какой! А давно припожаловать изволилъ? — спросилъ снова своего гостя Яковъ Ивановичъ, входя въ спальню. — Э! да ты спишь. — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Вставай, братъ. я тебѣ звѣря покажу.

— Какого звѣря? — спросилъ я, еще не совсѣмъ возвратясь къ тому, что называютъ бдѣніемъ. отъ того, что называется сномъ.

Челновскій ничего мнѣ не отвѣтилъ, но снялъ сюртукъ и накіянулъ свою блузу, что было дѣломъ одной минуты, вышелъ въ кабинетъ и таща оттуда за руку моего знакомаго, комически поклонился и, показывая рукою на упироваго гостя, проговорилъ: «Честь имѣю рекомендовать — Овцебыкъ. Питается травою, а при недостаткѣ ея можетъ ѣсть линанъ».

Я всталъ и протянулъ руку Овцебыку, который въ продолженіе всей рекомендаціи спокойно смотрѣлъ на густую вѣтку сирени, закрывавшей отворенное окно нашей спальни.

— Я вамъ уже рекомендовался. — сказали я Овцебыку.

— Слышалъ я это, — отвѣчалъ Овцебыкъ: — а я кутейникъ Василій Богословскій.

— Какъ рекомендовался? — спросилъ Яковъ Ивановичъ. — Развѣ вы уже видѣлись?

— Да, я засталъ здѣсь Василья... я не имѣю чести звать, какъ по батюшкѣ?

— Петровъ былъ, — отвѣчалъ Богословскій.

— Это онъ былъ, а теперь зови его просто «Овцебыкъ».

— Мнѣ все равно, какъ ни зовите.

— Э, нѣтъ, братъ! Ты Овцебыкъ есть, такъ тебѣ Овцебыкомъ и быть.

Сѣли за столъ. Василій Петровичъ налилъ себѣ рюмку водки, вылилъ ее въ ротъ, поддержавъ нѣсколько секундъ за скулою, и, проглотивъ ее, значительнымъ образомъ взглянулъ на стоящую предъ нимъ тарелку супу.

— А студень нѣтъ развѣ? — спросилъ онъ хозяина.

— Нѣтъ, братъ, нѣту. Не ждали сегодня гостя дорогого. — отвѣчалъ Челновскій: — и не приготовили.

— Сами могли ѣсть.

— Мы и супъ можемъ ѣсть.

— Соусники! — прибавилъ Овцебыкъ.

— И гуся нѣтъ? — спросилъ онъ еще съ большимъ удивленіемъ, когда подали зразы.

— И гуся нѣтъ, — отвѣчалъ ему хозяинъ, улыбаясь своей ласковой улыбкой. — Завтра будетъ тебѣ и студень, и гусь, и каша съ гусинымъ саломъ.

— Завтра — не сегодня.

— Ну, что жъ дѣлать! А ты вѣрно давно не ѣлъ гуся? Овцебыкъ посмотрѣлъ на него пристально и съ выраженіемъ какого-то удовольствія проговорилъ:

— А ты спроси лучше, давно ли я что-нибудь ѣлъ.

— Ну-у!

— Четвертаго дня вечеромъ калачъ въ Сѣвскѣ съѣлъ.

— Въ Сѣвскѣ?

Овцебыкъ утвердительно махнулъ рукой.

— А ты чего былъ въ Сѣвскѣ?

— Проходомъ шелъ.

— Да гдѣ же это тебя носило?

Овцебыкъ остановилъ вилку, которою таскалъ въ ротъ огромные куски зразь, опять пристально посмотрѣлъ на Челновскаго и, не отвѣчая на его вопросъ, сказалъ:

— Аль ты нынче табакъ нюхалъ?

— Какъ табакъ нюхалъ?

Челновскій и я расхохотались странному вопросу.

— Такъ.

— Да говори, милый звѣрь!

— Что языкъ-то у тебя свербитъ нынче.

— Да какъ же не спросить? Вѣдь цѣлый мѣсяцъ пропадалъ.

— Пропадать? — повторилъ Овцебыкъ. — Я, братъ, не пропаду, а пропаду такъ не задаромъ.

— Проповѣдничество насъ заѣло! — отозвался ко мнѣ Челновскій. — «Охота смертная, а участь горькая!» На торжищахъ и стогнахъ проповѣдывать въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не дозволяется; въ пошы мы не можемъ идти, чтобы не *прикоснуться жезлу, аки сосуду змиину*, а въ монахи идти тоже что-то мѣшаетъ. Но ужъ что именно такое тутъ мѣшаетъ — про то не знаю».

— И хорошо, что не знаешь.

— Отчего же хорошо? Чѣмъ больше знать, тѣмъ лучше.

— Иди самъ въ монахи, такъ и узнаешь.

— А ты не хочешь послужить человѣчеству своимъ опытомъ?

— Чужой опытъ, братъ, — пустое дѣло, — сказалъ оригиналь, вставъ изъ-за стола и обтирая себѣ салфеткой цѣлое лицо, покрывшееся потомъ отъ усердствованія за обѣдомъ. Положивъ салфетку, онъ отправился въ переднюю и досталъ тамъ изъ своего пальто маленькую глиняную трубочку съ чернымъ обгрызаннымъ чубучкомъ и ситцевый кисетикъ; набилъ трубку, кисетъ положилъ въ карманъ штановъ и направился снова къ передней.

— Куря здѣсь, — сказалъ ему Челновскій.

— Расчихаетесь неравно. Головы заболитъ.

Овцебыкъ стоялъ и улыбался. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ улыбался, какъ Богословскій. Лицо его оставалось совершенно спокойнымъ; ни одна черта не двигалась, и въ глазахъ оставалось глубокое, грустное выраженіе, а между тѣмъ вы видѣли, что эти глаза смѣются, и смѣются самымъ добрымъ смѣхомъ, какимъ русскій человѣкъ иногда потѣшается надъ самимъ собою и надъ своею неодолею.

— Новый Діогенъ! — сказалъ Челновскій вслѣдъ вышедшему Овцебыку: — все людей евангельскихъ ищеть.

Мы закурили сигары и, улегшись на своихъ кроватяхъ, толковали о различныхъ человѣческихъ странностяхъ, приходившихъ намъ въ голову по поводу странностей Василя Петровича. Черезъ четверть часа вошелъ и Василій Петровичъ. Онъ поставилъ свою трубочку на полъ у печки, сѣлъ въ ногахъ у Челновскаго и, почесавъ правою рукою лѣвое плечо, сказалъ вполголоса:

— Кондицій искалъ.

— Когда? — спросилъ его Челновскій...

— Да вотъ теперь.

— У кого жъ ты искалъ?

— По дорогѣ.

Челновскій опять засмѣялся; но Овцебыкъ не обращалъ на это никакого вниманія.

— Ну, и что жъ Богъ далъ? — спросилъ его Челновскій.

— Нѣтъ ни шиша.

— Да шутника ты этакой! Кто же ищетъ кондицій по дорогѣ?

— Я заходилъ въ помѣщичьи дома, тамъ спрашивалъ, — серьезно продолжалъ Овцебыкъ.

— Ну, и что же?

— Не берутъ.

— Да разумѣется и не возьмутъ.

Овцебыкъ посмотрѣлъ на Челновскаго своимъ пристальнымъ взглядомъ и тѣмъ же ровнымъ тономъ спросилъ:

— Почему же это и не возьмутъ?

— Потому, что съ вѣтру пришлога человѣка, безъ рекомендаціи, не берутъ въ домъ.

— Я аттестатъ показывалъ.

— А въ немъ написано: «поведенія довольно изряднаго»?

— Ну, такъ что жъ? Я, братъ, скажу тебѣ, что это все не оттого, а оттого что...

— Ты — Овцебыкъ, — подсказалъ Челновскій.

— Да, Овцебыкъ, пожалуй.

— Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?

— Думаю вотъ еще трубочку покурить, — отвѣчалъ Василій Петровичъ, вставая и снова принимаясь за свой чубуокъ.

— Да кури здѣсь.

— Не надо.

— Кури: вѣдь окно открыто.

— Не надо.

— Да что тебѣ, первый разъ, что ли, курить у меня свой дубокъ?

— Имъ будетъ неприятно, — сказалъ Овцебыкъ, показывая на меня.

— Пожалуйста. курите, Василій Петровичъ; я — чело-

вѣкъ привыкшій; для меня ни одинъ дубекъ ничего не значить.

— Да вѣдь у меня тотъ дубекъ, отъ котораго чортъ убѣгъ, — отвѣчалъ Овцебыкъ, налегая на букву *у* въ словѣ *дубекъ*, и въ его добрыхъ глазахъ опять мелькнула его симпатическая улыбка.

— Ну, а я не убѣгу.

— Значить, вы сильнѣй чорта.

— На этотъ случай.

— Онъ о силѣ чорта имѣетъ самое высокое мнѣніе. — сказалъ Челновскій.

— Одна баба, братъ, только злѣй чорта.

Василій Петровичъ напихалъ махоркою свою трубочку и, выпустивъ изъ рта тоненькую струйку бѣлаго дыма, осадилъ пальцемъ горящій табакъ и сказалъ:

— Задачки стану переписывать.

— Какія задачки? — спросилъ Челновскій, приставляя ладонь къ своему уху.

— Задачки, задачки семинарскія стану, молъ, пока переписывать. Ну, тетрадки ученическія, не понимаешь, что ли? — пояснилъ онъ.

— Понимаю теперь. Плохая, братъ, работа.

— Все равно.

— Два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ какъ разъ заработаешь.

— Это мнѣ все едно.

— Ну, а дальше что?

— Кондиціи мнѣ отыщи.

— Опять въ деревню?

— Въ деревню лучше.

— И опять черезъ недѣлю уйдешь. Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ прошлой весной, — сказалъ, обращаясь къ мнѣ, Челновскій. — Поставилъ я его на мѣсто, сто двадцать рублей въ годъ платы, на всемъ готовомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ приготовилъ ко второму классу гимназій одного мальчика. Справили ему все, что нужно, снарядили добраго молодца. Ну, думаю, на мѣсть нашъ Овцебыкъ! А онъ черезъ мѣсяцъ опять передъ нами какъ выросъ. Еще за свою науку и бѣлье тамъ оставилъ.

— Ну такъ что же, если нельзя было иначе, — сказалъ, нахмураясь, Овцебыкъ и всталъ со стѣла.

— А спроси его, отчего нельзя? — сказалъ Челновскій.

слова обращаясь ко мнѣ. — Оттого, что за волосенки пощипать мальчишку не позволяли.

— Еще соври! — пробормоталъ Овцебыкъ.

— Ну, а какъ же было?

— Такъ было, что иначе нельзя было.

Овцебыкъ остановился передо мною и, подумавъ съ минутку, сказалъ:

— Вовсе особое дѣло было!

— Садитесь, Василій Петровичъ, — сказалъ я, подвигаясь на кровати.

— Нѣтъ, не надо. Вовсе особое дѣло, — началъ онъ снова. — Мальчишкѣ пятнадцатый годъ, а между тѣмъ ужъ онъ совсѣмъ дворянскъ, то-есть безстыжая шельма.

— Вотъ у насъ какъ! — пошутилъ Челновскій.

— Да, — продолжалъ Овцебыкъ. — Поваръ у нихъ былъ Егоръ, молодой парень. Женился онъ, взявъ дьячковскую дочь изъ нашего духовеннаго нищенства. Барчонокъ ужъ всему былъ обученъ и давай къ ней лязгаться. А бабѣнка молодая, не изъ таковскихъ; пожаловалась мужу, а мужъ — барынь. Та тамъ что-то поговорила сыну, а онъ опять за свое. Такъ въ другой разъ, въ третій — поваръ опять къ барынь, что жонѣ отбою нѣтъ отъ барчука — опять ничего. Взяла меня досада. «Послушайте, говорю ему: — если вы еще разъ зацѣпите Алѣнку, такъ я васъ тресну». Покраснѣлъ отъ досады; выиграла благородная кровь, знаете; полетѣлъ къ мамашѣ, а я за нимъ. Гляжу: она сидитъ въ креслахъ, и тоже вся красная; а сынъ по-французски ей жалобу на меня расписываетъ. Какъ увидѣла меня, сейчасъ взяла его за руку и улыбается, чортъ знаетъ чего. «Полно, говоритъ, — мой другъ. Василью Петровичу, вѣрно, что-нибудь показалось; онъ шутитъ, и ты докажешь ему, что онъ ошибается». А сама, вижу, косится на меня. Малець мой пошелъ, а она, вмѣсто того, чтобы поговорить со мною о сыпѣ, говоритъ: «Какой вы рыцарь, Василій Петровичъ! Ужъ не сердечная ли у васъ зазнобушка?» Ну, а я этихъ вещей терѣть не могу, — сказалъ Овцебыкъ, энергически махнувъ рукою. — Не могу я этого слушать, — повторилъ онъ еще разъ, возвысивъ голосъ, и снова зашагалъ.

— Ну, вы тутъ же и оставили этотъ домъ?

— Нѣтъ, черезъ полтора мѣсяца.

— И жили въ ладу?

— Ну, я ни съ кѣмъ не говорилъ.

— А за столомъ?

— Я съ конторщикомъ обѣдалъ.

— Какъ съ конторщикомъ?

— Просто сказать на застольной. Да это мнѣ ничего. Меня вѣдь обидѣть нельзя.

— Какъ нельзя?

— А разумѣется нельзя... ну, да что объ этомъ толковать... Только сижу я разъ послѣ обѣда подъ окномъ. Тацита читаю, а въ людской, слышу, кто-то кричитъ. Что кричитъ—не разберу, а голосъ Алѣнкинъ. Барчукъ, думаю, вѣрно забавляется. Всталъ, подхожу къ людской. Слышу, Алѣнка плачетъ и сквозь слезы кричитъ: «стыдно вамъ», «Бога вы не бонтесь» и разное такое. Смотрю, Алѣнка стоитъ на чердакѣ надъ приставной лѣстницей, а малецъ мой подъ лѣстницей, такъ что бабѣ никакъ нельзя сойти. Стыдно... ну, знаете, какъ онѣ ходять... просто. А онъ еще ее поддразниваетъ: «лѣзь, говорить,—а то отставлю лѣстницу». Зло меня такое взяло, что я вошелъ въ сѣни да и далъ ему затрещину.

— Такую, что у него изъ уха и изъ носа кровь хлынула,—засмѣявшись, подсказалъ Челновскій.

— Какая тамъ на его долю выроста.

— Что же вамъ мать?

— Да я ее послѣ не глядѣлъ. Я изъ людской прямо въ Курскъ пошелъ.

— Сколько же это версть?

— Сто семьдесятъ; да хоть бы и тысяча-семьсотъ, такъ это все равно.

Если бы вы видѣли въ эту минуту Овцебыка, то не усомнились бы, что ему, въ самомъ дѣлѣ, *все равно*, сколько версть ни пройти и кому ни дать затрещину, если, по его соображеніямъ, затрещину эту дать слѣдуетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начался знойный июнь. Василій Петровичъ явился къ намъ аккуратно всякій день часовъ въ 12, снималъ свой коленкоровый галстукъ, подтяжки и, сказавъ обоимъ намъ «здравствуйте», усаживался за своихъ классиковъ. Такъ проходило время до обѣда; послѣ же обѣда онъ закуривалъ трубочку и, ставъ у окна, обыкновенно спрашивалъ: «что жъ,

кондицій?» Прошелъ мѣсяць съ того дня, какъ Овиебыкъ каждый день повторялъ этотъ вопросъ Челновскому, и цѣлый мѣсяць всякій день онъ слышалъ одинъ и тотъ же самый неутѣшительный отвѣтъ. Мѣста даже и въ виду не было. Василя Петровича, повидимому, это, однако, нисколько не обходило. Онъ кушалъ съ прекраснымъ аппетитомъ и былъ постоянно въ своемъ неизмѣнномъ настроеніи духа. Только разъ или два я видѣлъ его раздраженнѣе обыкновеннаго: но и эта раздражительность не имѣла никакого соотношенія съ положеніемъ дѣлъ Василя Петровича. Она происходила отъ двухъ совершенно стороннихъ обстоятельствъ. Разъ онъ встрѣтился съ бабой, которая рыдала впричетъ, и спросилъ ее своимъ басомъ: «чего, дура, реवेशь?» Баба сначала псугалась, а потомъ рассказала, что у нея изловили сына и завтра ведутъ его въ рекрутскій приѣмъ. Василий Петровичъ вспомнилъ, что дѣлопроизводитель въ рекрутскомъ присутствіи былъ его товарищемъ по семинаріи, сходилъ къ нему рано утромъ и возвратился необыкновенно разстроеннымъ. Ходатайство его оказалось несостоятельнымъ. Въ другой разъ партію малолѣтнихъ еврейскихъ рекрутиковъ перегоняли черезъ городъ. Въ ту пору наборы были частые. Василий Петровичъ, закусивъ верхнюю губу и подперши фертномъ руки, стоялъ подъ окномъ и внимательно смотрѣлъ на обозъ провозимыхъ рекрутъ. Обывательскія подводы медленно тянулись; телѣги, прыгая по губернской мостовой изъ стороны въ сторону, качали головки дѣтей, одѣтыхъ въ сѣрыя шинели изъ солдатскаго сукна. Большія сѣрыя шапки надвигались имъ на глаза и придавали ужасно печальный видъ красивымъ личикамъ и умнымъ глазенкамъ, съ тоскою и вмѣстѣ съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣвшимъ на новый городъ и на толпы мѣщанскихъ мальчишекъ, обѣжавшихъ вприпрыжку за телѣгами. Сзади шли двѣ кухарки.

— Тоже, чай, матери гдѣ-нибудь есть?—сказала, поровнявшись съ нашимъ окномъ, одна рослая, рябая кухарка.

— Гляди, можетъ, и есть,—отвѣчала другая, запустивъ локти подъ рукава и скребя ногтями свои руки.

— И вѣдь имъ, небось, хоть и жиденята, а жалко ихъ?

— Да вѣдь что жъ, матка, дѣлать!

— Разумѣется, а только по материнству-то?

— Да, по материнству,—конечно... своя утроба... А нельзя...

— Конечно.

— Дуры!—крикнулъ имъ Василій Петровичъ.

Женщины остановились, взглянули на него съ удивленіемъ, обѣ вразъ сказали: «чего, гладкій песь, ласшься», и пошли дальше.

Мнѣ захотѣлось пойти посмотрѣть, какъ будутъ ссаживать этихъ несчастныхъ дѣтей у гарнизонной казармы.

— Пойдемте, Василій Петровичъ, къ казармамъ,—позвалъ я Богословскаго.

— Зачѣмъ?

— Посмотримъ, что тамъ съ ними будутъ дѣлать.

Василій Петровичъ ничего не отвѣчалъ; но когда я взялся за шляпу, онъ тоже всталъ и пошелъ вмѣстѣ со мною. Гарнизонныя казармы, куда привезли переходящую партію еврейскихъ рекрутковъ, были отъ насъ довольно далеко. Когда мы подошли, телѣги уже были пусты и дѣти стояли правильной шеренгой въ два ряда. Партіонный офицеръ съ унтеръ-офицеромъ дѣлалъ имъ повѣрку. Вокругъ шеренги толпились зрители. Около одной телѣги тоже стояло нѣсколько дамъ и священникъ съ бронзовымъ крестомъ на владимірской лентѣ. Мы подошли къ этой телѣгѣ. На ней сидѣлъ одинъ больной мальчикъ лѣтъ девяти и жадно ѣлъ пирогъ съ творогомъ; другой лежалъ, укрывшись шинелью, и не обращалъ ни на что вниманія; но его раскраснѣвшему лицу и по глазамъ, горѣвшимъ болѣзненнымъ свѣтомъ, можно было полагать, что у него лихорадка, а можетъ-быть тифъ.

— Ты боленъ?—спросила одна дама мальчика, глотавшаго куски непережеванного пирога.

— А?

— Боленъ ты?

Мальчикъ замоталъ головой.

— Ты не боленъ?—опять спросила дама.

Мальчикъ снова замоталъ головой.

— Онъ не коипранъ-па—не понимаетъ,—замѣтилъ священникъ и сейчасъ же самъ спросилъ:—Ты ужъ крещеный?

Ребенокъ задумался, какъ бы припоминая что-то знакомое въ сдѣланномъ ему вопросѣ, и, опять махнувъ головой, сказалъ:—«Не, не».

— Какой хорошенькій!—проговорила дама, взявъ ребенка

за подбородокъ и приподнявъ къверху его милостивое личико съ черными глазками.

— Гдѣ твоя мать?—неожиданно спросилъ Овцебыкъ, дернувъ слегка ребенка за шинель.

Дитя вздрогнуло, взглянуло на Василя Петровича, потомъ на окружающихъ, потомъ на ундера и опять на Василя Петровича.

— Мать, мать гдѣ?—повторилъ Овцебыкъ.

— Мама?

— Да, мама, мама?

— Мама...—ребенокъ махнулъ рукой въдаль.

— Дома?

Рекрутъ подумалъ и кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Памятуешь еще, —вставилъ священникъ и спросилъ:— Брудеры есть?

Дитя сдѣлало едва замѣтный отрицательный знакъ.

— Врешь, врешь, одниъ не берутъ въ рекрутъ. Врать имъ гуть, нейнъ,—продолжалъ священникъ, думая употребленіемъ именительныхъ надежей придать болѣе понятности своему разговору.

— Я бродягесь,—проговорилъ мальчикъ.

— Что-о?

— Бродягесь, ясиѣ высказалъ ребенокъ.

— А, бродягесь! Это по-русски значить онъ бродяга, за бродяжество отдавъ! читалъ я этотъ законъ о нихъ, о еврейскихъ младенцахъ, читалъ... Бродяжество положено искоренить. Ну, это и правильно: осѣдлый сиди дома, а бродяжкѣ все равно бродить, и онъ приметъ святое крещеніе, и исправится, и въ люди выйдетъ,—говорилъ священникъ; а тѣмъ временемъ переключка окончилась, и ундеръ, взявъ подъ уздцы лошадь, дернулъ телѣгу съ большими къ казарменному крыльцу, по которому длинною вереницею и поползли малолѣтніе рекруты, тянувшіе за собою сумочки и полы неуклюжихъ шинелей. Я сталъ искать глазами моего Овцебыка; но его не было. Не было его и къ ночи, и на другой, и на третій день къ обѣду. Послали мальчика на квартиру Василя Петровича, гдѣ онъ жилъ съ семинаристами,—и тамъ его не бывало. Маленькіе семинаристки, съ которыми жилъ Овцебыкъ, давно привыкли не видать Василя Петровича по цѣлымъ недѣлямъ и не обращали никакого

вниманія на его исчезновеніе. Челновскій тоже немало не беспокоился.

— Придетъ, говорилъ онъ,—бродить гдѣ-нибудь или спать во ржи, и ничего больше.

Пужно знать, что Василій Петровичъ, по собственному его выраженію, очень любилъ «логовища», и логовищъ этихъ у него было довольно много. Кровать съ голыми досками, стоявшая на его квартирѣ, никогда долго не покоила его тѣла. Только изрѣдка, заходя домой, онъ улаживался на нее, дѣлалъ мальчикамъ неожиданный экзаментъ съ какимъ-нибудь курьезнымъ вопросомъ въ концѣ каждаго испытанія, и затѣмъ кровать эта опять стояла пустою. У насъ онъ спалъ рѣдко, и обыкновенно или на крыльцѣ, или, если съ вечера заходилъ горячій разговоръ, не доконченный къ ночи, то Овцебыкъ ложился на полу между нашими кроватями, не позволяя себѣ подстлать ничего, кромѣ рѣденькаго половика. Утромъ рано онъ уходилъ или въ поле, или на кладбище. На кладбищѣ онъ бывалъ всякій день. Придетъ, бывало, уляжется на зеленой могилѣ, разложитъ передъ собою книгу какого-нибудь латинскаго писателя и читаетъ, а то свернетъ книгу, подложитъ ее подъ голову да смотреть на небо.

-- Вы—жилецъ могилъ, Василій Петровичъ! говорили ему знакомыя Челновскаго барышни.

— Глупости говорите,—отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Вы—упырь,—говорилъ ему блѣдный уѣздный учитель, прослышій за литератора съ тѣхъ поръ, какъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатали его ученую статью.

— Глупости сочиняете,—отвѣчалъ Овцебыкъ и ему, и опять отправлялся къ своимъ покойникамъ.

Чужачества Василія Петровича пріучили весь небольшой кружокъ его знакомыхъ не удивляться ни одной его выходкѣ, а потому никто и не удивился его быстрому и неожиданному исчезновенію. Но онъ долженъ же былъ возвратиться. Никто и не сомнѣвался, что онъ возвратится: вопросъ былъ только въ томъ, куда онъ скрылся? гдѣ онъ спитается? что его такъ раздражало и чѣмъ онъ врачуется себя отъ этихъ раздраженій?—это были вопросы, разрѣшеніе которыхъ представляло для моей скуки довольно большой интересъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло еще три дня. Погода стояла прекрасная. Могу-чая и педрая природа наша жила полною своею жизнью. Было новолуные. Послѣ жаркаго дня наступила свѣтлая, роскошная ночь. Въ такія ночи курскіе жители наслаждаются своими курскими соловьями: соловьи свищутъ имъ напролетъ цѣлыя ночи, а они напролетъ цѣлыя ночи ихъ слушаютъ въ своемъ большомъ и густомъ городскомъ саду. Всѣ, бывало, ходятъ тихо и молчаливо, и лишь только одни молодые учителя жарко спорять «о чувствахъ высокаго и прекраснаго», или о «дилетантизмѣ въ наукѣ». Жарки бывали эти громкіе споры. Даже въ самыя отдаленныя куртины стараго сада, бывало, доносятся возгласы: «это дилемма!» «позвольте!», «а ргіогі разсуждать нельзя», «идите индуктивнымъ способомъ» и т. п. Тогда у насъ еще спорили о подобныхъ предметахъ. Теперь такихъ споровъ не слышно. «Что ни время, то и птицы, что ни птицы, то и иѣсны». Теперешнее русское среднее общество отнюдь не похоже на то, съ которымъ я жилъ въ Курскѣ въ эпоху моего разсказа. Вопросы, занимающіе насъ теперь, тогда еще не поднимались, и во множествѣ головъ свободно и властно господствовалъ романтизмъ, господствовалъ, не предчувствуя приближенія новыхъ направленій, которыя заявятъ свои права на русскаго человѣка и которыя русскій человѣкъ, извѣстнаго развитія, приметъ, какъ онъ принимаетъ все, то-есть не совсѣмъ искренно, но горячо, съ аффектаціею и съ пересоломъ. Тогда еще мужчины не стыдились говорить о чувствахъ высокаго и прекраснаго, а женщины любили идеальныхъ героевъ, слушали соловьевъ, свиставшихъ въ густыхъ кустахъ цвѣтущей сирени, и всласть заслушивались турухтановъ, таскавшихъ ихъ подъ руку по темнымъ аллеямъ и разрѣшавшихъ съ ними мудрыя задачи *святой любви*.

Мы пробыли съ Челновскимъ въ саду до 12 часовъ, много хорошаго слышали и о высокомъ, и о святой любви, и съ удовольствіемъ улеглись въ наши постели. Огонь у насъ былъ уже погашенъ; но мы еще не спали и лежа сообщали другъ другу свои вечернія впечатлѣнія. Ночь была во всемъ своемъ величій, и соловей подъ самымъ окномъ громко щелкалъ и заливался своею страстною пѣснью.

Мы уже собирались пожелать другъ другу покойной ночи, какъ вдругъ изъ-за забора, отдѣлявшаго отъ улицы садикъ, въ который выходило окно нашей спальни, кто-то крикнулъ: «ребята!»

— Это—Овцебыкъ,—сказалъ Челновскій, быстро поднявъ голову съ подушки.

Мнѣ показалось, что онъ ошибся.

— Нѣтъ, это Овцебыкъ, — настаивалъ Челновскій и, вставъ съ постели, высунулся въ окно.

Все было тихо.

— Ребята! опять крикнулъ подъ заборомъ тотъ же самый голосъ.

— Овцебыкъ!—окликнулъ Челновскій.

— Я.

— Иди же.

— Ворота закрыты.

— Постучись.

— Зачѣмъ будить. Я только хотѣлъ узнать, не спите ли?

За заборомъ послышалось нѣсколько тяжелыхъ движеній, и вслѣдъ затѣмъ Василій Петровичъ, какъ-куль съ землею, упалъ въ садикъ.

— Экой чортушко!—сказалъ Челновскій, смѣясь и смотря, какъ Василій Петровичъ поднимался съ земли и пробирался къ окну сквозь густые кусты акаціи и сирени.

— Здравствуйте! — весело проговорилъ Овцебыкъ, показавшись въ окнѣ.

Челновскій оставилъ отъ окна столикъ съ туалетными принадлежностями, и Василій Петровичъ перенесъ сначала одну изъ своихъ ногъ, потомъ сѣлъ верхомъ на подоконникъ, потомъ перенесъ другую ногу и, наконецъ, совсѣмъ явился въ комнатѣ.

— Ухъ! уморился,—проговорилъ онъ, снявъ свое пальто и подаль намъ руки.

— Сколько верстъ отмахалъ?—спросилъ его Челновскій, ложась снова въ свою постель.

— Въ Погодовѣ быть.

— У дворника?

— У дворника.

— Ъсть будешь?

— Если есть что, такъ буду.

— Побуди мальчика!

— Ну, его, сонатаго!

— Отчего?

— Пусть спить.

— Да что ты юродствуешь!—Челновскій громко крикнулъ:—Моисей!

— Не буди, говорю тебѣ; пусть спить.

— Ну, а я не найду, чѣмъ тебя кормить.

— И не надо.

— Да вѣдь ты ѣсть хочешь?

— Не надо, говорю; я вотъ что, братцы...

— Что, братецъ?

— Я къ вамъ пришелъ проститься.

Василій Петровичъ сѣлъ на кровать къ Челновскому и взялъ его дружески за колѣно.

— Какъ проститься?

— Не знаешь какъ прощаются?

— Куда жъ это ты собрался?

— Пойду, братцы, далеко.

Челновскій всталъ и зажегъ свѣчу. Василій Петровичъ сидѣлъ и на лицѣ его выражалось спокойствіе и даже счастье.

— Дай-ка мнѣ на тебя посмотрѣть,—сказалъ Челновскій.

— Посмотри, посмотри,—отвѣчалъ Овцебыкъ, улыбаясь своей нескладной улыбкой.

— Что же твой дворникъ дѣлаетъ?

— Сѣно и овесъ продаетъ.

— Потолковали съ нимъ про неправды безсудныя, про обиды безмѣрныя?

— Потолковали.

— Что жъ, это онъ, что ли, тебѣ какой походъ насовѣтовалъ?

— Нѣтъ. я самъ надумалъ.

— Въ какія жъ ты отправишься палестины?

— Въ пермскія.

— Въ пермскія?

— Да, чего удивился!

— Что ты забылъ тамъ?

Василій Петровичъ всталъ, прошедши по комнатѣ, закрутилъ свои виски и проговорилъ про себя: «это ужъ мое дѣло».

— Эй, Вася, дуришь ты,—сказалъ Челновскій.

Овцебыкъ молчалъ и мы молчали.

Это было тяжелое молчаніе. И я, и Челновскій поняли, что передъ нами стоитъ агитаторъ,—агитаторъ искренній и безстрашный. И онъ понялъ, что его понимаютъ, и вдругъ вскрикнулъ:

— Что жъ мнѣ дѣлать! Сердце мое не терпитъ этой цивилизаціи, этой мобилизаціи, этой стерворизаціи!..—И онъ крѣпко ударилъ себя кулакомъ въ грудь, и тяжело опустился на кресло.

— Да что жъ ты подѣлаешь?

— О, когда бъ я зналъ, что съ этимъ можно сдѣлать! О, когда бы это знать!.. Я на-ощупь иду.

Всѣ замолчали.

— Можно курить?—спросилъ Богословскій послѣ продолжительной паузы.

— Кури, пожалуйста.

— Я здѣсь съ вами на полу прилягу,—это будетъ моя вечеря.

— И отлично.

— Поговоримъ,—представь... молчу-молчу, и вдругъ мнѣ приходитъ охота говорить.

— Ты чѣмъ-нибудь разстроился.

— Ребятеноекъ мнѣ жалко,—сказалъ онъ и сплюнулъ черезъ губу.

— Какихъ?

— Ну, моихъ, кутейниковъ.

— Чего жъ тебѣ ихъ жалъ?

— Изгадятся они безъ меня.

— Ты самъ ихъ гадишь.

— Ври.

— Конечно: ихъ учать на одно, а ты ихъ переучиваешь на другое.

— Ну такъ что жъ?

— Ничего и не будетъ.

Вышла пауза.

— А я вотъ что скажу тебѣ,—проговорилъ Челновскій:— женился бы ты, взять бы къ себѣ старуху-мать, да былъ бы добрымъ попомъ—отличное бы дѣло сдѣлать.

— Ты мнѣ этого не говори! Не говори ты мнѣ этого!

— Богъ съ тобой,—отвѣчалъ Челновскій, махнувъ рукой.

Василій Петровичъ опять заходилъ по комнатамъ и, остановясь передъ окномъ, продекламировалъ:

Стоя одинъ передъ грозюю,
Не призывай къ себѣ жены.

— И стихи выучилъ,—сказалъ Челновскій, улыбаясь и показывая мнѣ на Василья Петровича.

— Умные только,—отвѣчалъ тотъ, не отходя отъ окна.

— Такихъ умныхъ стиховъ не мало есть, Василій Петровичъ,—сказалъ я.

— Все—дребедень.

— А женщины—все дрянъ?

— Дрянъ.

— А Лидочка?

— Что же Лидочка?—спросилъ Василій Петровичъ, когда ему напомнили имя очень милой и необыкновенно несчастной дѣвушки—единственнаго женскаго существа въ городѣ, которое оказывало Василью Петровичу всяческое вниманіе.

— Вамъ не будетъ о ней скучно?

— Что это вы говорите?—спросилъ Овцебыкъ, расширивъ свои глаза и пристально уставивъ ихъ на меня.

— Такъ говорю. Она—хорошая дѣвушка.

— Ну, такъ что жъ, что хорошая?

Василій Петровичъ помолчалъ, выколотилъ о подоконникъ свою трубку и задумался.

— Паршивые! — проговорилъ онъ, закуривая вторую трубку.

Челновскій и я разсмѣялись.

— Чего васъ разбирать?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Это дамы, что ли, у тебя паршивыя?

— Дамы! Не дамы, а жида.

— Къ чему жъ ты тутъ жидавъ вспомнилъ?

— А чертъ ихъ знаетъ, чего они помнятся: у меня мать, да и у нихъ у каждаго есть по матери, и все знаютъ,—отозвался Василій Петровичъ и, задувъ свѣчку, съ трубкою въ зубахъ, повалился на пологой коврикъ.

— Это ты еще не забылъ?

— Я, братъ, памятливъ.

Василій Петровичъ тяжело вздохнулъ.

— Подохнуть, сопаты, дорогой,—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Пожалуй.

— И лучше.

— Экое у него и состраданіе-то мудреное,—сказалъ Челновскій.

— Нѣтъ, это у васъ все мудреное. У меня, братъ, все простое, мужицкое. Я вашихъ чохъ-мохъ не разумѣю. У васъ все такое въ головѣ, чтобъ и овцы были цѣлы, и волки сыты, а этого нельзя. Этакъ не бываетъ.

— Какъ же по-твоему будетъ хорошо?

— А хорошо будетъ, какъ Богъ дастъ

— Богъ самъ ничего въ людскихъ дѣлахъ не дѣлаеть.

— Понятно, что все люди будутъ дѣлать.

— Когда они станутъ людьми,—сказалъ Челновскій.

— Эхъ, вы, умники! Посмотришь на васъ, будто и въ самомъ дѣлѣ вы что знаете, а ничего вы не знаете,—энергически воскликнулъ Василій Петровичъ. — Дальше своего дворянскаго носа вамъ ничего не видать, да и не увидать. Вы бы въ моей шкурѣ прожили съ людьми, да съ мое походили, такъ и узнали бы, что нечего нюни-то нюнить. Пшь ты, чортъ этакой! и у него тоже дворянскія привычки,—переломилъ неожиданно Овцебыкъ и всталъ.

— У кого это дворянскія привычки?

— У собаки, у Боксы. У кого же еще?

— Какія жъ это у ней дворянскія привычки?—спросилъ Челновскій.

— Дверей не затворяеть.

Мы тутъ только замѣтили, что черезъ комнату дѣйствительно тянулъ сквозной вѣтеръ.

Василій Петровичъ всталъ, затворилъ дверь изъ сѣней и заперъ ее на крючокъ.

— Спасибо,—сказалъ ему Челновскій, когда онъ возвратился и снова растянулся на коврикъ.

Василій Петровичъ ничего не отвѣчалъ, набилъ еще трубочку и, закуривъ ее, неожиданно спросилъ:

— Что въ книжкахъ брешутъ?

— Въ которыхъ?

— Ну, въ вашихъ журналахъ?

— О разныхъ вещахъ пишутъ, всего не расскажешь.

— О прогрессѣ все, небось?

— И о прогрессѣ.

— А о народѣ?

— И о народѣ.

— О, горе симъ мытарямъ и фарисеямъ!—вдохнувъ, произнесъ Овцебыкъ.—Болты болтають, а сами ничего не знаютъ.

— Отчего ты, Василий Петровичъ, думаешь, что ужъ, кромѣ тебя, никто ничего не знаетъ о народѣ? Вѣдь это, братъ, самолюбіе въ тебѣ говорить.

— Нѣтъ, не самолюбіе. А вижу я, что подло всё занимаются этимъ дѣломъ. Все на язычничествѣ выѣзжаютъ, а на дѣло—шкого. Нѣтъ, ты дѣло дѣлай, а не брешни. А то любовь-то за обѣдомъ разгорается. Повѣсти пишутъ, рассказы!—прибавилъ онъ, помолчавъ,—эхъ, язычники! фарисеи проклятые! А сами, небось, не тронутся. Толокномъ-то боятся подавиться. Да и хорошо, что не трогаются,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Отчего же это хорошо?

— Да все оттого жъ, говорю,—что толокномъ подавятся, доведется ихъ въ загорбокъ бить, чтобы прокашлянули, а они заголосятъ: «бьютъ насъ!» Такимъ развѣ повѣрять! А ты,—продолжалъ онъ, сѣвъ на своей постели:—надѣнь эту же замашную рубашку, да чтобы она тебѣ бока не мусолила; ѣшь тюрю, да не морщися, да не лѣнись свинью во дворъ загнать: вотъ тогда тебѣ и повѣрять. Душу свою клади, да такъ, чтобы видѣли, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй. Люди мой, люди мои! что бы я ни сотворилъ вамъ?.. Люди мой, люди мои! что бы я вамъ ни отдалъ?—Василій Петровичъ задумался, потомъ поднялся во весь свой ростъ и, протянувъ руки ко мнѣ и къ Челновскому, сказалъ:—«Рсбята! смутные дни настають, смутные. Часу медлить нельзя, а то придуть лжспророки, и я голосъ ихъ слышу проклятый и ненавистный. Во имя народа будутъ уловлять и губить васъ. Не смущайтесь слми зовущими, и если силы воловьей въ хребтахъ своихъ не чувствуете, ярма на себя не вскладываете. Не въ числѣ людей дѣло. Пятью пальцами блохи не изловишь, а однимъ можно. Я отъ васъ, какъ и отъ другихъ, большого проку не жду. Это—не ваша вина, вы жидки на густое дѣло. Но, прошу васъ, заповѣдь одну мою братскую соблюдайте: не брешите вы никогда на вѣтеръ! Эй, право, вредъ въ этомъ великій есть! Эй, вредъ! Ногъ не подставляйте, и будетъ съ васъ, а намъ, вотъ такимъ Овцебыкамъ,—сказалъ онъ, ударивъ себя въ грудь,—намъ этого мало. На насъ кара небесная

падетъ, коли этимъ удовольствуемся. «Мы свои своимъ, п свои насъ познають».

Долго и много говорилъ Василій Петровичъ. Онъ никогда такъ много не говорилъ и такъ ясно не высказывался. На небѣ уже брезжила зорька и въ комнатѣ замѣтно сѣрѣло, а Василій Петровичъ все еще не умолкъ. Коренастая фигура его дѣлала энергическія движенія, и сквозь прорѣхи старой ситцевой рубаники было замѣтно, какъ высоко поднималась его мохнатая грудь.

Мы заснули въ четыре часа, а проснулись въ девять. Овцебыка уже не было, и съ тѣхъ поръ я не видалъ его ровно три года. Чудакъ въ то же утро ушелъ въ страны, рекомендованныя ему его пріятелемъ, содержателемъ постоялаго двора въ Погодовѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ нашей губерніи есть довольно много монастырей, которые построены въ дѣсахъ и называются «пустынями». Моя бабушка была очень религіозная старушка. Женщина стараго вѣка, она питала неодолимую страсть къ путешествіямъ по этимъ пустынямъ. Она на память знала не только исторію каждаго изъ этихъ уединенныхъ монастырей, но знала всѣ монастырскія легенды, исторію иконъ, чудотворенія, какія тамъ сказывали, знала монастырскія средства, ризницу и все прочее. Это былъ ветхій, но живой указатель къ святынямъ нашего края. Въ монастыряхъ тоже всѣ знали старушку и принимали ее необыкновенно радушно, несмотря на то, что она никогда не дѣлала никакихъ очень дѣльных приношеній кромѣ воздуховъ, вышиваньемъ которыхъ занималась цѣлую осень и зиму, когда погода не позволяла ей путешествовать. Въ гостиницахъ П--ской и Л--ской пустыни къ Петрову дню и Успенію всегда оставляли для нея двѣ комнаты. Мели ихъ, чистили и никому не отдавали даже подъ самый день праздника.

— Александра Васильевна пріѣдетъ, — говорилъ всѣмъ отецъ-казначей: — не могу отдать ей комнатъ.

И дѣйствительно, бабушка моя пріѣзжала.

Разъ какъ-то она совсѣмъ запоздала, а народу наѣхало на праздникъ въ пустынь множество. Ночью, передъ заутренней, пріѣхалъ въ Л--скую пустынь какой-то генераль и требовалъ себѣ лучшаго номера въ гостиницѣ. Отецъ-казна-

чей былъ въ затруднительномъ положеніи. Первый разъ моя бабушка пропускала престольный праздникъ пустыннаго храма. «Умерла, видно, старуха», подумалъ онъ, но, взглянувъ на свои луковницеобразные часы и увидавъ, что до заутрени еще остается два часа, онъ все-таки не отдалъ ей коммать генералу и спокойно отправился въ келью читать свою «полунощницу». Прогудѣлъ три раза большой монастырскій колоколъ: въ церкви замелькала горящая свѣчечка, съ которою служба суетилась передъ иконостасомъ, закигая ставники. Народъ, цозъвивая и крестя рты, толпами повалилъ въ церковь, и моя милая старушка, въ чистомъ дикенскомъ платьѣ и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, чепцѣ московскаго фасона 12-го года, входила уже въ сѣверныя двери, набожно крестясь и шепча: «За утро услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой!» Когда іеродіаконъ возгласилъ свое торжественное «возстаните!», бабушка уже была въ темномъ уголкѣ и клала земные поклоны за души усопшихъ. Отецъ-казначей, подпуская богомольцевъ ко кресту, послѣ ранней обѣдни, нимало не удивился, увидѣвъ старуху, и, подавъ ей изъ-подъ рясы просфору, очень спокойно сказалъ: «Здравствуй, мать Александра!» Бабушку въ пустыняхъ только молодые послушники звали Александрой Васильевной, а старики иначе ей не говорили, какъ «мать Александра». Богомольная старушка наша, однако, никогда не была ханжой и не корчила изъ себя монахини. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, она всегда была одѣта чисто, какъ колпикъ. Свѣженькое дикое или зеленое ситцевое платье, высокій тюлевый чепчикъ, съ дикими лентами, и ридикюль съ вышитой собачкой,—все было свѣжо и наивно-кокетливо у доброй старушки. Ъздила она въ пустыни въ деревенской безрессорной кибиткѣ на парѣ старыхъ рыжихъ кобылокъ очень хорошей породы. Одну изъ нихъ (мать) звали «Щеголихой», а другую (дочь)—«Пезданкою». Послѣдняя получила свое названіе оттого, что явилась на свѣтъ совершенно неожиданно. Обѣ эти лошадки у бабушки были необыкновенно смиренны, рѣзвы и добродушнѣйшимъ старичкомъ кучеромъ Ильею Васильевичемъ, составляло для меня во все годы моего дѣтства наивысочайшее наслажденіе.

Я былъ адъютантомъ старушки съ самаго ранняго воз-

раста. Еще шести лѣтъ я съ ней отправился, въ первый разъ, въ Л—скую пустынь на рыжихъ ея кобылкахъ, и съ тѣхъ поръ сопровождалъ ее каждый разъ, пока меня десяти лѣтъ отвезли въ губернскую гимназію. Поѣздка по монастырямъ имѣла для меня очень много привлекательнаго. Старушка умѣла необыкновенно опoэтизировать свои путешествія. Ѣдемъ, бывало, рысдой; кругомъ такъ хорошо: воздухъ ароматный; галки прячутся въ зеленяхъ; люди встрѣчаются, кланяются намъ, и мы имъ кланяемся. По лѣсу, бывало, идемъ пѣшкомъ; бабушка мнѣ рассказываетъ о двѣнадцатомъ годѣ, о можайскихъ дворянахъ, о своемъ побѣгѣ изъ Москвы, о томъ, какъ гордо подходили французы, и о томъ, какъ потомъ безжалостно морозили и били французовъ. А тутъ постоянный дворъ, знакомые дворняки, бабы съ толстыми брюхами и съ фартуками, подвязанными выше груди, просторные выгоны, по которымъ можно бѣгать, — все это плѣняло меня и имѣло для меня обаятельную прелесть. Бабушка приметя въ горенкѣ за свой туалетъ, а я отправляюсь подъ прохладный тѣнистый навѣсъ къ Ильѣ Васильевичу, ложусь возлѣ него на вязкѣ сѣна и слушаю рассказъ о томъ, какъ Илья возилъ въ Орлѣ императора Александра Павловича; узнаю, какое это было опасное дѣло, какъ много было экипажей и какимы опасностямъ подвергался экипажъ императора, когда при сѣздѣ съ горы къ Орлику у хлоповскаго кучера лопнули вожжи и какъ тутъ одинъ онъ, Илья Васильичъ, своею находчивостью спасъ жизнь императора, собиравшагося уже выпрыгнуть изъ коляски. Оеакійцы не слушали такъ Одиссея, какъ слушала я кучера Илью Васильевича. Въ самыхъ же пустыняхъ у меня были пріятели. Меня очень любили два старичка: игумень П—ской пустыни и отецъ-казначей Л—ской пустыни. Первый, высокій, блѣдный старикъ, съ добрымъ, но строгимъ лицомъ, не пользовался, однако, моею привязанностью; но зато отца-казначей я любилъ отъ всего моего маленькаго сердца. Это было добродушнѣйшее созданіе въ поддунномъ мірѣ, о которомъ, мимоходомъ сказать, онъ ничего не вѣдалъ, и въ этомъ-то его невѣдѣніи, какъ мнѣ теперь кажется, и лежала основа безграничной любви этого старика къ человѣчеству.

Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, аристократическихъ знакомствъ съ пустыноначальниками, у меня были демокра-

тпческія связи съ пустынными плебейми: я очень любилъ послушниковъ—этотъ странный классъ, въ которомъ обыкновенно преобладають двѣ страсти: лѣность и самолюбіе, но иногда встрѣчается запасъ веселой безпечности и чисторусскаго равнодушія къ самому себѣ.

— Какъ вы почувствовали призваніе поступить въ монастырь?—спросишь, бывало, кого-нибудь изъ послушниковъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ:—призванія не было, а я такъ поступилъ.

— А вы примете монашество?

— Безиремѣнно.

Выйти изъ монастыря послушнику кажется безусловно невозможнымъ, хотя онъ и знаетъ, что ему никто въ этомъ препятствовать не станетъ. Я въ дѣтствѣ очень любилъ этотъ народъ, веселый, шаловливый, отважный и добродушно-лицемерный. Пока послушникъ послушникомъ или «слимакомъ», на него никто не обращаетъ вниманія, и потому никто и не знаетъ его натуры; а съ тѣмъ, какъ послушникъ надѣваетъ рясу и клобукъ, онъ рѣзко измѣняетъ и свой характеръ, и свои отношенія къ ближнимъ. Пока же онъ послушникъ, онъ — существо необыкновенно общежительное. Какіе гомерическіе кулачные бои я помню въ монастырскихъ хлѣбопекарняхъ. Какія пѣсни удалыя пѣлись вполголоса на стѣнахъ, когда пять или шесть рослыхъ, красивыхъ послушниковъ медленно прогуливались на нихъ и зорко поглядывали за рѣчку, за которой звонкими, взманивающими женскими голосами пѣлась другая пѣсня,—пѣсня, въ которой звучали крылатые зовы: «кинь-теся, бросьтеся; во зелены ган бросьтеся». И я помню, какъ, бывало, мнутеся слимаки, слушая эти пѣсни, и, не утерпѣвъ, бросаются въ зеленые ган. О! Я все это очень хорошо помню. Не забыть я ни одного урока, ни въ пѣніи кантатъ, сочиненныхъ на самыя оригинальныя темы, ни въ гимнастикѣ, для упражненія въ которой, впрочемъ, высокія монастырскія стѣны были не совсѣмъ удобны, ни въ умѣніи молчать и смѣяться, сохраняя на лицѣ серьезное выраженіе. Богѣ же всего я любилъ рыбную ловлю на монастырекомъ озерѣ. Мои пріятели-послушники тоже считали праздникомъ поѣздку на это озеро. Рыбная ловля въ ихъ однообразной жизни была единственнымъ занятіемъ, при которомъ они могли хоть немножко разгуляться и по-

пробовать крѣпость своихъ молодыхъ мышцъ. II въ самомъ дѣлѣ, въ этой рыбной ловлѣ было очень много поэтического. Отъ монастыря до озера было восемь или десять верстъ, которыя надо было пройти пѣшкомъ по очень густому чернолѣску. Отправлялись на ловлю обыкновенно передъ вечерней. На телѣгѣ, запряженной толстою и очень старою монастырскою лошадыю, лежали неводъ, нѣсколько ведеръ, бочка для рыбы и багры; но на телѣгѣ никто не сидѣлъ. Вожжи были взвязаны у телѣжной грядки, и если лошадь сбивалась съ дороги, то послушникъ, исправившій должность кучера, только подходилъ и дергалъ ее за вожжу. Но, впрочемъ, лошадь почти никогда и не сбивалась, да и не могла сбиться, потому что отъ монастыря до озера по лѣсу была всего одна дорожка, и то такая колесная, что коню никогда не приходило охоты вытаскивать колеса изъ глубокихъ колеи. Съ нами для надзора посылали всегда старца Игнатія, глухого и подслѣповатаго старичка, принимавшаго когда-то въ своей кельѣ императора Александра I и вѣчно забывавшаго, что Александръ I уже не царствуетъ. Отецъ Игнатій ѣздилъ на крошечной телѣжкѣ и самъ правилъ другою толстою лошадыю. Я собственно всегда имѣлъ право ѣхать съ отцомъ Игнатіемъ, которому меня особо поручала моя бабушка, и отецъ Игнатій даже позволялъ мнѣ править толстою лошадыю, запряженною въ короткія оглобли его телѣжки; но я обыкновенно предпочиталъ идти съ послушниками. А они никогда не шли по дорогѣ. Понемногу, понемногу заберемся, бывало, въ лѣсъ, сначала запоемъ: «Такъ шелъ по пути молодой монахъ, а навстрѣчу ему самъ Іисусъ Христосъ», а тамъ кто-нибудь заведетъ новую пѣсню, и поемъ ихъ одна за другою. Беззаботное, милое время! Благословенье тебѣ, благословенье и вамъ, дающимъ мнѣ эти воспоминанія. Къ ночи только, бывало, дойдемъ мы такъ къ озеру. Тутъ на берегу стояла хатка, въ которой жили два старичка, рясофорные послушники: отецъ Сергій и отецъ Вавила. Оба они были «некнижные», то-есть грамотѣ не умѣли, и исполняли «сторожевое послушаніе» на монастырскомъ озерѣ. Отецъ Сергій былъ человѣкъ необыкновенно искусный въ рукодѣліяхъ. У меня еще теперь есть прекрасная ложка и узорчатый крестъ его работы. Онъ также плелъ сѣти, кубари, лукошки, корзины и разныя такія вещицы. Была

у него очень искусно вырѣзанная изъ дерева статуэтка какого-то святого; но онъ ее показалъ мнѣ всего только одинъ разъ, и то съ тѣмъ, чтобы я никому не говорилъ. Отецъ Вавила, напротивъ, ничего не работалъ. Онъ былъ поэтъ. «Любилъ свободу, лѣнь, покой». Онъ готовъ былъ по цѣлымъ часамъ оставаться надъ озеромъ въ созерцательномъ положеніи и наблюдать, какъ летаютъ дикія утки, какъ ходитъ осанистая цапля, таская повременамъ изъ воды лягушекъ, выпросившихъ ее себѣ въ царя у Зевеса. Тотчасъ передъ хаткою двухъ «некнижныхъ» пниковъ начиналась широкая песчаная полоса, а за нею озеро. Въ хатѣ было очень чисто: стояли двѣ иконы на полочкѣ и двѣ тяжелыя деревянныя кровати, выкрашенныя зеленою масляною краскою, столъ, покрытый суровой ширинкою, и два стула, а по сторонамъ обыкновенныя лавки, какъ въ крестьянской избѣ. Въ углу былъ маленькій шкафчикъ съ чайнымъ приборомъ, а подъ шкафикомъ на особой скамеечкѣ стоялъ самоваръ, вычищенный какъ паровикъ на королевской яхтѣ. Все было очень чисто и уютно. Въ кельѣ «некнижныхъ» отцовъ, кромѣ ихъ самихъ, не жилъ никто, кромѣ желтобурого кота, прозваннаго «Капитаномъ» и замѣчательнаго только тѣмъ, что, нося мужское имя и будучи очень долгое время почитаемъ настоящимъ мужчиною, онъ вдругъ къ величайшему скандалу, окотился и съ тѣхъ поръ не переставалъ размножать свое потомство, какъ кошка.

Изъ всего нашего обоза въ хаткѣ съ отцами «некнижными» укладывался спать, бывало, только одинъ отецъ Игнатій. Я обыкновенно отирашивался отъ этой чести и спалъ съ послушниками на открытомъ воздухѣ у хатки. Да мы, впрочемъ, почти и не спали. Пока, бывало, разведемъ огонь, вскипятимъ котелокъ воды, засыплемъ жидкую кашницу, бросивъ туда нѣсколько сухихъ карасей, пока поѣдимъ все это изъ большой деревянной чашки — ужъ и полночь. А тутъ, только лжемъ, сейчасъ заводится сказка, и непременно самая страшная или многогрѣшная. Огъ сказокъ переходили къ былямъ, къ которымъ каждый разсказчикъ, какъ водится, всегда и «небылицъ безъ счета привиралъ». Такъ и ночь зачастую проходила, прежде чѣмъ кто-нибудь собирался заснуть. Разказы обыкновенно имѣли предметомъ странниковъ и разбойниковъ. Особенно много

такихъ разсказовъ зналъ Тимошей Невструевъ, пожилой послушникъ, слышій у насъ за непобѣдимаго силача и всегда собиравшійся на войну за освобожденіе христіанъ, съ тѣмъ, чтобы всѣхъ ихъ «подъ себя подбить». Онъ исходилъ, кажется, всю Русь, былъ даже въ Палестинѣ, въ Греціи и высмотрѣлъ, что всѣхъ ихъ «подбить можно». Уляжемся. бывало, на веретья, огонекъ еще курится, толстыя лошади, привязанныя у хрѣтуга, пофыриваютъ надъ овсомъ, а кто-нибудь ужъ и «заводитъ исторію». Я теперь перезабылъ множество этихъ исторій и помню только одну послѣднюю ночь, которую я, благодаря снисходительности моей бабушки, спалъ съ послушниками на берегу П—скаго озера. Тимошей Невструевъ былъ не совсѣмъ въ духѣ — въ этотъ день онъ стоялъ посреди церкви на поклонахъ за то, что перелѣзалъ ночью черезъ ограду въ настоятельскомъ садѣ, — и началъ разсказывать Емельяцъ Высодкій, молодой человекъ, лѣтъ восемнадцати. Онъ былъ родомъ изъ Курляндіи, брошенъ ребенкомъ въ нашей губерніи и сдѣлался послушникомъ. Мать его была комедіантка, и онъ о ней ничего больше не зналъ; а выросъ онъ у какой-то сердобольной купчихи, пристроившей его девятилѣтнимъ мальчикомъ въ монастырь на послушаніе. Разговоръ начался съ того, что кто-то изъ послушниковъ, послѣ одной разсказанной сказки, вздохнулъ глубоко и спросилъ:

— Отчего это, братцы мои, нѣтъ теперь хорошихъ разбойниковъ?

Никто ничего не отвѣчалъ. и меня начиналъ мучить этотъ вопросъ, котораго я давно никакъ не могъ разрѣшить себѣ. Я тогда очень любилъ разбойниковъ и рисовалъ ихъ на своихъ тетрадяхъ въ плащахъ и съ красными перьями въ шляпахъ.

— Есть и теперь разбойники, — отозвался топенькимъ голоскомъ послушникъ изъ курляндцевъ.

— Ну, говори, какіе есть теперь разбойники? — спросилъ Невструевъ и закрылся подъ самое горло своимъ коленкоровымъ халатомъ.

— А вотъ. какъ я жилъ еще у Пузанихи, — началъ курляндецъ: — такъ пошли мы одинъ разъ съ матерью Патальею, что изъ Боровска, да съ Аленой, тоже странницею изъ-

подъ Чернигова, на богомолье къ Николаю угодинку амченскому *)).

— Это какая Наталья? Бѣлая-то, высокая? Она, что ли? — прервалъ Певструевъ.

— Она, — отвѣтили торопливо рассказчикъ и продолжалъ далѣе: — А тутъ на дорогѣ есть село Отрада. Двадцать пять верстъ отъ Ора. Пришли мы въ это село такъ подъ вечеръ. Попросились у мужиковъ ночевать — не пустили; ну, мы пошли на постоялый. На постояломъ по грошу всегѣ берутъ, да тѣснота была страшная! Все — трепачи. Человѣкъ, можетъ, съ сорокъ. Питра у нихъ тутъ зашла, сквернословіе такое, что уходи да и только. Утромъ, какъ возбудила меня мать Наталья, трепачей ужъ не было. Только трое осталось, и то увязывали свои сумочки къ трѣпламъ. Увязали и мы свои сумочки, заплатили три гроша за ночлегъ и тоже пошли. Вышли изъ деревни, смотримъ — и тѣ три трепача за нами. Ну, за нами и за нами. Ничего намъ это невдомекъ. Только мать Наталья этакъ проговорила: «Что, дискать, за диво! Вчера, говорить, — эти самые трепачи говорили, ужинавши, что въ Орель идутъ, а нынче, гляди, идутъ за нами къ Амченску». Идемъ дальше — трепачи за нами все издали. А тутъ лѣсокъ этакой на дорогѣ вышелъ. Какъ стали мы подходить къ этому лѣсу, трепачи насъ стали догонять. Мы скорѣй, и они скорѣй. «Чего, говорятъ, — бѣжите! не убѣжите вѣдь», да вдвоемъ хватъ мать Наталью за руки. Та какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, а мы съ матерью Аленой ударились бѣжать. Мы бѣжимъ, а они вслѣдъ намъ грохочутъ: «Держи ихъ, держи!» И они орутъ, и мать Наталья кричитъ. «Вѣрно ее зарѣзали», думаемъ, да сами еще пуще. Тетка Алена такъ и ушла изъ глазъ, а у меня ноги подкосились. Вижу, нѣтъ ужъ моей моченьки, взялъ да и упалъ подъ кустъ. «Что, думаю, ужъ опредѣлено Богомъ, то и будетъ». Лежу и чуть духъ перевожу. Жду, вотъ сейчасъ наскочатъ! анъ, никого нѣтъ. Только съ матерью Натальей слышно все еще борются. Баба здоровая, не могутъ ее прикончить. Въ лѣсу-то тишь, все по зорькѣ мнѣ слышно. Нѣтъ-нѣтъ, да и опять вскрикнетъ мать Наталья. Ну, думаю, упокой Господи ея душеньку. А самъ ужъ не знаю, вставать мнѣ

*) То-есть «мценскому», отъ г. Мценска, гдѣ есть рѣзная икона св. Николая.

да бѣжать, или ужь тутъ и ждать какого-нибудь добраго человѣка? Ажъ слышу, кто-то будто подходитъ. Лежу я ни живъ, ни мертвъ, да смотрю изъ куста. Что жь, братцы мои, думаете, вижу? Проходитъ мать Наталья! Черный платокъ у нея съ головы свалился; косица-то русая, здоровенная такая, вся растрепана, и сумку въ рукахъ несетъ, а сама такъ и натывается. Кликну ее, думаю себѣ; да и крикнулъ этакъ не во весь голосъ. Она остановилась и глядитъ на кусты, а я опять ее кликнулъ. «Кто это?» говорить. Я выскочилъ, да къ ней, а она такъ и ахнула. Озираюсь кругомъ — никого нѣтъ ни сзади, ни спереди. — «Гонятся?» спрашиваю ее, — «побѣжимъ скорѣй!» А она стоитъ какъ остоленѣлая, только губы трясутся. Платье на ней, смотрю, все-то изорвано, руки исцарапаны, а ажъ по самые локти, и лобъ тоже исцарапанъ, словно какъ ногтями. — «Пойдемъ», говорю ей опять. — «Душили тебя?» спрашиваю. — «Душили», говорить, — «пойдемъ скорѣй», и пошли. — «Какъ же ты отъ нихъ отблалась?» — А она ничего больше не сказала до самой деревни, гдѣ мать Алену встрѣтили.

— Ну, а тутъ что рассказывала? — спросилъ Невструевъ, хранившій, такъ же, какъ и другіе, во время всего разсказа мертвое молчаніе.

— Да и тутъ только и говорила, что гонялись все за ней, а она все молитву творила да пескомъ имъ въ глаза бросала.

— И ничего у нея не взяли? — спросилъ кто-то.

— Ничего. Башмакъ только съ ноги да ладанку съ шеи потеряла. Все они у нея денегъ за пазухой, сказывала, искали.

— Ну, да! Это какіе разбойники! имъ все и дѣло за пазухой только, — растолковалъ Невструевъ и вслѣдъ затѣмъ началъ рассказывать про лучшихъ разбойниковъ, которые напугали его въ обоянскомъ уѣздѣ. — «Вотъ это, говорить, — были настоящіе русскіе разбойники».

Становилось нестерпимо интересно, и всѣ обратились въ слухъ о настоящихъ, хорошихъ разбойникахъ.

Невструевъ началъ: «Шель, говорить, — я изъ Коренной одинъ разъ. По обѣщанію отъ зубъ ходилъ. Денегъ при мнѣ было рубля съ два, да сумка съ рубахамъ. Сошелся

съ двумя въ родѣ... мѣщанъ на дорогѣ. «Куда, спрашиваютъ,—идешь?» — «Туда-то», говорю. — «И мы, говорятъ, туда». — «Пойдемъ вмѣстѣ». — «Ну, пойдемъ». Пошли. Пришли въ одну деревню; ужъ смеркалось. «Давайте, говорю имъ,—ночевать здѣсь», а они говорятъ: «Тутъ скверно; пойдемъ еще съ версту: тамъ дворъ будетъ важный; тамъ, говорятъ, — намъ всякое удовольствіе предоставятъ». — «Мнѣ, говорю,—никакихъ вашихъ удовольствій не надо». — «Пойдемъ, говорятъ,—недалеко вѣдь!» Ну, пошелъ. Точно, этакъ версть черезъ пятокъ, стоитъ въ лѣсу дворъ не маленькій, словно какъ постоялый. Въ двухъ окнахъ свѣтло видѣтся. Одинъ мѣщанинъ постучалъ въ кольцо, собаки въ сѣняхъ залаяли, а никто не отпираетъ. Опять постучалъ; слышимъ, кто-то вышелъ изъ избы и окликнулъ насъ; голосъ, можно распознать, женскій. «Кто такіе будете?» спросила, а мѣщанинъ говоритъ: «свои». — «Кто свои?» — «Кто, говоритъ,—съ борка, кто съ сосенки». Двери отперли. Въ сѣняхъ темень такая, что смерть. Баба заперла за нами дверь и отворила избу. Въ избѣ мужчинъ никого не было, только баба та, что намъ отворяла, да другая, корявая такая, сидѣла, волну щипала. «Пу, здорово, атаманиха!» говоритъ мѣщанинъ бабѣ. — «Здорово», говоритъ баба и вдругъ стала на меня смотрѣть. И я на нее гляжу. Здоровенная баба, годовъ этакъ тридцати будетъ, да бѣлая, шельма, румяная, и глаза повелительные. «Гдѣ, говоритъ,—вы этого молодца взяли?» Это на меня-то, значить. «Опосля, говорятъ,—расскажемъ, а теперь дай спотыкаловки, да фдаловки, а то зубаревы дѣвки отъ работы отвыкли». Поставили на столъ солонины, хрѣну, водки бутылку и пироговъ. «Ѣшь!» говорятъ мнѣ мѣщане. — «Нѣтъ, говорю,—я мяса не ѣмъ». — «Ну, бери пирогъ съ творогомъ». Я взялъ. «Пей, говорятъ,—водку». Выпилъ я рюмку. «Пей другую»; я выпилъ и другую. «Хочешь, говорятъ,—жить съ нами?» — «Какъ, спрашиваю,—съ вами?» — «А вотъ, какъ видишь: намъ вдвоемъ несподручно, — ходи съ нами и пей, Ѣшь... только атаманьшу слушай... Хочешь?» Плохо, думаю себѣ, дѣло! Въ недоброе я попалъ мѣсто. «Нѣтъ, говорю, — ребяга; мнѣ съ вами не жить». — «Отчего, говорятъ, — не жить?» А сами все тянутъ водку и ко мнѣ пристають: «пей да пей». «Умѣешь, спрашиваетъ одинъ,—драться?» — «Не учился», говорю. — «А не учился, такъ вотъ тебѣ наука!»

да съ этимъ словомъ какъ свистнетъ меня по уху. Хозяйка ни слова, а баба, знай, волну щипеть.

— За что же это, говорю,—братцы?

— А за то, говоритъ, — не ходи по лавкѣ, не гляди въ окно, да опять съ этимъ словомъ въ другое ухо ляпъ. Ну, думаю, пронадать все равно, такъ ужъ недаромъ, развернулся самъ, да какъ щелкану его по затылку. Онъ такъ подъ столъ и соскочилъ. Поднимается изъ-подъ стола, ажъ покряхтываетъ. Отмахнулъ рукой волосы да прямо за бутылку. «Хошь, говоритъ,—тутъ твой и конецъ!» Всѣ, вижу, молчать, и товарищъ его молчить. «Нѣтъ, говорю, — не хочу я конца». — «А не хочешь, такъ пей водку». — «И водки пить не стану». — «Пей! Игумень не увидитъ, на цоклоны не поставитъ». — «Не хочу я водки». — «Ну, а не хочешь, такъ чортъ съ тобой; заплати за то, что вышилъ, и ступай спать».

— «Сколько, говорю,—за водку съ меня?» — «Всѣ, что есть; у насъ, братъ, дорогая, прозывается «горькая русская доля», съ водой, да съ слезой, съ перцемъ, да съ собачьимъ сердцемъ». Я, было, въ шутку повернуть хотѣлъ, такъ нѣтъ; только-что я досталъ кошелекъ, а мѣщанинъ цапъ его, да и швырнулъ за перегородку. «Ну, теперь, говоритъ,—иди спать, чернецъ». — «Куда жъ, молъ, я пойду?» — «А вотъ тебя глухая тетеря проводитъ. Проведи его! закричалъ онъ бабѣ, что волну щипала. Пошелъ я за бабой въ сѣни, изъ сѣней на дворъ. Ночь такая хорошая, вотъ какъ теперь, на небѣ стожары горять и по лѣсу вѣтерокъ какъ бѣлка бѣгаетъ. Такъ мнѣ жалко стало и жизни-то своей, и монастыря тихого, а баба отворила мнѣ подклѣтъ, «иди, говоритъ, болѣзнь», да и ушла. Словно какъ ей жаль меня было. Вошелъ я, щупаю рукави-то, что-то нагромозчено, а что—не разберешь никакъ. Пащупалъ столбъ. Думаю: все равно пропадать, и полѣзъ вверхъ. Добрался до матицы да къ застрѣхѣ, и ну рѣшетины раздвигать. Руки всѣ ободралъ, наконецъ рѣшетинъ пять раздвинулъ. Сталъ копать соломѣ— звѣзды показались. Я еще работать; продралъ дыру; выкинулъ въ нее сперва свой мѣшочекъ, а тамъ перекрестился да и самъ кувыркнулъ. И бѣжалъ я, братцы мои, такъ рѣзво, какъ и средоу не бѣгалъ.

Все бывало, больше въ этомъ родѣ рассказываютъ, но эти рассказы казались тогда такъ интересными, что за-

слушаешься ихъ и едва-едва сомкнешь глаза передъ зарею. А тутъ отецъ Игнатій ужъ и поталкиваетъ палочкой. «Вставайте! На озеро пора». Поднимутся, бывало, послушники. позъваютъ, бѣдные: сонъ ихъ клонитъ. Возмутъ неводъ, разуются. снимутъ порты и пойдутъ къ лодкамъ. А неуклюжія, черныя, какъ гагары, монастырскія лодки всегда были привязаны къ кольямъ саженьхъ въ пятнадцать отъ берега, потому что съ берега далеко шла песчаная отмель, а черныя лодки сидѣли очень глубоко въ водѣ и не могли приставать къ берегу. Меня Невструевъ всю мель до лодокъ переносилъ, бывало, на рукахъ. Помню хорошо я эти переходы, эти добрыя, беззаботныя лица... Будто вижу теперь, какъ послушники, бывало, со сна идутъ въ холодную воду. Подпрыгиваютъ, посмѣиваются и, дрожа отъ холода, тащатъ тяжелый неводъ, нагинаясь къ водѣ и освѣжая ею свои лица отъ сна глаза. Помню рѣдкій паръ, поднимавшійся съ воды, золотистыхъ карасей и скользкихъ налимовъ; помню утомительный полдень, когда все мы, какъ убитые, падали на траву, отказываясь отъ янтарной ухи, приготовленной отцомъ Сергіемъ «некнижнымъ». Но еще болѣе помню недовольное и какъ бы злое выраженіе всехъ лицъ, когда запрягали толстыхъ лошадей, чтобъ везти въ монастырь наловленныхъ карасей и нашего командира, отца Игнатія, за которымъ слимаки должны шествовать въ свои монастырскія стѣны.

И въ этихъ-то памятныхъ мнѣ съ дѣтства мѣстахъ пришлось мнѣ еще разъ совершенно неожиданно встрѣтиться съ убѣжавшимъ изъ Курска Овцебыкомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Много воды ушло съ того времени, къ которому относятся мой воспоминанія, можетъ быть, весьма мало касающіяся суровой доли Овцебыка. Я подрасталъ и узнавалъ горе жизни; бабушка скончалась; Илья Васильевичъ и Щеголиха съ Пежданкою побывали; веселые слимаки ходили солидными иноками; меня поучили въ гимназій, потомъ отвезли за 600 верстъ въ университетскій городъ, гдѣ я выучился пѣть одну латинскую пѣсню, прочиталъ кое-что изъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и Бабёфа и во всеоружіи моихъ знаній возвратился къ своимъ Ларамъ

и Пенатамъ. Тутъ-то я свелъ описанное мною знакомство съ Василюемъ Петровичемъ. Прошло еще четыре года, проведенные мною довольно печально, и я снова очутился подъ родными липами. Дома и въ это время не произошло никакихъ переменъ ни въ нравахъ, ни во взглядахъ, ни въ направленихъ. Новости были только естественныя: матушка постарѣла и пополнѣла, четырнадцатилѣтняя сестра прямо съ пансіонерской скамьи сошла въ безвременную могилу, да выросло нѣсколько новыхъ липокъ, посаженныхъ ея дѣтскою рукою. «Неужто же, — думалъ я, — ничто не переменялось въ то время, когда я пережилъ такъ много: вѣрилъ въ Бога; отвергалъ Его и пакы находилъ Его; любилъ мою родину и распинался съ нею и былъ съ распинающими ее!» Это даже обидно показалось моему молодому самолюбію, и я рѣшился прозвести повѣрку, — всему повѣрку, — себѣ и всему, что меня окружало въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія. Прежде всего я хотѣлъ видѣть мои любимыя пустыни, и въ одно свѣжее утро я поѣхалъ на бѣгунцахъ въ П—скую пустынь, до которой отъ насъ всего двадцать съ чѣмъ-то верстъ. Та же дорога, тѣ же поля, и галки такъ же прячутся въ густыхъ озимяхъ, и мужики такъ же кланяются ниже пояса, и бабы такъ же ищутся, лежа передъ порогомъ. Все по-старому. Вотъ и знакомыя монастырскія ворота — тутъ новый привратникъ, старый — ужъ монахомъ. Но отецъ-казначей еще живъ. Больной старикъ уже доживалъ девятый десятокъ лѣтъ. Въ нашихъ монастыряхъ есть много примѣровъ рѣдкаго долговѣчія. Отецъ-казначей, однако, уже не исправлялъ своей должности и жилъ «на покоѣ», хотя, попрежнему, назывался не иначе, какъ «отцомъ-казначеемъ». Когда меня ввели къ нему, онъ лежалъ на постели и, не узнавъ меня, засуетился и спросилъ келейника: «Кто это?» Я, ничего не отвѣчая, подошелъ къ старику и взялъ его за руку. «Здравствуйте, здравствуйте!» бормоталъ отецъ-казначей, — «кто вы такой будете?» Я нагнулся къ нему, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ свое имя. «Ахъ ты дружочекъ, дружочекъ!.. ну что-жь; ну, здравствуй!» заговорилъ старикъ, снова засуетясь на своей кровати. — «Кирилъ! самоварчикъ раздуй скорѣй!» сказалъ онъ келейнику. — «А я, рабъ, ужъ не хожу. Вотъ больше года ноги все пухнуть». У отца-казначая была водяная, которую очень часто оканчиваютъ монахи, проводящіе жизнь

въ долгомъ церковномъ стояніи и въ другихъ занятіяхъ, располагающихъ къ этой болѣзни.

— Зови же Василья Петровича,—сказала казначей келейнику, когда тотъ поставилъ самоваръ и чашки на столѣкъ къ постели.—Тутъ у меня одинъ бѣдакъ живетъ,—добавилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ.

Келейникъ вышелъ и черезъ четверть часа по плитяному полу сѣней послышались шаги и какое-то мычанье. Отворилась дверь и моимъ удивленнымъ глазамъ предсталъ Овцебыкъ. Онъ былъ одѣтъ въ короткую свитку изъ великорусскаго крестьянскаго сукна, пестрядиныя порты и высокіе ютховые, довольно ветхіе, сапоги. Только на головѣ у него была высокая черная шапочка, какія носятъ монастырскіе послушники. Паружность Овцебыка такъ мало измѣнилась, что, несмотря на довольно странный нарядъ, я узналъ его съ перваго взгляда.

— Василій Петровичъ! Вы ли это?—сказала я, идя навстрѣчу моему пріятелю, и въ то же время подумалъ: «о, кто же лучше, какъ ты, скажетъ мнѣ, какъ прощелись надъ здѣшними головами годы суроваго опыта?»

Овцебыкъ мнѣ какъ будто обрадовался, а отецъ-казначей удивлялся, видя въ насъ двухъ старыхъ знакомыхъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, прекрасно,—лепетала она.— Наливай же, Вася, чай.

— Вы вѣдь знаете, что я не умѣю наливать чаю,—отвѣчала Овцебыкъ.

— Правда, правда. Наливай ты, гостѣкъ.

Я сталъ наливать чашки.

— Давно вы здѣсь, Василій Петровичъ?—спросила я, подавъ Овцебыку чашку.

Онъ откусилъ сахару, стрягнулъ кусочекъ и, хлебнувъ раза три, отвѣчала: «мѣсяцевъ девять будетъ».

— Куда жъ вы теперь?

— Покуда нкуда.

— А можно узнать откуда?—спросила я, невольно улыбаясь при воспоминаніи, какъ Овцебыкъ отвѣчала на подобныя вопросы.

— Можно.

— Изъ Перми?

— Нѣтъ.

— Откуда же?

Овцебыкъ поставилъ выпитую чашку и проговорилъ:

— Былъ иже вездѣ и нигдѣ.

— Челновскаго не видали ли?

— Нѣтъ. Я тамъ не былъ.

— Мать ваша жива ли?

— Въ богадѣльнѣ померла.

— Одна?

— Да вѣдь съ кѣмъ же умирають-то?

— Давно?

— Съ годъ, говорятъ.

— Погуляйте, ребятки. а я сосну до вечерни,—сказаль отецъ-казначей, которому ужъ тяжело было всякое напряженіе.

— Нѣтъ. я на озеро хочу проѣхать,—отвѣчалъ я.

— А! ну, поѣзжай, поѣзжай съ Богомъ и Васю свези: онъ тебѣ почудить дорогой.

— Поѣденте. Василій Петровичъ.

Овцебыкъ почесался, взялъ свой колачокъ и отвѣчалъ:

— Пожалуй.

Мы простились до завтра съ отцомъ-казначеемъ и вышли. На житномъ дворѣ мы сами запрягли мою лошадку и поѣхали. Василій Петровичъ сѣлъ ко мнѣ задомъ. спина со спиною, говоря, что иначе онъ не можетъ ѣхать, потому что ему воздуху мало за чужой головой. Дорогой онъ во все не чудилъ. Напротивъ, онъ былъ очень неразговорчивъ и только все меня спрашивалъ: видать ли я умныхъ людей въ Петербургѣ и про что они думаютъ? или, переставъ спрашивать, начиналъ свистать то соловьемъ, то иволгой.

Въ этомъ прошла вся дорога.

У давно знакомой хатки насъ встрѣтилъ низенькій, рыжій послушникъ, заступившій мѣсто отца Сергія, который года три какъ умеръ, завѣщавъ свои инструменты и приготовленный матеріалъ беззаботному отцу Вавилѣ. Отца Вавилы не было дома: онъ, по обыкновенію, гулялъ надъ озеромъ и смотрѣлъ на цапель, плотающихъ покорныхъ лягушекъ. Новый товарищъ отца Вавилы. отецъ Прохоръ, обрадовался намъ точно деревенская барышня звону колокольчика. Самъ онъ бросался отпрягать нашу лошадь, самъ разводилъ самоваръ и все увѣрялъ, что «отецъ Вавило вотъ ту минуточку вернется». Мы съ Овцебыкомъ вняли этимъ увѣ-

реніямъ, усѣлись на заваленкѣ лицомъ къ озеру и оба пріятно молчали. Никому не хотѣлось говорить.

Солнце уже совсѣмъ сѣло за высокія деревья, окружающія густою чащетою все монастырское озеро. Гладкая поверхность воды казалась почти черною. Въ воздухѣ было тихо, но душно.

— Гроза будетъ ночью,—сказалъ отецъ Прохоръ, таща на себѣ въ сѣни подушку съ моихъ бѣговыхъ дрожекъ.

— Зачѣмъ вы беспокоитесь? отвѣчалъ я:—можетъ-быть, еще и не будетъ.

Отецъ Прохоръ застѣнчиво улыбался и проговорилъ:

— Ничего-съ! Какое безпокойство!

— Я и лошадку тоже заведу въ сѣни, началъ онъ, выйдя снова изъ хатки.

— Зачѣмъ, отецъ Прохоръ?

— Гроза большая будетъ: испугается, оторвется еще. Нѣтъ-съ, я ее лучше въ сѣни. Ей тамъ хорошо будетъ.

Отецъ Прохоръ отвязалъ лошадь и, войдя въ сѣни, тянулъ ее за поводъ, приговаривая: «иди, матушка! иди, дурашка! Чего боишься?»

— Вотъ такъ-то лучше,—сказалъ онъ, оставивъ лошадь въ уголку сѣней и насыпавъ ей овса въ старое рѣшето.—Что-й-то отца Вавилы долго нѣтъ, право! проговорилъ онъ, зайдя за уголь хатки.—А воиъ ужъ и замолаживаетъ, добавилъ онъ, показывая рукою на сѣровато-красное облачко.

На дворѣ совсѣмъ смеркалось.

— Я пойду посмотрю отца Вавилу,—сказалъ Овцебыкъ и, закрутивъ свои косицы, зашагалъ въ лѣсъ.

— Не ходите: вы съ нимъ разойдетесь.

— Небось!—и съ этимъ словомъ онъ ушелъ.

Отецъ Прохоръ взялъ охапку дровъ и пошелъ въ избу. Скоро въ окнахъ засвѣтилось пламя, которое онъ развелъ на загнеткѣ, и въ котелкѣ закипѣла вода. Ни отца Вавилы, ни Овцебыка не было. Между тѣмъ, вершины деревьевъ въ это время изрѣдка стали погольшиваться, хотя поверхность озера еще стояла спокойною, какъ застывающій свинецъ. Только изрѣдка можно было замѣтить бѣленькіе плески отъ какого-нибудь рѣзвящагося карася, да лягушки хоромъ тянули одну монотонно-унылую ноту. Я еще все сидѣлъ на заваленкѣ, глядя на темное озеро и вспоминая мои въ темную даль улетѣвшіе годы. Тутъ тогда были эти неуклюжія

лодки, къ которымъ носилъ меня могучій Невструевъ; здѣсь я спалъ съ послушниками, и все тогда было такое милое, веселое, полное, а теперь какъ-то все, какъ будто и то же, да нѣтъ чего-то. Нѣтъ беззаботнаго дѣтства, нѣтъ теплой животворящей вѣры во многое, во чтó такъ сладко и такъ упоительно вѣрилось.

— Русь духъ пахнетъ! Откуда гости дорогіе?—крикнулъ отецъ Вавила, внезапно выйдя изъ-за угла хатки, такъ что я совершенно не замѣтилъ его приближенія.

Я его узналъ съ перваго раза. Онъ только совсѣмъ поблѣднѣлъ, но тотъ же дѣтскій взглядъ и то же веселое лицо.

— Издалека изволите быть?—спросилъ онъ меня.

Я назвалъ одну деревню версть за сорокъ.

Онъ спросилъ: не сыночекъ ли я Аѳанасья Павловича?

— Нѣтъ, говорю.

— Ну, все равно: милости прошу въ келью, а то дождь накрапываетъ.

Дѣйствительно, началъ накрапывать дождикъ и по озеру зарыбило, хотя вѣтра въ этой котловинѣ никогда почти не бывало. Разгуляться ему здѣсь было негдѣ. Такое ужъ было мѣсто тихое.

— Какъ величать позволите?—спросилъ отецъ Вавила, когда мы совсѣмъ вошли въ его хатку.

Я назвалъ свое имя. Отецъ Вавила посмотрѣлъ на меня, и на его добродушно-хитрыхъ губахъ показалась улыбка. Я тоже не удержался и улыбнулся. Мистификація моя не удалась: онъ узналъ меня; мы обнялись со старикомъ, много разъ сряду поцѣловались и ни съ того, ни съ сего оба заплакали.

— Дай-ка, я посмотрю на тебя поближе,—сказалъ продолжавшій улыбаться отецъ Вавила, подводя меня къ очагу.— Ишь, выросъ!

— А вы состарѣлись, отецъ Вавила.

Отецъ Прохоръ засмѣялся.

— А они у насъ еще все молодятся,—заговорилъ отецъ Прохоръ:—и даже ужасъ какъ молодятся.

— А то по-вашему, что-ль!—храбрясь отвѣчалъ отецъ Вавила, но тутъ же и присѣлъ на стульце и добавилъ:—нѣтъ, братикъ! духъ бодръ, а плоть ужъ отказывается. Къ отцу Сергію цора. Поясницу нынче все ломить—плохъ становлюсь.

— А давно умеръ отецъ Сергій?

— Третій годъ со Спиридона пошелъ.

— Хорошій былъ старикъ,—сказалъ я, вспоминая покойника съ его палочками и ножичкомъ.

— Смотри-ка! Въ уголь-то смотри: тутъ вся его мастерская и теперь стоитъ. Да зажги ты свѣчу, отецъ Прохоръ.

— А Капитанъ живъ?

— Ахъ, ты, кота... то бишь кошку нашу Капитана помнишь?

— Какъ же.

— Удушился, братъ, Капитанъ. Подъ дежу его какъ-то занесло: дежа захлопнулась, а пасъ дома не было. Принили, искали-искали—нѣтъ нашего кота. А дня черезъ два взяли дежу, смотримъ—онъ тамъ. Теперь другой есть... гляди-ко какой: Васька! Васька!—сталъ звать отецъ Вавила.

Изъ-подъ печи вышелъ большой сѣрый котъ и началъ тыкать головою въ ноги отцу Вавилѣ.

— Ишь ты бестія какая!

Отецъ Вавила взялъ кота и, положивъ его на колѣни, брюхомъ кверху, щекоталъ ему горло. Точно тенберовская картина: бѣлый какъ лунь старикъ съ сѣрымъ толстымъ котомъ на колѣняхъ, другой полу-старикъ въ углу ворочается; разная утварь домашняя, и все это освѣщено теплымъ, краснымъ свѣтомъ горящаго очага.

— Да зажигай свѣчу-то, отецъ Прохоръ!—крикнулъ опять отецъ Вавила.

— Вотъ сейчасъ. Никакъ не справишь.

Отецъ Вавила между тѣмъ оправдывалъ Прохора и рассказывалъ мнѣ:

— Мы, вѣдь, себѣ свѣчи теперь не зажигаемъ. Рано ложимся.

Зажгли свѣчу. Хата точно въ томъ же порядкѣ, какъ была за двѣнадцать лѣтъ назадъ. Только вмѣсто отца Сергія у печки стоитъ отецъ Прохоръ, а вмѣсто бураго Капитана съ отцомъ Вавилою забавляется сѣрый Васька. Даже ножикъ и пучокъ кореневатыхъ палочекъ, приготовленныхъ отцомъ Сергѣемъ, виситъ тамъ, гдѣ ихъ повѣсилъ покойникъ, приготовлявшій ихъ на какую-то потребу.

— Ну, вотъ и яйца сварились, вотъ и рыба готова, а Василья Петровича нѣтъ, — сказалъ отецъ Прохоръ.

— Какого Василя Петровича?

— Блажного, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ.

— Нѣшь-ты съ нимъ прѣхалъ?

— Съ нимъ. — сказалъ я, догадываясь, что кличка принадлежитъ моему Овцебыку.

— Кто жъ это тебя съ нимъ сюда справилъ?

— Да мы давно знакомы, — сказалъ я. — А вы мнѣ скажите, за что вы его блажнымъ-то прозвали?

— Блажной онъ, братъ. Охъ, какой блажной!

— Онъ — добрый человекъ.

— Да я не говорю, что злой, а только блажь его одолѣла: онъ теперь какъ нестойщій: всѣми порядками недоволенъ.

Было ужъ десять часовъ.

— Что жъ, давайте ужинать. Авось, подойдетъ, — командовалъ, начиная умывать руки, отецъ Вавила. — Да, да, да: поужинаемъ, а потомъ литійку... Хорошо? По отцѣ Сергій-то, говорю, литійку всѣ пропоемъ?

Стали ужинать и поужинали, и «со святыми упокой» пропѣли отцу Сергію, а Василю Петровичъ все еще не возвращался.

Отецъ Прохоръ убралъ со стола лишнюю посуду, а сковороду съ рыбой, тарелку, соль, хлѣбъ и пятокъ яицъ оставилъ на столѣ, потомъ вышелъ изъ хаты и, возвратясь, сказалъ:

— Нѣтъ, не видать.

— Кого не видать? — спросилъ отецъ Вавила.

— Василя Петровича.

— Ужъ если бъ тутъ былъ, такъ не стоялъ бы за дверью. Онъ теперь, видно, на прогулку вздумалъ.

Отецъ Прохоръ и отецъ Вавила непременно хотѣли меня уложить на одной изъ своихъ постелей. Насилу я отговорился, взявъ себѣ одну изъ мягкихъ, ситниковыхъ рогожъ работы покойнаго отца Сергія и улегся подъ окномъ на лавкѣ. Отецъ Прохоръ далъ мнѣ подушку, погасилъ свѣчу, еще разъ вышелъ и довольно долго тамъ оставался. Очевидно, онъ поджидалъ «блаженнаго», но не дождался, и возвратясь, сказалъ только:

— А гроза непременно соберется.

— Можетъ-быть, и не будетъ, — сказалъ я, желая успокоить себя насчетъ исчезшаго Овцебыка.

— Нѣтъ, будетъ: парило нынче крѣпко.

— Да ужь давно парить.

— У меня поясницу такъ и ломить,—подсказалъ отецъ Вавила.

— И муха съ самаго утра, какъ оглашенная, въ рожу лѣзла,—добавилъ отецъ Прохоръ, фундаментально повернувшись на своей массивной кровати, и всѣ мы, кажется, въ эту же самую минуту и заснули. На дворѣ стояла страшная темень, но дожди еще не было.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Встань!—говорилъ мнѣ отецъ Вавила, толкая меня на постели.—Встань! не хорошо спать въ такую пору. Неравень часъ воли Божіей.

Не разобравъ въ чемъ дѣло, я проворно вскочилъ и сѣлъ на лавкѣ. Передъ образникомъ горѣла тоненькая восковая свѣча, и отецъ Прохоръ, въ одномъ бѣльѣ, стоялъ на коленяхъ и молился. Страшный ударъ грома, съ грохотомъ раскатившійся надъ озеромъ и загудѣвшій по лѣсу, объяснилъ причину тревоги. Муха, значить, не даромъ лѣзла въ рожу отцу Прохору.

— Гдѣ Василій Петровичъ?—спросилъ я стариковъ.

Отецъ Прохоръ, не переставая шептать молитву, обернулся ко мнѣ лицомъ и показалъ движеніемъ, что Овцебыкъ еще не возвращался. Я посмотрѣлъ на мои часы: было ровно часъ пополудни. Отецъ Вавила, также въ одномъ бѣльѣ и въ коленкоровомъ ватномъ нагрудникѣ, смотрѣлъ въ окно; я тоже подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть. При непрерывной молніи, свѣтло озарявшей все открывавшееся изъ окна пространство, можно было видѣть, что земля довольно суха. Дождя большого, значить, не было съ тѣхъ поръ, какъ мы заснули. Но гроза была страшная. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, одинъ другого громче, одинъ другого ужаснѣе, а молнія не умолкала ни на минуту. Словно все небо разверзлось и готово было съ грохотомъ упасть на землю огненнымъ потокомъ.

— Гдѣ онъ можетъ быть?—сказалъ я, невольно думая объ Овцебыкѣ.

— И не говори лучше,—отозвался отецъ Вавила, не отходя отъ окна.

— Не случилось ли чего съ нимъ?

— Да случится, кажется, чему бы! Звѣря большого нѣтъ тутъ. Развѣ лихой человѣкъ — такъ и то не слышно было давно. Нѣтъ, такъ, небось, ходитъ. Вѣдь на него какая блажь найдеть.

— А видъ точно прекрасный, — продолжалъ старикъ, любуясь озеромъ, которое молнія освѣщала до самаго противоположнаго берега.

Въ это мгновеніе грянулъ такой ударъ, что вся хата затряслась; отецъ Прохоръ упалъ на землю, а насъ съ отцомъ Вавилою такъ и отбросило къ противоположной стѣнѣ. Въ сѣняхъ что-то рухнуло и повалилось къ двери, которою входили въ хату.

— Горимъ! — закричалъ отецъ Вавила, первый выйдя изъ общаго оцѣпенѣнья, и бросился къ двери.

Дверь нельзя было отпереть.

— Пустите, — сказалъ я, совершенно увѣренный, что мы горимъ, и съ размаху крѣпко ударилъ плечомъ въ дверь.

Къ крайнему нашему удивленію, дверь на этотъ разъ отворилась свободно, и я, не удержавшись, вылетѣлъ за порогъ. Въ сѣняхъ было совершенно темно. Я вернулся въ хату, взялъ отъ образника одну свѣчку и съ нею опять вышелъ въ сѣни. Шумъ весь надѣлала моя лошадь. Перепуганная послѣднимъ ужаснымъ ударомъ грома, она дернула поводъ, которымъ была привязана къ столбу, повалила пустой капустный наполь, на которомъ стояло рѣшето съ овсомъ, и, кинувшись въ сторону, притиснула нашу дверь своимъ тѣломъ. Бѣдное животное прятало уши, тревожно водило кругомъ глазами и тряслось всѣми членами. Встроемъ мы все привели въ порядокъ, насыпали новое рѣшето овса и возвратились въ хату. Прежде чѣмъ отецъ Прохоръ внесъ свѣчку, мы съ отцомъ Вавилою замѣтили въ хаткѣ слабый свѣтъ, отражавшійся черезъ окно на стѣну. Посмотрѣли въ окно, а какъ разъ, напротивъ, на томъ берегу озера, словно колоссальная свѣчка, теплилась старая сухостойная сосна, давно одиноко торчавшая на големъ песчаномъ холмѣ.

— А-а! — протянулъ отецъ Вавила.

— Молонья зажгла, — подсказалъ отецъ Прохоръ.

— И какъ горитъ прелестно! — сказалъ опять художественный отецъ Вавила.

— Богомъ ей такъ назначено,—отвѣчалъ богобоязливый отецъ Прохоръ.

— Ляжемте, однако, спать, отцы: гроза утихла.

Дѣйствительно, гроза совершенно стихла, и только издали неслись далекіе раскаты грома, да по небу тяжело ползла черная безконечная туча, казавшаяся еще чернѣе отъ горящей сосны.

— Глядите! глядите!—неожиданно воскликнуть все еще смотрѣвшій въ окно отецъ Вавила. — Вѣдь это нашъ блажнѣй!

— Гдѣ?—спросили въ одинъ голосъ я и отецъ Прохоръ, и оба глянули въ окно.

— Да вонъ, у сосны.

Дѣйствительно, шагахъ въ десяти отъ горящей сосны ясно обрисовывался силуэтъ, въ которомъ можно было съ перваго взгляда узнать фигуру Овцебыка. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, и, поднявъ голову, смотрѣлъ на горѣвшіе сучья.

— Прокричать ему?—спросилъ отецъ Прохоръ.

— Не услышитъ,—отвѣчалъ отецъ Вавила. — Видите, шумъ какой: невозможно услышать.

— И разсердится,—добавилъ я, хорошо зная натуру моего пріятели.

Постояли еще у окна. Овцебыкъ не трогался. Назвали его нѣсколько разъ «блаженнымъ», и легли на свои мѣста. Чудачества Василья Петровича давно перестали и меня удивлять; но въ этотъ разъ мнѣ было нестерпимо жаль моего страдающаго пріятели... Стоя рыцаремъ печальнаго образа передъ горящею сосною, онъ мнѣ казался шутомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда я проснулся, было уже довольно поздно. «Некнижныхъ» отцовъ не было въ хаткѣ. У стола сидѣлъ Василій Петровичъ. Онъ держалъ въ рукахъ большой ломоть ржаного хлѣба и прихлебывалъ молокомъ, прямо изъ стоящаго передъ нимъ кувшина. Замѣтивъ мое пробужденіе, онъ взглянулъ на меня и молча продолжалъ свой завтракъ. Я съ нимъ не заговаривалъ. Такъ прошло минутъ двадцать.

— Чего растягиваться-то?—сказалъ, наконецъ, Василій Петровичъ, поставивъ вышитый имъ кувшинъ молока.

— А что жъ бы намъ начать дѣлать?

— Пойдемъ бродить.

Василій Петровичъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Я очень дорожилъ этимъ расположеніемъ и не сталъ его спрашивать о ночной прогулкѣ. Но онъ самъ заговорилъ о ней, какъ только мы вышли изъ хаты.

— Ночь была грозная какая!—началъ Василій Петровичъ.—Просто, не запомню такой ночи.

— А дождя, вѣдь, не было.

— Начинать разъ пять, да не разошелся. Люблю я, смерть, такія ночи.

— А я не люблю ихъ.

— Отчего?

— Да что жъ хорошаго-то? вертить, ломить все.

— Гм! вотъ то-то и хорошо, что все ломить.

— Еще придавить ни за что, ни про что.

— Эко штука!

— Вотъ сосну разбило.

— Славно горѣла.

— Мы видѣли.

— И я видѣлъ. Хорошо жить въ лѣсахъ.

— Комаровъ только много.

— Эхъ, вы, канареечный заводъ! Комары забѣдятъ.

— Они и медвѣдей, Василій Петровичъ, донимають.

— Да, а все жъ медвѣдь изъ лѣсу не пойдетъ. Полюбилъ я эту жизнь.—продолжалъ Василій Петровичъ.

— Лѣсную-то?

— Да. Въ сѣверныхъ-то лѣсахъ что это за прелесть! Густо, тихо, листь ажъ синій—отлично!

— Да ненадолго.

— Тамъ и зимой тоже хорошо.

— Ну, не думаю.

— Нѣтъ, хорошо.

— Что жъ вамъ тамъ нравилось?

— Тихость, и сила есть въ той тихости.

— А каковъ народъ?

— Что значить: каковъ народъ?

— Какъ живетъ и чего ожидаетъ?

Василій Петровичъ задумался.

— Вы вѣдь два года съ ними прожили?

— Да, два года и еще съ хвостикомъ.

— И узнали ихъ?

— Да чего узнавать-то?

— Что въ тамошнихъ людяхъ таится?

— Дурь въ нихъ таится.

— А вы же прежде такъ не думали?

— Не думаль. Что думы-то наши стодать? Думы тѣ со словъ строились. Слышишь «расколъ», «расколь», сила, протестъ, и все думаешь открыть въ нихъ нивѣсть что. Все думаешь, что тамъ слово такое, какое нужно, знаютъ и только не вѣрятъ тебѣ, оттого и не доберешься до живца.

— Ну, а на самомъ дѣлѣ?

— А на самомъ дѣлѣ—буквоѣды, вотъ что.

— Да вы съ ними сошлись ли хорошо?

— Да какъ еще сходитьсь-то! Я вѣдь не съ тѣмъ шель, чтобы баловаться.

— Какъ же вы сошлись-то? Вѣдь это интересно. Расскажите, пожалуйста.

— Очень просто: пришелъ, напялся въ работники, работалъ какъ волъ... Вотъ ляжемъ-ка тутъ надъ озеромъ.

Мы легли, и Василий Петровичъ продолжалъ свой рассказъ, по обыкновенію, короткими стрывистыми выраженіями.

— Да, я работалъ. Зимой я назвался переписывать книги. Уставомъ и полууставомъ писать наловчился скоро. Только все книги чортъ ихъ знаетъ какія давали. Не такія, какихъ я надѣялся. Жизнь пошла скучная. Работа да молениое пѣніе, и только. А больше ничего. Потомъ стали все звать меня: «Иди, говорятъ, совѣмъ къ намъ!»—Я говорю: «все одно, я и такъ вашъ».—«Облюбуй дѣвку и иди къ кому-нибудь во дворъ». Знаете, какъ мнѣ непонутру! Однако, думаю, не изъ-за этого же бросить дѣло. Пошелъ во дворъ.

— Вы?

— А то кто жъ?

— Вы женились?

— Взялъ дѣвку, такъ стало-быть женился.

И просто остоленѣлъ отъ удивленія и невольно спросилъ:

— Ну, что жъ дальше вышло?

— А дальше дрянъ вышла.—сказалъ Овцебыкъ, и на лицѣ его отразились и зло, и досада.

— Женою, что ли, вы несчастливы?

— Да развѣ жена можетъ сдѣлать мое счастье или несчастье? Я самъ себя обманулъ. Я думалъ найти тамъ городъ, а нашель лукошко.

— Раскольники не допустили васъ до своихъ тайнъ?

— До чего допускать-то! — съ негодованіемъ вскрикнулъ Овцебыкъ. — Только вѣдь за секретомъ все и дѣло. Понимаете, этого слова-то «Сезамъ, отворись», что въ сказкѣ говорится, его-то и нѣтъ! Я знаю всѣ ихъ тайны, и всѣ они презрѣнія одинаго стоятъ. Сойдутся, думаешь, думу великую зарѣшатъ, анъ чортъ знаетъ что — «благая честь, да благая вѣра». Въ вѣрѣ благой они останутся, а въ чести благой тотъ, кто въ чести сидитъ. Забобоны да буквоѣдство, лѣстовки изъ ремня да плеть бы ремняную подпниѣе. Не ихъ ты креста, такъ и дѣла до тебя нѣтъ. А ихъ, такъ нѣтъ, чтобъ тебѣ подняться далш, а въ богадѣльню ступай, коли старъ или слабъ, и живи при милости на кухнѣ. А молодъ — въ батраки иди. Хозяинъ будетъ смотрѣть, чтобъ ты не баловался. На бѣломъ свѣтѣ тюрьму увидишь. Все еще соболѣзнуютъ, индюки проклятые: «Страху мало. Страхъ, говорятъ, исчезаетъ». А мы на нихъ надежды, мы на нихъ упованія возверзаемъ!.. Байбаки дурацкіе, только морочатъ своимъ секретничаньемъ.

Василій Петровичъ съ негодованіемъ плюнулъ.

— Такъ, стало-быть, нанѣ здѣшній простой мужикъ лучше?

Василій Петровичъ задумался, потомъ еще плюнулъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Не въ примѣръ лучше.

— Чѣмъ же особенно?

— Тѣмъ, что не знаетъ, чего желаетъ. Этотъ разсуждаетъ такъ, разсуждаетъ и иначе, а у того одно разсужденіе. Все около своего пальца мотааетъ. Простую вотъ такую-то землю возьми, либо старую плотину раскапывай. Что по ней, что ее руками насыпали! Хворость въ ней есть, хворость и будетъ, а хворость повитаскаешь, опять одна земля, только еще дуromъ взбуровленная. Такъ вотъ и разсуждай, что лучше-то?

— Какъ же вы ушли?

— Такъ и ушелъ. Увидаль, что дѣлать нечего, и ушелъ.

— А жена?

— Что же вамъ про нее интересно?

— Какъ же вы ее одну тамъ оставили?

— А куда же мнѣ съ нею дѣваться?

— Увести ее съ собою и жить съ нею.

— Очепь нужно.

— Василій Петровичъ, вѣдь это жестоко! А если она васъ полюбила?

— Вздоръ говорите! Что еще за любовь: нынче уставщикъ почиталь—мнѣ жена; завтра «поблагодарится»—съ другимъ въ чуланъ спать пойдетъ. Да и что мнѣ до бабы, что мнѣ до любви, что мнѣ до всѣхъ бабъ на свѣтѣ!

— Но человекъ же она, говорю.—Пожалѣть-то ее все-таки слѣдовало бы.

— Вотъ въ этомъ-то смыслѣ бабу-то пожалѣть!.. Очень важное дѣло, съ кѣмъ ей въ чуланъ лѣзть. Какъ разъ время къ сему, чтобъ объ этомъ печалиться! Сезамъ, Сезамъ, кто знаетъ, чѣмъ Сезамъ отпереть,—вотъ кто нуженъ!—заключилъ Овцебыкъ и заколотилъ себя въ грудь.—Мужа, дайте мужа намъ, котораго бы страсть не дѣлала рабомъ, и его одного мы сохранимъ душѣ своей въ святѣйшихъ нѣдрахъ.

Дальнѣйшая бесѣда наша съ Василюмъ Петровичемъ не ладилась. Пообѣдавъ у стариковъ, я завезъ его въ монастырь, простился съ отцомъ-казначеемъ и уѣхалъ домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Спустя дней десять послѣ моей разлуки съ Василіемъ Петровичемъ, я сидѣлъ съ матушкою и сестрою на крыльцѣ нашего маленькаго домика. Смеркалось. Вся прислуга отправилась ужинать и возлѣ дома никого кромѣ насъ не было. Вездѣ была кругомъ глубочайшая вечерняя тишина, и вдругъ среди этой тишины двѣ большія дворняги собаки, лежавшія у нашихъ ногъ, разомъ вскочили, бросились къ воротамъ и съ озлобленіемъ на кого-то напали. Я всталъ и пошелъ къ воротамъ посмотреть на предметъ ихъ злобой атаки. У частокола, прислонясь спиною, стоялъ Овцебыкъ и насилу отмахивался палкою отъ двухъ псовъ, напавшихъ на него съ человѣческимъ ожесточеніемъ.

— Заѣли было, проклятыя,—сказалъ онъ мнѣ, когда я отогналъ собакъ.

— Вы пѣшкомъ?

— Какъ видите, на пуфускахъ.

У Василя Петровича за шиною былъ и мѣшочекъ, съ которымъ онъ обыкновенно путешествовалъ.

— Пойдемте же.

— Куда?

— Ну, къ намъ въ домъ.

— Нѣтъ, я туда не пойду.

— Отчего не пойдете?

— Тамъ какія-то барышни.

— Какія барышни! Это—мать моя и сестра.

— Все равно, не пойду.

— Полноте чудить! онѣ люди простые.

— Не пойду!—рѣшительно сказалъ Овцебыкъ.

— Куда жъ мнѣ васъ дѣтъ?

— Нужно куда-нибудь дѣтъ. Мнѣ некуда дѣваться.

Я вспомнилъ о банѣ, которая лѣтомъ была пуста и нерѣдко служила спальнею для прѣзжающихъ гостей. Домикъ у насъ былъ маленькій, «шляхетскій», а не «панскій».

Черезъ дворъ, мимо крыльца, Василій Петровичъ тоже ни за что не хотѣлъ идти. Можно было пройти черезъ садъ, но я зналъ, что баня заперта, а ключъ отъ нея у старой няни, которая ужинаетъ въ кухнѣ. Оставить Василя Петровича не было никакой возможности, потому что на него снова напали бы собаки, отошедшія отъ насъ только на нѣсколько шаговъ и злобно лаявшія. Я перегнулся черезъ частоколь, за которымъ стоялъ съ Васильемъ Петровичемъ, и громко крикнулъ сестру. Дѣвочка подбѣжала и остановилась въ недоумѣніи, увидя оригинальную фигуру Овцебыка въ крестьянской свиткѣ и послушничьемъ колпакѣ. Я послалъ ее за ключомъ къ нянѣ и, получивъ вождельный ключъ, повелъ моего нежданнаго гостя черезъ садъ въ баню.

Всю ночь напролетъ мы проговорили съ Васильемъ Петровичемъ. Ему нельзя было возвращаться въ пустынь, откуда онъ пришелъ, ибо его оттуда выгнали за собесѣдованія, которыя онъ задумалъ вести съ богомольцами. Идти въ иное мѣсто у него не было никакого плана. Неудачи его не обезкуражили, но разбили на время его соображенія. Онъ много говорилъ о послушникахъ, о монастырѣ, о приходящихъ туда со всѣхъ сторонъ богомольцахъ, и все это говорилъ довольно послѣдовательно. Василій Петровичъ, живучи въ монастырѣ, приводилъ въ исполненіе самый ори-

гинальный планъ. Мужей, которыхъ бы страсти не дѣлали рабами, онъ искалъ въ рядахъ униженныхъ и оскорбленныхъ монастырской семьи и съ ними хотѣлъ отпереть свой Сезамъ, дѣйствуя на массы приходящаго на богомолье народа.

— Этого пути никто не видитъ; его никто не сторожится; имъ не брегутъ зиждущіе; а тутъ-то и есть то, что нужно во главу угла,—разсуждать Овцебыкъ.

Припоминая себѣ хорошо знакомую монастырскую жизнь и тамошнихъ людей изъ разряда униженныхъ и оскорбленныхъ, я готовъ былъ признать, что соображенія Василья Петровича во многомъ не лишены основанія.

Но пропагандистъ мой уже прогорѣлъ. Первый мужъ, стоявшій, по его мнѣнію, выше страстей, мой старый знакомый, послушникъ Невструевъ, въ монашествѣ дьяконъ Лука, сдѣлавшись повѣреннымъ Богословскаго, вздумалъ помочь своему униженію и оскорбленію: онъ открылъ начальству «коего духа» Овцебыкъ, и Овцебыкъ былъ выгнанъ. Теперь онъ былъ безъ пріюта. Мнѣ черезъ недѣлю нужно было ѣхать въ Петербургъ, а у Василья Петровича не было мѣста, куда бы приклонить голову. Остаться у моей матери ему было невозможно, да и онъ самъ не хотѣлъ этого.

— Найдите мнѣ опять кондицію, я обучать хочу,—говорилъ онъ.

Нужно было искать кондицію. Я взялъ съ Овцебыка слово, что онъ новое мѣсто приметъ только для мѣста, а не для постороннихъ цѣлей, и сталъ искать ему пріюта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ нашей губерніи очень много мелкопомѣстныхъ деревень. Вообще у насъ, говоря языкомъ членовъ с.-петербургскаго политико-экономическаго комитета, довольно распространено хуторное хозяйство. Однодворцы, владѣвшіе крѣпостными людьми, послѣ отобранія у нихъ крестьянъ, остались хуторянами, небольшіе помѣщики промотались и крестьянъ продали на сводъ въ дальнія губерніи, а землю купцамъ или разбогатѣвшимъ однодворцамъ. Около насъ было пять или шесть такихъ хуторовъ, перешедшихъ въ руки лицъ недворянской крови. Въ пяти верстахъ отъ нашего хутора былъ Барковъ-хуторъ: такъ онъ назывался по

имени своего прежняго владѣтеля, о которомъ говорили, что въ Москвѣ онъ жилъ когда-то

Праздно, весело, богато
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,

а на старости лѣтъ вступилъ въ законный бракъ и продавалъ имѣніе за имѣніемъ. Барковъ-хуторъ, составлявшій некогда отдѣльную дачу большого имѣнія промотавшагося Чарина, принадлежалъ теперь Александру Ивановичу Свиридову. Александръ Ивановичъ родился въ крѣпостномъ сословіи, обученъ грамотѣ и музыкѣ. Смолоду онъ игралъ на скрипкѣ въ помѣщичьемъ оркестрѣ, а девятнадцати лѣтъ откушлся за пятьсотъ рублей на волю и сдѣлался винокуромъ. Одаренный яснымъ практическимъ умомъ, Александръ Ивановичъ отлично повелъ свои дѣла. Сначала онъ сдѣлалъ себѣ извѣстность, какъ лучшей винокуръ въ околоткѣ; потомъ сталъ строить винокуренные заводы и водяныя мельницы; собралъ рублей тысячу свободныхъ денегъ, съѣздивъ на годъ въ сѣверную Германію и возвратился оттуда такимъ строителемъ, что слава его быстро разнеслась на далекое пространство. Въ трехъ смежныхъ губерніяхъ знали Александра Ивановича и на перебой навязывали ему постройки. Дѣла онъ велъ необыкновенно аккуратно и снисходительно смотрѣлъ на дворянскія слабости своихъ заказчиковъ. Вообще онъ зналъ людей и часто смѣялся въ рукавъ надъ многими, но былъ человекъ недурной и даже, пожалуй, добрый. Его всѣ любили, кромѣ мѣстныхъ нѣмцевъ, надъ которыми онъ любилъ подтрунивать, когда они принимались вводить культурные порядки съ полудикими людьми. «Обезьяну, говорилъ онъ,—сейчасъ сдѣлаетъ», и нѣмецъ, дѣйствительно, какъ нарочно, ошибался въ расчетѣ и дѣлалъ обезьяну. Черезъ пять лѣтъ по возвращеніи изъ Мекленбургъ - Шверина, Александръ Ивановичъ купилъ у своего бывшаго помѣщика Барковъ-хуторъ, записался въ купечество нашего уѣзнаго городка, выдалъ замужъ двухъ сестеръ и женилъ брата. Семья была выкуплена имъ изъ крѣпостного званія еще до поѣздки за границу и вся держалась вокругъ Александра Ивановича. Братъ и зятья всѣ были у него на службѣ и на жалованьи. Обращался онъ съ ними крутенько. Не обижалъ, но держалъ въ страхѣ. Такъ онъ держалъ и приказчиковъ,

и рабочихъ. И не то, чтобы онъ любилъ почетъ, а такъ... Убѣжденъ онъ былъ, что «нужно, чтобы люди не баловались». Кунивъ хуторъ, Александръ Ивановичъ выкупилъ у того же помѣщика горничную дѣвушку Настасью Петровну и сочетался съ ней законнымъ бракомъ. Жили они всегда очель согласно. Люди говорили, что у нихъ «совѣтъ да любовь». Выйдя замужъ за Александра Ивановича, Настасья Петровна, что говорятъ, «раздобрѣла». Она всегда была писаная красавица, но замужемъ расцвѣла какъ пышная роза. Высокая, бѣлая, немножко полная, но стройная, румянецъ во всю щеку и большіе, ласковые голубые глаза. Хозяйка Настасья Петровна была очень хорошая. Мужъ, бывало, рѣдко когда недѣлю просидитъ дома—все въ разъѣздахъ по работамъ, а она и хозяйство по хутору ведетъ, и приказчиковъ отчитываетъ, и лѣсъ или хлѣбъ, если нужно куда на заводы, покупаетъ. Во всемъ она была Александру Ивановичу правая рука, и зато всѣ относились къ ней очень серьезно и съ большимъ уваженіемъ, а мужъ вѣрилъ ей безъ мѣры и съ нею не держался своей строгой политики. Ей у него ни въ чемъ отказу не было. Только она ничего не требовала. Читать сама выучилась и имя свое умѣла подписывать. Дѣтей у нихъ было всего двѣ дѣвочки: старшей девять лѣтъ, а младшей семь. Учила ихъ гувернантка изъ русскихъ. Сама Настасья Петровна шути называла себя «дурой безграмотной». А впрочемъ, она знала едва ли менѣе многихъ иныхъ такъ-называемыхъ воспитанныхъ дамъ. По-французски она не разумѣла, но русскія книги просто пожирала. Память у ней была страшная. Карамзинскую исторію, бывало, чуть не паизустъ рассказываетъ. А стиховъ на память знала безъ счету. Особенно она любила Лермонтова и Некрасова. Последній былъ особенно понятенъ и сочувственъ ей много перестрадавшему въ былое время крѣпостному сердцу. Въ разговорѣ у нея еще часто прорывались крестьянскія выраженія, особенно когда она говорила съ воодушевленіемъ, но эта народная рѣчь даже необыкновенно шла къ ней. Бывало, если она станеть рассказывать этой рѣчью что-нибудь прочитанное, такъ такую силу придастъ своему разсказу, что послѣ ужъ читать не хочется. Очень способная была женщина. Дворянство наше часто навѣдало въ Барковъ-хуторъ, иногда такъ, чужого ужина попробовать, а

больше по дѣламъ. Александру Ивановичу вездѣ былъ кредитъ открытый, а помѣщикамъ мало вѣрили, зная ихъ плохую расплату. Говорили: «онъ аристократъ — дай ему, да ори сто кратъ». Такова была ихъ репутація. Понадобится хлѣбъ — вино курить не изъ чего, а задатки либо промотаны, либо на уплату старыхъ долговъ пошли, — ну, и тянуть къ Александру Ивановичу. «Выручи! Голубчикъ, такой-сякой, поручись». Тутъ у Настасьи Петровны ручки цѣлуютъ — ласковые такіе и простодушные. А она бывало, выйдетъ, да помираеть-хохочеть. «Видѣли, говорить. *журистовъ-то!*» Настасья Петровна «журистами» прозывала дворянъ съ тѣхъ поръ, какъ одна московская барыня, вернувшись въ свое разоренное имѣніе, хотѣла «воспитать дикій самородокъ» и говорила: «какъ же вы не понимаете ma belle Anastasie, что вездѣ есть свои жирондисты!» Впрочемъ, руку у Настасьи Петровны всѣ цѣловали, и она къ этому привыкла. Но были и такіе ухорш, что открывались ей въ любви и звали ее «подъ сѣньструй». Одинъ лейбъ-гусарь доказывалъ ей даже безопасность такого поступка, если она захватитъ съ собой юхтовый бумажникъ Александра Ивановича. Но

Они страдали безуспѣшно.

Настасья Петровна умѣла держать себя съ этими поклонниками красоты.

Къ этимъ людямъ—къ Свиридовой и къ ея мужу — я прѣшилъ обратиться съ просьбой о моемъ неуклюжемъ пріятелѣ. Когда я пріѣхалъ просить за него, Александра Ивановича, по обыкновенію, не было дома; я засталъ одну Настасью Петровну и рассказалъ ей, какого мнѣ судьба послала малолѣтка. Черезъ два дня я отвезъ къ Свиридовымъ моего Ойцебыка, а черезъ недѣлю поѣхалъ къ нимъ снова проститься.

— Что ты, братъ, мнѣ бабу тутъ безъ меня сбиваешь? — спросилъ меня Александръ Ивановичъ, встрѣчая меня изъ крыльцъ.

— Чѣмъ я сбиваю Настасью Петровну? — спросилъ я въ свою очередь, не понимая его вопроса.

— Какъ же, помилуй, для чего ты въ филантропію ее затягиваешь? Какого ты ей тутъ шута на руки навязалъ?

— Слушайте его! — закричалъ изъ окна знакомый не-

много рѣзкій контроль.—Отличный вашъ Овцебыкъ. Я вамъ за него очень благодарна.

— А взаправду, что ты за звѣря такого намъ завезъ?—спросилъ Александръ Ивановичъ, когда мы вошли въ его чертежную.

— Овцебыка,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Понятный, братъ, какой-то!

— Чѣмъ?

— Да совсѣмъ блажной какой-то!

— Это сначала.

— А можетъ-быть, подь конецъ хуже будетъ?

И разсмѣялся, и Александръ Ивановичъ тоже.

— Да, парень, смѣхъ-смѣхомъ, а куда его дѣтъ? Вѣдь мнѣ, право, такого приткнуть некуда.

— Пожалуйста, дай ему что-нибудь заработать.

— Да вѣдь не о томъ! Я не прочь; да куда его опредѣлить-то? Вѣдь ты гляди, какой онъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ, указывая на проходившаго въ эту минуту по двору Василья Петровича.

Я посмотрѣлъ, какъ тотъ шагаетъ, заложивъ одну руку за пазуху свиты, а другою закручивая косицу, и самъ подумалъ: «Куда бы его, въ самомъ дѣлѣ, однако можно было опредѣлить?»

— Пусть на порубкѣ смотритъ, — посоветовала мужу хозяйка.

Александръ Ивановичъ засмѣялся.

— Пусть его будетъ на порубкѣ, — сказалъ и я.

— Эхъ, вы, дѣти малыя! Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Тамъ вѣдь непривычный человекъ со скуки повѣсится. А мой згадь — дать ему сто рублей, да пусть идетъ куда знаетъ, и пусть дѣлаетъ что хочетъ.

— Нѣтъ, ты его не отгоняй.

— Да, этакъ обидѣть можно!—поддержала меня Настасья Петровна.

Ну, куда жь я его дѣну? У меня вѣдь все мужики; я самъ мужикъ; а онъ...

— Тоже не баринъ, — сказалъ я.

— Ни баринъ, ни крестьянинъ, да и ни на что никуда не годящійся.

— Да отдай ты его Настасьѣ Петровнѣ.

— Право, отдай, — вмѣшалась она снова.

— Берп, берп, моя матушка.

— Ну, и прекрасно,—сказала Настасья Петровна. Овцебыкъ остался на рукахъ Настасьи Петровны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, живучи уже въ Петербургѣ, я получилъ въ почтамтѣ страховое письмо со вложеніемъ пятидесяти рублей серебромъ. Въ письмѣ было написано:

«Возлюбленный брате!

Я нахожусь при истребленіи лѣсовъ, которые росли на всеобщую долю, а попали на свиридовскую часть. За полгода дали мнѣ жалованья 60 рублей, хотя еще полгода и не прошло. Видно, гарнитура моя подъ это подговорилась, но сія ихъ великятность пусть будетъ втуне: я въ семь не нуждаюсь. Десять цѣлковыхъ себѣ оставилъ, а пятьдесятъ, при семь прилагаемыхъ, тотчасъ, *безъ всякаго письма*, отплатите крестьянской дѣвицѣ Глафирѣ Анфиногеновой Мухиной въ деревню Дубы, — ской губернии — скаго уѣзда. Да чтобъ не знали, отъ кого. Это та, которая будто жена моя: такъ это ей на случай, если дитя родилось.

Тутъ мое житье постылое. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего, и я однимъ себя утѣшаю, что нигдѣ, ^овидно, нечего дѣлать, окрѣчъ того, что всѣ дѣлають: родителей поминаютъ да свои брѣухи набиваютъ. Здѣсь всѣ на Александра Свиридова молятся. Александръ Ивановичъ! — и человѣка больше ни для кого нѣтъ. До него все дорасти хотять, а чтѣ онъ такое за суть, сей мужъ кармана?

Да, понять нынѣ и я нѣчто, понять. Разрѣшилъ я себѣ «Русь, куда стремишься ты?» и вы не бойтесь: я отсюда не пойду. Некуда идти. Вездѣ все одно. Черезъ Александровъ Ивановичей не перескочишь.

Василій Богословскій».

Ольгина-Пойма.

3 августа 185... года.

Въ первыхъ числахъ декабря я получилъ другое письмо. Этимъ письмомъ Свиридовъ извѣщалъ меня, что онъ выѣзжаетъ на-дняхъ въ Петербургъ съ женою, и просилъ нанять ему удобную квартиру.

Дней черезъ десять послѣ этого второго письма Александръ Ивановичъ съ женою сидѣли въ премиленной квар-

тирѣ противъ Александривскаго театра, отогрѣвались часомъ и отогрѣвали мою душу разсказами о той далекой сторонѣ,

Гдѣ сны златыя сплелись мнѣ.

— А что же вы мнѣ не скажете,—спросилъ я, улучивъ минуту:—что дѣласть мой Овцебыкъ?

— Брыкается, братъ, — отвѣчалъ Свиридовъ.

— Какъ, брыкается?

— Чудитъ. Къ намъ не ходитъ, пренебрегаетъ, что ли, все съ рабочими якиался, а теперь и это, должно-быть, надѣло: просилъ, чтобъ его въ другое мѣсто отправить.

— Что жъ вы-то?—спросилъ я Настасью Петровну.—На васъ, вѣдь, вся надежда была, что вы его приручите?

— Чего надежда? Отъ нея-то онъ и бѣгаетъ.

Я взглянулъ на Настасью Петровну, она на меня.

— Что будешь дѣлать? Страшна, видно, я.

— Да какъ же это? Разскажите.

— Что говорить? — и говорить-то не про что — просто: пришелъ ко мнѣ, да и говорить: «отпустите меня». — «Куда?» говорю. — «Я, говорить, не знаю». — «Да чѣмъ вамъ худо у меня?» — «Мнѣ, говорить, не худо, а отпустите». — «Да что же, моль, такое?» Молчить. «Обидѣлъ васъ кто, что ли?» Молчить, только косицы крутить. «Вы, говорю, Настѣ сказали бы, что вамъ худого дѣлаютъ». — «Нѣтъ, вы, говорить, пошлите меня на другую работу». Жаль стало мнѣ его совсѣмъ выправить — послать на другую порубку въ Жогово, верстъ за тридцать. Тамъ онъ и теперь, — прибавилъ Александръ Ивановичъ.

— Чѣмъ же вы его такъ разогорчили? спросилъ я Настасью Петровну.

— А ужъ Богъ его знаетъ: я его ничѣмъ не огорчала.

— Какъ мать родная за нимъ упала, — поддержалъ Свиридовъ. — Обишла, одѣла, обула. Вѣдь знаешь, какая она сердобольная.

— Ну, и что же вышло?

— Не взлюбилъ меня, — смѣясь, сказала Настасья Петровна.

Заклици мы знатно съ Свиридовыми въ Петербургѣ. Александръ Ивановичъ все хлопоталъ по дѣламъ, а мы съ Настасьею Петровной все «болтались». Городъ ей очень понравился: но особенно она полюбила театры. Всякій вечеръ мы ходили въ какой-нибудь театръ, и никогда это ей не

паскучало. Время шло быстро и приятно. Отъ Овцебыка я въ это время получилъ еще одно письмо, въ которомъ онъ ужасно злобно выражался объ Александрѣ Ивановичѣ. «Разбойники и чужеземцы», писалъ онъ,—«по мнѣ лучше, чѣмъ эти богатѣи изъ русскихъ! А всѣ за нихъ и черевы лопаются какъ подумашь, что это такъ и быть должно, что всѣ за нихъ будутъ. Вижу я нѣчто дивное: вижу, что онъ, сей Александръ Ивановъ, мнѣ во всемъ на дорогѣ стоять, прежде чѣмъ я узналъ его. Вотъ кто врагъ-то народный—сей видъ сытаго мужлана, мужлана, питающаго отъ крупицъ своихъ перекатную голь, чтобы она не сразу передохла, да на него бы работала. Сей вотъ самый христіанинъ нашему нраву подѣ стать и онъ всѣхъ и побѣдитъ и дондеже придутъ отложенная ему. Съ моими мыслями намъ вдвоемъ на одномъ свѣтѣ жить не приходится. Я уступлю ему дорогу, ибо онъ излюбленный ихъ. Онъ хоть для кого-нибудь на потребу сдастся, а мое, вижу, все ни къ чорту не годится. Недаромъ вы какимъ-то звѣринымъ именемъ называли. Никто меня не признаетъ своимъ, и я ни въ комъ своего не призналъ». Затѣмъ онъ просилъ написать, живъ ли я и какъ живетъ Настасья Петровна. Этимъ же временемъ изъ Вытегры къ Александру Ивановичу зашли бондари, сопровождавшіе вино съ одного завода. Я ихъ взялъ къ себѣ въ свободную кухню. Ребята все были знакомые. Съ ними мы какъ-то разговорились о томъ, о семъ, и до Овцебыка дошло.

— Какъ онъ у васъ поживаетъ?—спрашиваю ихъ.

— Ничего, живетъ!

— Дѣйствуетъ,—подсказываетъ другой.

— А что онъ работаетъ?

— Ну, какая отъ него работа! Такъ, нивѣсть для чего его хозяинъ содержитъ.

— Въ чемъ же онъ время проводить.

— Слоняется по лѣсу. Указано ему отъ хозяина въ родѣ приказчика рубку записывать, и того не дѣлаютъ.

— Отчего?

— Кто его знаетъ. Баловство отъ хозяина.

— А здоровый онъ,—продолжалъ другой бондарь.—Иной разъ возьметъ топоръ, да какъ почнетъ садить — ухъ! только искорья летятъ.

— А то на караулъ ходилъ еще

— На какой карауль?

— Брехаль народъ, что бѣгле бы будто ходитъ, такъ онъ по дѣльмъ почамъ сталъ просядаться. Ребята подумали, что и онъ не заодно ли съ тѣми бѣглеми, да и подкарауль его. Какъ онъ пошелъ, а они втроемъ за нимъ. Видятъ, прямо на хуторъ поперъ. Ну, только ничего — все пу-
стяки вышли. Сѣлъ, сказываютъ, подь ракитой, насупро-
тивъ хозяйскихъ оконъ. подозвалъ Султанку, да такъ и
просидѣлъ до зорьки, а зорькою поднялся и опять къ своему
мѣсту. Такъ и въ другой, и въ третій. Ребята и бросили
за нимъ смотрѣть. Почитай до осени до самой такъ ходилъ.
А послѣ Успенья тутъ какъ-то ребята стали разъ спать
ложиться, да и говорятъ ему: «Полю, Петровичъ, на ка-
рауль-то тебѣ ходить! Ложись-ко съ нами». Ничего не ска-
заль, а черезъ два дни, слышимъ, отпросился: въ другую
дачу его хозяинъ поставилъ.

— А любили его, — спрашиваю, — ваши ребята-то?

Бондарь подумаль и сказалъ:

— Ничего будто.

— Вѣдь онъ добрый.

— Да, онъ худа не дѣлалъ. Разсказывать, бывало, когда
что зачнетъ про Филарета Милостиваго, либо про другое
что, то все на доброту сворачиваетъ, и противъ богатства
складно говорить. Ребята его много которые слушали.

— И что же: нравилюсь имъ?

— Ничего. Тоже другой разъ и смѣшно сдѣлаетъ.

— А что же бываетъ смѣшно?

— А вотъ, напиримѣръ. говорить-говорить про божество,
да вдругъ—про господъ. Возьметъ горсть гороху, выберетъ
что ни самыя ядреныя гороховины, да и разскажетъ ихъ
по свиткѣ: вотъ это, говоритъ, самый наибольшій — король;
а это, поменьше — его министры съ князьями; а это, еще
поменьше — бары, да купцы, да поны толстопузы: а вотъ
это — на горсть-то показываешь — это, говоритъ, мы, греч-
косѣи. Да какъ этими гречкосѣями-то во всѣхъ въ принцевъ
и въ поповъ толстопузыхъ шарахнетъ: все и сравняется.
Куча станетъ. Ну, ребята, извѣстно, смѣются. Покажи,
просяшь, опять эту комедию.

— Это онъ такъ, извѣстно, дурашень, — подсказаль
другой.

Оставалось молчать.

— А изъ какихъ онъ будетъ? Не изъ комедіантовъ? — спросилъ второй бондарь.

— Съ чего это вы выдумали?

— Народъ такъ-то баилъ. Миронка, что-ли, сказывать.

Миронка былъ маленькій, вертлявый мужикъ, давно развѣзжающій съ Александромъ Ивановичемъ. Онъ слылъ за пѣвца, сказочника и балагура. Въ самомъ дѣлѣ, онъ иногда выдумывалъ нелѣпыя утки и мастерски распускалъ ихъ между простодупнымъ народомъ и наслаждался плодами своей изобрѣтательности. Очевидно было, что Василій Петровичъ, сдѣлавшись загадкою для ребятъ, рубившихъ лѣсъ, сдѣлался и предметомъ толковъ, а Миронка воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сдѣлалъ изъ моего героя отставного комедіанта.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Была масленица. Мы съ Настасьей Петровной едва достали билетъ на вечерній спектакль. Давали «Эсмеральду», которую ей давно хотѣлось видѣть. Спектакль шелъ очень хорошо и, по русскому театральному обычаю, окончился очень поздно. Ночь была погожая, и мы съ Настасьей Петровной пошли домой пѣшкомъ. Дорогою я замѣтилъ, что моя винокурша очень задумчива и часто отвѣчаетъ невпопадъ.

— Что васъ такъ занимаетъ? — спросилъ я ее.

— А что?

— Да вы не слышите, что я вамъ говорю.

Настасья Петровна засмѣялась.

— А какъ вы думаете: о чемъ я задумываюсь?

— Трудно отгадать.

— Ну, а такъ, напримѣръ?

— Объ Эсмеральдѣ.

— Да, вы почти отгадали; но не сама Эсмеральда меня занимаетъ. а этотъ бѣдный Квазимодо.

— Вамъ жаль его?

— Очень. Вотъ настоящее несчастіе: быть такимъ человекомъ, котораго нельзя любить. И жаль его, и хотѣлъ бы снять съ него горе, да нельзя этого сдѣлать. Это — ужасно! А нельзя, никакъ нельзя, — продолжала она въ раздумьѣ.

Усѣвшись за чай, въ ожиданіи возвращенія къ ужину Александра Ивановича, мы очень долго толковали. Александръ Ивановичъ не приходилъ.

— Э! Еще слава Богу, что въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ такихъ людей не бываетъ.

— Какихъ? Какъ Квазимодо?

— Да.

— А Овцебыкъ?

Настасья Петровна ударила ладонью по столу и сначала разсмѣялась, но потомъ какъ бы застыдилась своего смѣха и проговорила тихо:

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Она придвинула свѣчку и пристально стала смотрѣть въ огонь, прищуривая слегка свои прекрасные глаза.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Свирпдовы пробыли въ Петербургѣ до лѣта. Все день за день откладывали за дѣлами свой отъѣздъ. Они уговорили меня ѣхать съ ними вмѣстѣ. Вмѣстѣ мы ѣхали до нашего уѣзднаго города. Тутъ я сѣлъ на перекладную и повернулъ къ матушкѣ, а они уѣхали къ себѣ, взявъ съ меня слово быть у нихъ черезъ недѣлю. Александръ Ивановичъ собирался тотчасъ же по пріѣздѣ домой ѣхать въ Жогово, гдѣ у него шла рубка и гдѣ резидировать теперь Овцебыкъ, а черезъ недѣлю обѣщали быть дома. У насъ меня не ожидали и очень мнѣ обрадовались... Я сказалъ, что съ недѣлю никуда не выѣду; мать вызвала моего двоюроднаго брата съ женою, и начались разныя буколическія наслажденія.

Такъ прошло дней десять, а на одиннадцатый или на двѣнадцатый, на самой ранней зорѣ, ко мнѣ вошла пѣсколько встревоженная моя старушка-няня.

— Что такое? — спрашиваю ее.

— Отъ барковскихъ, дружочекъ, къ тебѣ, говоритъ, — прислали.

Вошелъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ и, не кланяясь, переложилъ раза два изъ руки въ руку свою шляпенку, откашлялся и сказалъ:

— Хозяйка тебѣ велѣла, чтобъ сейчасъ къ ней ѣхать.

— Здорова Настасья Петровна? — спрашиваю.

— Ну, а то что ей.

— А Александръ Ивановичъ?

— Хозяина нѣту-ти дома, — отвѣчалъ мальчикъ, снова откашливаясь.

— Гдѣ же хозяинъ?

— У Жогови... тамъ, вишь, случай припалъ.

Я велѣлъ осѣдлатъ себѣ одну изъ матушкиныхъ пристяжныхъ лошадей и, одѣвшись въ одну минуту, поѣхалъ шибкою рысью въ Барковъ-хуторъ. Было только пять часовъ утра и дома у насъ всѣ еще спали.

Въ домикѣ на хуторѣ, когда я пріѣхалъ туда, всѣ окна, кромѣ комнаты дѣтей и гувернантки, были уже отворены, и въ одномъ окнѣ стояла Настасья Петровна, повязанная большимъ голубымъ фуляромъ. Она растерянно отвѣчала головою на мой поклонъ и, пока я привязывалъ къ коновязи лошадь, два раза махнула рукой, чтобы я шелъ скорѣе.

— Вотъ напасть-то! — сказала она, встрѣчая меня на самомъ порогѣ.

— Что такое?

— Александръ Ивановичъ третьяго дня, вечеромъ, уѣхалъ въ Турухтановку, а нынче, въ три часа ночи, изъ Жогова, съ порубки, вотъ какую записку прислалъ съ нарочнымъ.

Она подала мнѣ измятое письмо, которое до того держала въ своихъ рукахъ.

«Настя! — писалъ Свиридовъ. — Пошли сейчасъ въ М—ъ на телѣгѣ парой, чтобы отдали письмо лѣкарю и исправнику. Чудакъ-то твой таки надѣлалъ намъ дѣлъ. Вчера вечеромъ говорилъ со мной, а нынче передъ полднями удавился. Пошли кого поумнѣе, чтобы купилъ все въ порядкѣ и чтобы гробъ везли поскорѣе. Не то время теперь, чтобы съ такими дѣлами возиться. Пожалуйста, поторопись, да растолкуй, кого пошлешь: какъ ему надо обращаться съ письмами-то. Знаешь, теперь какъ день дорогъ, а тутъ мертвое тѣло.

Твой Александръ Свиридовъ».

Черезъ десять минутъ я ѣхалъ крупной рысью къ Жогову. Виляя по различнымъ проселкамъ, я очень скоро потерялъ настоящую дорогу и едва къ сумеркамъ добрался до жоговскаго дѣса, гдѣ шла рубка. Лошадь я совершенно измучилъ и самъ изнемогъ отъ продолжительной верховой ѣзды по жару. Въѣхавъ на поляну, на которой была караульная изба, я увидѣлъ Александра Ивановича. Онъ стоялъ на крыльцѣ въ одномъ жилетѣ и держалъ въ рукахъ счеты. Лицо у него было, по обыкновенію, спокойно, но нѣсколько

серьезиѣ обыкновеннаго. Передъ нимъ стояли человѣкъ тридцать мужиковъ. Они были безъ шапокъ, съ заткнутыми за пояса топорами. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ стоялъ знакомый мнѣ приказчикъ Орефъичъ, а еще далѣе — кучеръ Миронка.

Тутъ же стояла пара выпряженныхъ коренастыхъ лошадокъ Александра Ивановича.

Миронка подскочилъ ко мнѣ и, взявъ мою лошадь, съ веселой улыбкой сказалъ:

— Эхъ, какъ упарили!

— Поводи, поводи хорошенько! — крикнулъ ему Александръ Ивановичъ, не выпуская счетъ изъ руки.

— Такъ, такъ, ребята? — спросилъ онъ, обратясь къ стоявшимъ передъ нимъ крестьянамъ.

— Должно такъ, Александра Иванычъ, — отозвался нѣсколько голосовъ.

— Ну, и съ Богомъ, коли такъ, — отвѣчалъ онъ крестьянамъ, протянулъ мнѣ руку и, долго посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, сказалъ:

— Что, братъ?

— Что?

— Какову штучку-то откололъ?

— Повѣсился.

— Да; сказнилъ себя. Ты отъ кого узналъ?

Я рассказалъ, какъ было.

— Умница баба, что спосылала за тобою; я, признаться, и не вздумалъ. Да ты еще-то что знаешь? — понизивъ голосъ, спросилъ Александръ Ивановичъ.

— А еще я ничего не знаю. Развѣ еще что есть?

— Какъ же! Онъ тутъ, братъ, было такую гармонию измудилъ, что унеси ты мое горе. Поблагодарилъ-было за хлѣбъ за соль. Да и вамъ съ Настасьей Петровной спасибо: одра такого мнѣ навязали.

— Что же такое? говорю. — Сказывай толкомъ!

А самому страсть какъ непріятно.

— Писаніе, братецъ, началъ толковать на свой салтыкъ, и, скажу тебѣ, ужъ не на честный, а на дурацкій. Про мытаря началъ, да про Лазаря убогаго, да вотъ какъ кому въ иглу пролѣзть можно, а кому нельзя, и свелъ все на меня.

— Какъ же онъ оборотилъ на тебя?

— Какъ?.. А такъ, видишь ли, что я въ его расчисле-

ни «купецъ — загребущая лапа» и гречкосѣямъ надо меня лобанить.

Дѣло было понятно.

— Ну, а что же гречкосѣи? — спросилъ я Александра Ивановича, смотря на меня значительнымъ взглядомъ.

— Ребята, извѣстно — ничего.

— То-есть на чистоту, что-ли, все вывели?

— Разумѣется. Волки! — продолжалъ Александръ Ивановичъ съ лукавой усмѣлкой. — Все будто не смысля, ему говорятъ: «это, Василій Петровичъ, ты должнъ въ правилѣ. Мы теперь какъ отца Петра увидимъ, тоже его объ этомъ разспрашиваемъ», а мнѣ тутъ это все больше шутя сказываютъ, и говорятъ: «не въ порядкахъ, говорятъ, все онъ гурторигъ». И прямо въ глаза при немъ его слова повторяютъ.

— Ну, что жъ дальше?

— Я, было, это хотѣлъ такъ и спустить, будто тоже по разумью; ну, а теперь, какъ такой грѣхъ случился, призывалъ ихъ нарочно, будто счеты повѣрить, да стороною имъ загвоздку добрую закинулъ, что эти, моль, рѣчи пустощныя, ихъ надо изъ головы выкинуть и про нихъ крѣико молчать.

— А хорошо, какъ они это соблюдутъ.

— Небось, соблюдутъ, со мной не дурачатся.

Мы вошли въ избу. На лавкѣ у Александра Ивановича лежали пестрая казанская кошма и красная сафьянная подушка; столъ былъ накрытъ чистой салфеткой и на немъ весело кипѣлъ самоваръ.

— Что это ему вздумалось? — проговорилъ я, усѣвшись къ столику вмѣстѣ съ Свиридовымъ.

— Поди жъ ты! Съ большого ума-то вѣдь чего не вздумаешь. Терпѣть я не могу этихъ семинаристовъ.

— Третьягодня вы съ нимъ говорили?

— Говорили. Ничего промежъ васъ не было неприятнаго. Вечеромъ тутъ рабочіе пришли, водкой я ихъ потчивалъ, потолковалъ съ ними, денегъ далъ, кому впередъ просили; а онъ тутъ и улизнулъ. Утромъ его не было, а передъ полденками дѣвчонка какая-то пришла къ рабочимъ: «Смотрите, говоритъ, вотъ тутъ за поляной человекъ какой-то удавился». Пошли ребята, а онъ, сердечный, ужъ очерствѣлъ. Должно, еще съ вечера повѣсился.

— А больше ничего неприятнаго не было?

— Ничегошеньки.

— Можетъ, ты не сказалъ ли ему чего?

Еще что выдумай!

— Письма оиъ никакого не оставилъ?

— Никакого.

— Въ бумагахъ ты у него не посмотрѣлъ?

— Бумагъ у него, кажется, и не было.

— А все бы посмотрѣть, пока полиція не прѣехала.

Покалуй.

— Что, у него сундучокъ, что ли, былъ?—спросилъ Александръ Ивановичъ у стряпки.

— У покойника-то?—сундучокъ.

Принесли маленькій незапертый сундучокъ. Открыли его при приказникѣ и стряпкѣ. Ничего тутъ не было, кромѣ двухъ перемѣнъ бѣлья, засаленныхъ выщенокъ изъ сочиненій Платона да окровавленнаго носового платка, завернутаго въ бумажку.

— Что это за платокъ такой?—спросилъ Александръ Ивановичъ.

— А это, какъ оиъ, покойникъ, руку тутъ при хозяйкѣ порубилъ, такъ она ему своимъ платочкомъ завязала,—отвѣчала стряпка.—Тотъ оиъ самый и есть, — добавила баба, поглядывая на платокъ поближе.

— Ну, вотъ и все, — проговорилъ Александръ Ивановичъ.

— Пойдемъ посмотрѣть на него.

— Пойдемъ.

Пока Свиридовъ одѣвался, я внимательно разсмотрѣлъ бумажку, въ которой былъ завернуть платокъ. Она была совершенно чистая. Я перелустилъ листы Платоновой книги—нигдѣ ни малѣйшей записочки; есть только очеркнутыя погтями мѣста. Читаю очеркнутое:

«Персы и аоняне потеряли равновѣсїе, одни слишкомъ распространявши права монархїи, другїе—простирая слишкомъ далеко любовь къ свободѣ.»

«Вола не поставляютъ начальникомъ надъ волами, а человека. Пусть царствуетъ генїи.»

«Ближайшая къ природѣ власть есть власть сильнаго.»

«Гдѣ безстыдны старики, тамъ юности необходимо будутъ безстыдны.»

«Невозможно быть отлично добрымъ и отлично богатымъ. Почему? Потому что кто прїобрѣтаетъ честными и печест-

пыми способами, тотъ приобрѣтаетъ вдвое больше приобрѣтающаго одними честными способами, и кто не дѣлаегъ пожертвованій добру, тотъ менѣе расходуетъ, чѣмъ тотъ, кто готовъ на благородныя жертвы.»

«Богъ есть мѣра всѣхъ вещей, и мѣра совершеннѣйшая. Чтобы уподобиться Богу, надо быть умѣреннымъ во всемъ, даже въ желаніяхъ.»

Тутъ есть на полѣ слова, слабо написанныя какимъ-то рыжимъ борщомъ рукой Овцебыка. Съ трудомъ разбираю: *«Васька плуецъ! Зачѣмъ ты не погъ? Зачѣмъ ты обрѣзалъ крылья у слова своего? Не въ ризѣ учитель — народу шутъ, себѣ поношеніе, идеь—паубникъ. Я тать, и что дальше пойду, то больше скорую.»*

Я закрылъ Овцебыкову книгу.

Александръ Ивановичъ надѣлъ свой казакинъ, и мы пошли на поляну. Съ поляны повернули вправо и пошли глухимъ сосновымъ боромъ; перешли просѣку, отъ которой начиналась рубка, и опять вошли на другую большую поляну. Здѣсь стояли два большіе стога прошлагодняго сѣна. Александръ Ивановичъ остановился посреди поляны и, вобравъ въ грудь воздуха, громко крикнулъ: «гопъ! гопъ!» Отвѣта не было. Луна ярко освѣщала поляну и бросала двѣ длинныя тѣни отъ стоговъ.

— Гопъ! гопъ!—крикнулъ во второй разъ Александръ Ивановичъ.

— Гоп-па!—отвѣчали справа изъ лѣса.

— Вотъ гдѣ! сказалъ мой спутникъ, и мы пошли вправо.

Черезъ десять минутъ Александръ Ивановичъ снова крикнулъ и ему тотчасъ отвѣчали, а вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли двухъ мужиковъ: старика и молодого парня. Оба они, увидя Свиридова, сняли шапки и стояли, облокотясь на свои длинныя палки.

— Здорово, христіане!

— Здравствуй, Ликсандра Иванычъ?

— Гдѣ покойникъ-то?

— Тутотка, Ликсандра Иванычъ.

— Покажите: я не запримѣтилъ что-то мѣста.

— Да вотъ онъ.

— Гдѣ?

— Да вотъ онъ!

Крестьянинъ усмѣхнулся и показалъ вправо.

Въ трехъ шагахъ отъ насъ висѣлъ Овцебыкъ. Онъ удавился тоненькимъ крестьянскимъ пояскомъ, привязавъ его къ сучку не выше человѣческаго роста. Колѣни у него были поджаты и чуть не доставали до земли. Точно онъ на колѣняхъ стоялъ. Руки даже у него, по обыкновенію, были заложены въ карманы свитки. Фигура его вся была въ тѣни, а на голову, сквозь вѣтки, падалъ блѣдный свѣтъ луны. Вѣдная это голова! Теперь она была уже покойна. Косицы на ней торчали такъ же вверхъ, бараными рогами, а помутнившіеся, остолбенѣлые глаза смотрѣли на луну съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, которое остается въ глазахъ быка, котораго нѣсколько разъ ударили обухомъ по-лбу, а потомъ уже сразу проѣхали ножомъ по горлу. Въ нихъ нельзя было прочесть предсмертной мысли добровольнаго мученика. Они не говорили и того, что говорили его платоновскія цитаты и платокъ съ красною мѣткою.

— Вотъ тебѣ и все: былъ человѣкъ, какъ его и не было,—сказалъ Свиридовъ.

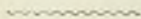
— Ему гнить, а вамъ жить, батюшка Александра Ивановичъ,—проговорилъ старичокъ занскивающимъ, сладенькимъ голоскомъ.

Онъ тоже говорилъ, что ему гнить, а Александромъ Ивановичамъ жить.

Душно тутъ было въ этомъ темномъ лѣсномъ куточкѣ, избранномъ Овцебыкомъ для конца своихъ мученій. А на полянѣ было такъ свѣтло и отрадно. Мѣсяцъ купался въ лазури небесъ, а сосны и ели дремали.

Парижъ.

28-го ноября 1862 года.

КОЛЫВАНСКІЙ МУЖЪ.

(Изъ остзейскихъ наблюдений).

«Пошелъ по кануль
И самъ потонуль.»

Русск. пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ городовъ алтійскаго побережья я жилъ четыре сезона въ Ревелѣ, четыре въ окрестностяхъ Риги и три въ Арсенбургѣ на островѣ Эзелѣ. Въ одну изъ моихъ побывокъ въ Ревелѣ,—помнится, въ первый годъ, когда тамъ губернаторствовалъ М. Н. Галкинъ-Врасскій,—я нанялъ себѣ домикъ въ аллеѣ «Подъ капитанами». Это въ самомъ Екатериненталѣ, близко парка, близко купальщъ, близко «салона» и не далеко отъ дома губернатора, къ которому я тогда былъ вхожъ.

На дворѣ у моихъ дачныхъ хозяевъ стояли три домика,—всѣ небольшіе, деревянные, выкрашенные сѣренькою краскою и очень чисто содержанные. Въ домикъ, выходившемъ на улицу, жила сестра бывшаго петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова, — престарѣлая княгиня Горчакова, а двухъэтажный домикъ, выходившій одною стороною на дворъ, а другою — въ садъ, былъ занятъ двумя семействами: бельэтажъ принадлежалъ мнѣ, а нижній этажъ, еще до моего приѣзда, былъ сданъ другимъ жильцамъ, имени которыхъ мнѣ не называли, а сказали просто:

— Тутъ живутъ нѣмки.

Всѣ мы были жильцы тихіе и, что называется, «обстоятельные». Важнѣе всѣхъ между нами была, разумѣется, кня-

гния Варвара Аркадьевна Горчакова, вліятельное значеніе которой было, можетъ-быть, даже немножко преувеличено. О ней говорили, будто она «можетъ сдѣлать все черезъ брата». Она, кажется, знала, что о ней такъ говорятъ, и не тяготилась этимъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ она что-то и дѣлала. Постоянное занятіе ея состояло въ томъ, что она принимала визиты знатныхъ соотечественниковъ и молилась Богу въ русскомъ соборѣ. Тамъ тогда діаконовать нынѣшній настоятель русской церкви въ Вѣлѣ, о. Николаевскій, который отличался изяществомъ въ священнослуженіи и почитался національнымъ борцомъ и «истинно-русскимъ человекомъ», такъ какъ онъ корреспондировалъ въ московскую газету покойнаго Аксакова.

У княгини Горчаковой можно было встрѣтить всю мѣстную и наѣздную знать, начиная съ М. П. Галкина и Ланскихъ до вице-губернатора Поливанова, котораго не знали, на какое мѣсто ставить въ числѣ «истинно-русскихъ людей». Княгиня также принимала, разумѣется, и духовенство, особенно священника Θεодора Знаменскаго и діакона Николаевского. Въ «фаміліяхъ» у духовенства княгиня имѣла крестниковъ и фаворитовъ, которымъ она понемножку «благодѣтельствовала»—впрочемъ, только «малыми» и «средними» дарами. До настоящихъ, «большихъ», она не доходила и имѣла, кажется, на то достаточныя причины. Вообще же среди всего, что было въ тотъ годъ знатнаго въ Ревелѣ, княгиня Варвара Аркадьевна имѣла самое первое и почетное положеніе, и ея сѣренькій домикъ ежедневно посѣщался какъ нѣмецкими баронами, имѣвшими основаніе особенно любить и уважать ея брата, такъ и всѣми болѣе или менѣе достопримѣчательными «истинно-русскими людьми».

Всѣ здѣсь на перебой старались быть искательнѣе одинъ другого, но отнюдь не всѣ знали, на что имъ это годится и вообще можетъ ли это хоть на что-нибудь годиться.

И домъ, и кругъ были прелюбопытные и общали много интереса.

Я большую часть своего времени проводилъ за столомъ у окна, выходившаго въ садъ, которымъ, по условіямъ найма, имѣли равное право пользоваться жильцы верхняго и нижняго этажей, т.-е. мои семейные и занимавшія нижній этажъ «пѣмки». Но пѣмки, нанявшія квартиру нѣсколько раньше

меня, не хотѣли признавать нашего права на совмѣстное пользованіе садомъ; онѣ все спорили съ хозяйкою и утверждали, что та имъ будто бы объ этомъ ни слова не сказала, и что это не могло быть иначе, потому что онѣ ни за что бы не согласились жить на такихъ условіяхъ, чтобы ихъ дѣти должны были играть въ одномъ саду вмѣстѣ съ русскими дѣтьми.

Споръ возгорѣлся въ первый же день нашего прибытія въ Ревель, какъ только дѣти сошли въ садъ. Я узналъ объ этомъ сначала черезъ донесеніе прислуги, для которыхъ хозяйскіе кѡнтры на самыхъ первыхъ порахъ при занятіи дачи представляли много захватывающаго интереса, а потомъ я самъ услышалъ распрю въ фазѣ ея наивысшаго развитія, когда споръ былъ перенесенъ изъ комнатъ подъ открытое небо. Это было въ полдень. Въ садъ вышли три пѣмки: дама высокая, стройная и довольно еще красивая, съ сѣдыми буклями; дама молодая и весьма красивая, одного типа и сильно схожая съ первою, и третья—наша хозяйка, онѣмеченная эстонка, громко отстаивавшая права моего семейства на пользованіе садомъ.

Всѣ были въ большомъ волненіи,—особенно хозяйка и старшая изъ двухъ «нижнихъ дамъ», какъ ихъ называла моя прислуга.

Хозяйка возвышеннымъ голосомъ говорила:

— Я васъ предупреждала... я говорила, что наверху будутъ жильцы, и садъ всѣмъ вмѣстѣ.

А старшая дама на все кротко отвѣчала: «Nein!» и встряхивала буклями и краснѣла. Младшая дама трогала обѣихъ этихъ за руки и упрашивала ихъ «не разбудить малютку».

Сама же эта дама держала за руки двухъ хорошо одѣтыхъ мальчиковъ,—одного лѣтъ пяти и другого лѣтъ трехъ. Оба они не спали. Значить, кромѣ этихъ двухъ дѣтей, было еще третье, которое спало. Можетъ-быть, это слабое и больное дитя. Бѣдная мать такъ за него безпокоится.

Мнѣ стало жаль ее и, чтобы положить конецъ тяжелой сценѣ, я рѣшился отказаться отъ сада и кликнулъ домой своихъ племянниковъ.

Дѣти вышли, за ними удаллась хозяйка, и садикъ остался въ обладаніи двухъ нѣмокъ. Онѣ успокоились, вышли и повѣсили на дверцѣ садовой рѣшетки замокъ.

Хозяйка при встрѣчѣ со мною жаловалась на возложеніе

замка, называла это «дерзостью» и совѣтовала мнѣ гдѣ-то «требовать свои права». Прислуга совершенно напрасно прозвала обѣихъ дамъ «извительными нѣмками».

Я не поддавался этому злону внушенію и находилъ въ обѣихъ дамахъ много симпатичнаго. Я на нихъ не жаловался, оставался вѣжливъ, спокоенъ и не предъявлялъ болѣе на садъ никакихъ требованій. Садикъ оставался постоянно запертымъ, но мы отъ этого не чувствовали ни малѣйшаго лишенія, такъ какъ деревья своими зелеными вершинами прямо лѣзли въ окна, а роскошный екатеринентальскій паркъ начинался сейчасть же у нашего домика.

Нѣмки выжили насъ изъ садика не по надобности, а какъ будто больше по какому-то принципу. Впрочемъ, онѣ были имъ нужнѣе, чѣмъ намъ. Онѣ почти постоянно были въ саду обѣ и съ двумя дѣтьми и непремѣнно запирались на замокъ. Это имъ было не совсѣмъ ловко дѣлать,—надо было перевѣриваться за рѣшетку и вдѣвать замокъ въ пробой съ наружной стороны, но онѣ все это выполняли тщательно и аккуратно. Я думалъ, что онѣ опасаются, какъ бы мы не ворвались въ садикъ насильно, и тогда имъ придется насъ выбивать вонъ. При этомъ имъ, вѣроятно, представлялась война, а судьбы всякой войны неразгаданны, и потому лучше запереться и держаться въ своемъ укрѣпленіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Такъ это и шло. Побѣда была за нѣмками и никто не покушался у нихъ ее оспаривать. Дѣти наши были совершенно равнодушны къ маленькому домашнему садiku въ виду свободы и простора, которые открывалъ имъ берегъ моря, и только кухарка съ горничною немножко дулись, такъ какъ онѣ рассчитывали на дачѣ пить кофе въ «присадникѣ»; но когда это не удалось, я позаботился успокоить ихъ претензію предоставленіемъ имъ другихъ выгодъ, и дѣло уладилось. Притомъ же обѣ эти дѣвушки отличались столь добрыми и незлопамятными сердцами, что удовольствовались возможностью пить свой кофе у раствореннаго окна и не порывались въ садикъ, а я былъ даже доволенъ, что нѣмки никого не нускали въ садъ, гдѣ благодаря этому была постоянная тишина, представлявшая значительнымъ удобства для моихъ литературныхъ занятій.

Вставая изъ-за своего рабочаго стола и подходя къ окну,

чтобы покурить папироску, я всегда видѣлъ двухъ этихъ дамъ, всегда съ работою въ рукахъ, и около нихъ двухъ изящно одѣтыхъ мальчиковъ, которыхъ онѣ звали «Фридэ» и «Воли». Мальчики играли и пѣли «Anku dranku dri-li-dru, seter faber fiber-fu». Мнѣ это нравилось. Вскорѣ появились и третій, только недавно еще увидавшій свѣтъ малютка. Его вывозили въ хорошую пору дня въ крытой колясочкѣ.

Обѣ женщины жили, повидимому, въ большой дружбѣ и въ такомъ полномъ согласіи, что почему-то чувствовалось, какъ будто у нихъ есть какая-то важная тайна, которую обѣ онѣ берегутъ и обѣ за нее боятся.

Образъ жизни ихъ былъ самый тихій и безунречный. Овладевъ безраздѣлко садикомъ при дачѣ, онѣ имъ однимъ и довольствовались и не показывались ни на музыкѣ, ни въ паркѣ. Обѣ ихъ общественномъ положеніи я не зналъ ровно ничего. Прислуга доносила только, что старшая изъ дамъ называется «баронесса» и что обѣ онѣ такъ горды, что никогда не отвѣчаютъ на поклоны и не знаютъ ни одного слова по-русски.

Только одинъ разъ тишина, царствовавшая въ ихъ домѣ, была нарушена посѣщеніемъ трехъ лицъ, изъ которыхъ первое можно было принять за какое-то явленіе.

И первый подстергъ, какъ оно насъ освѣтило,—именно я не могу подобрать другого слова, какъ *освѣтило*.

Хлопнула входная сѣрая калитка и въ ней показалось легкое, граціозное и все сіяющее свѣтлое созданіе,—молодая, блѣлокурая дѣвушка, съ красивымъ саквояжемъ въ одной рукѣ и съ зонтикомъ въ другой. Платьице на ней было легкое, изъ блѣдно-голубого ситца, а на головѣ простая соломенная шляпа съ коричневою лентою и съ широкими полями, отънявшими ей прелестное полудѣтское лицо.

Навстрѣчу ей изъ окна нижняго этажа раздался возгласъ:

— Aurora!

Она отвѣчала:

— Tante!

И вдругъ и баронесса, и ея дочь выбѣжали къ Аврорѣ, а Аврора бросилась къ нимъ и, какъ говорится, «не было конца поцѣлуямъ».

Черезъ часъ Аврора и младшая изъ дамъ вышли въ садъ. Онѣ долго щебетали и цѣловались,—потомъ сѣли. Аврора

теперь была безъ шляпы, но въ очень ловко сшитомъ платьицѣ, а на головѣ имѣла какой-то розовый колпачокъ, придававшій ей легкой и граціозной фигурѣ что-то фригійское.

Аврора ласкала даму по головѣ и нѣсколько разъ принималась цѣловать ея руки, и называла ее Лина.

Вышедшая къ нимъ въ садъ баронесса обнимала и цѣловала ихъ обѣихъ.

Изъ ихъ разговора я понялъ, что Аврора и Лина—кузины.

Вечеромъ въ этотъ же день къ нимъ пріѣхали два почтенные гостя: пасторъ и вице-адмиралъ, котораго называли «Onkel». Они оставались недолго и уѣхали. А вслѣдъ за ними, въ сумерки, пронеслась опять со своимъ саквояземъ Аврора, и ея больше не стало.

Мои дѣвушки узнали, что старая баронесса проводила «эту закигу» на пароходѣ, и при этомъ онѣ также разслѣдовали, что «у нѣмокъ были крестины», и именно окрестили того малютку, который выѣзжалъ въ садъ въ своей дѣтской колясочкѣ.

Мнѣ до этого не было никакого дѣла, и я надѣялся, что и позже это никогда меня нимало не коснется; но вышло, что я ошибался.

Завтра и послѣзавтра и въ цѣлый рядъ послѣдующихъ дней у насъ все шло попрежнему: всѣ наслаждались прекрасными днями ногожаго лѣта, два старшіе мальчика нѣли подъ моими окнами «Anku dranku dri-li-dri», а укрепленный пеленашка спалъ въ своей коляскѣ, какъ вдругъ совершенно неожиданно вся эта тишь была прервана и возмущена набѣжавшею съ моря странною бурей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ одинъ прекрасный день, передъ вечеромъ, когда удлинились тѣни деревьевъ и вся дачная публика выбиралась на promenade,—въ калиткѣ нашего сѣраго дома показался молодой и очень красивый морской офицеръ. Значительно растрепанный и перепачканный, онъ вошелъ порывисто и спѣшною походкою направился прямо въ помещеніе, занимаемое нѣмками, гдѣ по этому поводу сейчасъ же обнаружилось нѣкоторое двусмысленное волненіе.

Прежде молодая нѣмка прокричала:

— Er ist gekommen... ah!

А потомъ старшая повторила:

— Ah! Er ist gekommen!

И вдругъ обѣ суетливо забѣгали, чего никогда до сихъ поръ не дѣлали.

При открытыхъ окнахъ у меня вверху и у нихъ внизу, на несчастіе, все было слышно изъ одного помѣщенія въ другое. Ночами при общей тишинѣ даже бывало слышно, какъ пеленашка иногда плачетъ и какъ мать его беретъ и баюкаетъ.

И теперь мнѣ показалось, будто тоже что-то происходило около этого пеленашки. Мнѣ казалось такъ потому, что вслѣдъ за возгласами: «Er ist gekommen!», старшая нѣмка съ буклями вылетѣла въ садъ съ пеленаникою на рукахъ и, прижимая къ себѣ дитя, тревожно, острымъ взглядомъ смотрѣла въ окна своего покинутого жилища, гдѣ теперь растрепанный морякъ остался вдвоемъ съ ея дочерью.

Я сообразилъ, что, вѣроятно, пеленашка составляетъ неожиданный сюрпризъ для гостя, находящагося въ какихъ-нибудь особенныхъ отношеніяхъ къ матери и дочери, живущимъ со мною въ сосѣдствѣ. И вскорѣ мои подозрѣнія еще увеличились.

Черезъ минуту я увидѣлъ, какъ мать вывела въ садикъ старшихъ мальчиковъ и, оставивъ ихъ бабушкѣ, сказала каждому по наставленію, изъ котораго я уловилъ только:

— Still, Papa,—и сама убѣжала.

Бабушка обхватила внушковъ руками, какъ насѣдка погрызаетъ цыплятъ крыльями, и тоже внушала:

— Still, Friede, Papa! Er ist gekommen! Still, Walia! Papa!

Дѣти слушались бабушку и робко къ ней жались. Каждый изъ нихъ одною ручонкою обхватывалъ ея руку, а въ другой держалъ по новой игрушкѣ.

«Что же это можетъ значить?—думалось мнѣ.— Неужто и оба старшіе мальчики тоже составляютъ секретъ для гостя, точно такъ же, какъ и маленькій пеленашка?»

Насчетъ пеленашки у меня уже утвердилось такое понятіе, что «рыцарь ѣздилъ въ Палестину», а въ это время старая баронесса плохо смотрѣла за своей дочкой, и явился пеленашка, котораго теперь прячутъ при возвращеніи супруга, чтобы его не сразу поразило ужасное открытіе.

Какая у нихъ, должно-быть, теперь происходитъ тяжелая сцена! Бѣдный мореходецъ; бѣдная бѣлокурая дама; бѣдная баронесса; бѣдный и ты, маленькій пеленалка!

Чтобы быть дальше отъ горя, которому ничѣмъ нельзя пособить, я взялъ въ руки трость, надѣлъ шляпу и ушелъ къ морю.

Но все, что я сообразилъ насчетъ причины безпокойства въ нижнемъ семействѣ, было не совсѣмъ такъ, какъ я думалъ. Дѣло было гораздо сложнѣе и носило отчасти политическій или національный характеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда я возвращался домой при ступившихся сумеркахъ, меня еще за воротами дома встрѣтила моя служанка и въ большомъ волненіи рассказала, что пріѣхавшій мужъ молодой вѣмки—«страшный варваръ и ужасно бунтуеть».

— Какъ вы ушли, говоритъ,—онъ началъ грозно ходить по всѣмъ комнатамъ и кричать разными русскіи слова, которыхъ повторить невозможно.

— Какъ, говорю,—русскія?

— Да такъ разные слова, самыя обидныя, и все по-русски, а потомъ сталъ швырять вещи и стулья и началъ кричать: «вонъ, вонъ изъ дома—вы мнѣ не по здраву!» и, наконецъ, прибилъ и жену, и баронессу и, выгнавъ ихъ вонъ изъ квартиры, выкинулъ имъ въ окна подушки, и одѣяла, и дѣтскую колыбель, а самъ со старшими мальчиками заперся и плачетъ надъ ними.

— О чемъ же плачетъ?

— Не знаю, вѣрно пьянъ напился.

— Почему же вы такъ обстоятельно все это знаете?

— Шумъ былъ, княгиней его пугали, а онъ и на нее не обращаетъ вниманія, а отъ насъ все слышно: и русскія слова, и какъ онъ ихъ шихнулъ за дверь и подушки выкинулъ... Я говорила хозяйкѣ, чтобы она послала за полиціей, но онѣ, и мать и дочь, говорятъ «не надо», говорятъ, «у него это пройдетъ», а мнѣ, разумѣется,—не мое дѣло.

— Конечно, не ваше дѣло.

— Да я только перепугалась, что убьетъ онъ ихъ, и за нашихъ дѣтей боялась, чтобы они русскіихъ словъ не слы-

хали. А васъ дома нѣтъ; я давно смотрѣла васъ, чтобы вы скорѣе шли, потому что обѣ дамы съ пеленашкой сидятъ въ моей комнатѣ.

— Зачѣмъ же онѣ у васъ?

— Вы, пожалуйста, не сердитесь: вы видите, на дворѣ туманъ, какъ же можно оставаться на ночь въ саду съ груднымъ ребенкомъ!—Вы извините, я не могла.

— Печего, говорю, — и извиняться: вы прекрасно сдѣлали, что ихъ пріютили.

— Онѣ уже дитя уложили, а сами усѣлись передъ лампочкой и достали вязанье.

«Что за странность!—думаю себѣ:—этихъ бѣдныхъ дамъ только-что вытолкали вонъ изъ ихъ собственнаго жилища, а онѣ, какъ будто ничего съ ними и не случилось, прісѣли въ чужой квартирѣ, и сейчасъ за вязанье.»

Я не выдержала и высказала это мое удивленіе дѣвухѣ, а та отвѣчаетъ:

— Да, ужъ и не говорите: удивительныя! Этакія слова выслушать и будто какъ ничего... Наша бы русская крышу съ дома скопала.

— Ну, слова, говорю,—еще ничего: онѣ нашихъ русскихъ словъ не знаютъ.

— Понимаютъ всѣ.

— Вы почему знаете?

— А какъ же я съ ними говорила? Вѣдь по-русски.

Я еще подивился. Такія были твердыя пѣмецкія дамы, что ни на одно русское слово не отзывались, а тутъ вдругъ низошелъ на нихъ даръ нашего языка, и онѣ заговорили.

«Такъ,—думаю себѣ,—мы преодолѣемъ и всѣ другія ихъ вредныя дикости и упорства и доведемъ ихъ до той полноты, что онѣ у насъ увѣруютъ и въ чохъ, и въ сонъ, и въ птичій грай, а теперь пока надо хорошенько пріютить изгнанницъ.»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Это и было исполнено. Баронесса и ея дочь съ груднымъ младенцемъ ночевали на диванахъ въ моей гостиной, а я тихонько прошелъ къ себѣ въ спальню черезъ кухню. Въ началѣ ночи пеленашка немножко попищала за тонкой стѣною, но мать и бабушка слѣдили за его поведеніемъ и

тотчасъ же его успокоивали. Гораздо больше безпокойства причинялъ мнѣ его отецъ, который все ходилъ и метался внизу по своей квартирѣ и хлопалъ окнами, то открывая ихъ, то опять закрывая.

Утромъ, когда я всталъ, пѣмокъ въ моей квартирѣ уже не было: онѣ ушли; но зато ихъ обидчикъ ожидалъ меня въ саду, да еще выѣстъ съ отцомъ Федоромъ.

Отецъ Федоръ всѣмъ въ Ревелѣ былъ извѣстенъ какъ самый добродѣтельный человѣкъ и какъ трусъ: онъ и самъ себя всегда рекомендовалъ человѣкомъ робкимъ.

— Я робокъ,—говорилъ онъ.—Я боюсь, всего боюсь и всѣхъ боюсь. Дѣтей крестить—и тѣхъ боюсь: держать ихъ страшно, и покойниковъ боюсь—на нихъ глядѣть страшно.

Отецъ Федоръ самъ разсказывалъ, что онъ «первый былъ присланъ сюда бороться съ нѣмцами», и «очень бы радъ былъ ихъ всѣхъ побороть, но не могъ, потому что онъ *всегда илг боится*».

Робость этого перваго, видѣннаго мною «борца» была замѣчательная, и ее нельзя и не нужно чѣмъ-нибудь приукрашивать; да это и неудобно, потому что на свѣтѣ еще живы коллеги отца Федора и множество частныхъ людей, которые хорошо его знали.

Онъ боялся всего на свѣтѣ: неодушевленной природы, всѣхъ людей и всѣхъ животныхъ и даже насѣкомыхъ. И самъ онъ, какъ выше замѣчено, надъ этою своею слабостью смѣялся и шутилъ, но побороть ее въ себѣ не могъ.

Онъ не могъ войти безъ провожатаго въ темную комнату, хотя бы она была ему какъ нельзя болѣе извѣстна; убѣгалъ изъ-за стола, если надала соль; замиралъ, если въ комнатѣ появились три свѣчки; обходилъ далеко кругомъ каждую корову, потому что она «можетъ боднуть», обходилъ лошадь, потому что она «можетъ брыкнуть»; обходилъ и овцу, и свинью, и разсказывалъ, что все-таки съ нимъ былъ разъ такой случай, что свинья остановилась передъ нимъ и завизжала. По счастью, онъ убѣжалъ, но послѣ все-таки у него долго сердце билось. Собакъ, кошекъ, крысъ и мышей онъ боялся еще болѣе. Онъ былъ увѣренъ, что одинъ разъ даже мышь укусила его соннаго за пятку. О собакахъ уже и говорить нечего, а кошки представляли въ его глазахъ двойную опасность: во-первыхъ, онѣ царапаются, а потомъ онѣ могутъ переѣсть сонному горло.

И этот-то великій трусъ расхаживалъ по саду и разговаривалъ самымъ пріятельскимъ образомъ съ драчуномъ, причемъ одинъ только драчунъ обнаруживалъ нѣкоторое внутреннее волненіе и обрывалъ губами листочки съ вѣтки спреи, которую держалъ въ рукѣ, а отецъ Ѳедоръ даже похохатывалъ и, присѣдая на ходу, хлопалъ себя длинными руками по колѣнамъ.

При одномъ изъ оборотовъ, онъ увидалъ меня у окна и, совсѣмъ развеселившись, закричалъ:

— Пожалуйте сюда, къ намъ, поскорѣе! Пожалуйте! Мы васъ ждемъ.

Драчунъ былъ человекъ въ цвѣтущей порѣ; онъ по виду могъ имѣть немного за тридцать. Онъ былъ съ открытымъ, довольно пріятнымъ и даже, можно сказать, привлекательнымъ русскимъ лицомъ, выражавшимъ присутствіе здраваго смысла, добродушной довѣрчивости и большой терпѣливости. По общему выраженію большихъ и въ своемъ родѣ прекрасныхъ темно-карихъ глазъ и всей его фізіономіи и движеніямъ головы онъ напоминалъ бычка, — молодого, смирнаго и добронравнаго заводскаго бычка. Онъ все потихоньку отматывалъ головою въ одну сторону, и очевидно могъ такъ мотать долго, но потомъ могъ и боднуть, не разбирая, во что попадетъ и во что ему самому это обойдется. Теперь въ большихъ карихъ глазахъ у бычка какъ-разъ свѣтилось отраженіе большой, свѣжеперенесенной и тяжелой обиды, послѣ которой онъ только боднулъ и еще не совсѣмъ успокоился. Довольно полное лицо его то блѣднѣло, то покрывалось краскою гнѣва, внезапно набѣгавшею и разливавшееся подъ загорѣлою и огрубѣвшюю отъ морскаго вѣтра кожей.

Все это отчетливо и ясно бросилось мнѣ въ глаза, когда я вошелъ въ садъ, гдѣ меня отецъ Ѳедоръ тотчасъ же схватилъ за руки и, весело смѣясь, закричалъ:

— Здравствуйте! здравствуйте!.. Пожалуйте скорѣе сюда, сюда... Вотъ вамъ рекомендую — Иванъ Никитичъ Спичачевъ *). Отличный, образованный человекъ, говоритъ на трехъ языкахъ, и мой духовный сынъ, и музыкантъ, и

*) Имя, отчество и фамилія этого съ натуры воспроизводимаго мною лица въ дѣйствительности были иныя. Имена лицъ, которыя будутъ выведены далѣе, я всѣ замѣняю *вымышленными* названіями въ соответственномъ родѣ.

пѣвецъ, и все, что хотите... Ха-ха-ха!.. Любите меня—полюбите и его... Ха-ха-ха!.. Вы думаете, что Ивапъ Никитичъ буянтъ и разбойникъ?.. Ха-ха-ха! Онъ смиренный, какъ самый смиренный теленокъ.

Мнѣ Ивапъ Никитичъ казался бычкомъ, а отецъ Федоръ его почиталъ теленочкомъ: разпица выходила небольшая, и если онъ даже отцу Федору кажется не страшнымъ, то уже вѣрно онъ въ самомъ дѣлѣ не страшенъ.

А отецъ Федоръ продолжастъ свою рекомендацію и говорить:

— Ивану Никитичу съ вами надо объясниться... Это не онъ придумалъ, а я, я. Вы меня за это простите. Онъ растерялся и придумывалъ Богъ знаетъ что... Хотѣлъ на себя руки наложить, а я его удержалъ. Я говорю: этотъ человекъ мнѣ знакомъ, пойдите къ нему и объяснитесь... Онъ—«ни за что!» говоритъ. «Я такъ себя велъ». А я говорю: «Что же теперь дѣлать! Надо все объяснить... Объяснить съ русской точки зрѣнія, а не стрѣляться и не сваливать себя въ гробъ собственною рукою». Иванъ Никитичъ прибѣгасть сегодня чѣмъ-свѣтъ, будить меня и что говорить... Вы только подумайте, вы подумайте, вы вспомните, что вы мнѣ говорили!—обратился онъ къ офицеру.—Ай-ай-ай! Ай, не хорошо!.. Ай, не хорошо!.. А я утѣшать словами никого не умѣю... Что, братцы, дѣлать — не умѣю. Отецъ Михаилъ, или отецъ Константинъ—тѣ умѣютъ, а я не умѣю. Я только сказалъ: — Отложи попеченіе! Все это еще, можетъ-быть, обомнется. Такъ это, или нѣтъ?

Офицеръ тихо качнулъ головой и сказалъ:

— Такъ!

— Да, я такъ его отъ себя и не пустилъ, и вотъ такъ его сюда и привелъ,— и пусть онъ самъ все расскажетъ.

— Зачѣмъ же это?—говорю.

— Нѣтъ, отчего же? Ему легче будетъ, чтобы о немъ не думали дурно. Онъ самъ желаетъ...

Въ это время и самъ морякъ отозвался.

— Да, говорить,—извините: я себя поставилъ въ такое недостойное положеніе, что мнѣ нельзя оставить безъ объясненія то, что я надѣлалъ. Мнѣ это необходимо... Потребность души... потребность души...

— Вы теперь очень взволнованы, а послѣ можете пожалѣть.

— Нѣтъ, я не буду жалѣть. Я, дѣйствительно, взволнованъ, но жалѣть не буду.

— Вотъ видите! — поддержаль о. Ѳеодоръ. — Пусть онъ все говоритъ, — ему будетъ легче.

— Да, мнѣ будетъ легче, — подсказаль офицеръ и бросилъ на скамейку свою фуражку. — Я не хочу, чтобы обо мнѣ думали, что я негодай, и бунтъ, и оскорбляю женщинъ. Довольно того, что это было, и что причины этого я столько лѣтъ таилъ, сносилъ въ моемъ сердцѣ; но тутъ я больше не выдержаль, я не могъ выдержать — прорвало. Подлю, но надо знать за что. Вы должны выслушать мою повѣсть.

Отецъ Ѳеодоръ сблизилъ мою руку съ рукой офицера и подсказаль:

— Да, голубчики, — это повѣсть.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я, разумѣется, согласился слушать оправданіе о томъ, за что были выгнаны воспитанныя и милыя дамы, изъ которыхъ одна была жена рассказчика, а другая — ее мать, самая внушающая почтеніе старушка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вычокъ махнулъ головою въ сторону и началъ:

— Вы и всякій имѣеть полнѣйшее право презирать меня послѣ того, что я надѣлалъ, и если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, а въ моей сегодняшней роли подвизался другой, то я, можетъ-быть, даже не сталъ бы съ нимъ говорить. Что тутъ ужъ и рассказывать! Человѣкъ поступилъ совсѣмъ какъ мерзавецъ, но повѣрьте... (у него задрожало все лицо и грудь) повѣрьте, я совсѣмъ не мерзавецъ, и я не былъ пьянъ. Да, я морякъ, но я вина не люблю, и никогда не пью вина.

Не пьеть, никогда не пьеть, — поддержаль отецъ Ѳеодоръ.

Священникъ ручается. Надо вѣрить. А онъ оказывается такъ наблюдателенъ, что какъ будто читаетъ на лицѣ всѣ отраженія мыслей.

Мнѣ это стыдно, — говоритъ онъ: — стыдно взрослому человѣку увѣрять, что я совсѣмъ не пью вина. Вѣдь я совершеннолѣтній мужчина и морякъ, а не институтка. Отчего бы я и не смѣлъ пить вино? Но я его дѣйствительно не пью, потому что оно мнѣ не нравится, мнѣ всѣ вина

противны. И это, можетъ-быть, тѣмъ хуже, что я былъ совершенно трезвъ, когда обидѣлъ и выгнать мою жену и тещу... Да, я былъ трезвъ точно такъ же, какъ теперь, когда я по знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за то, что вы дали имъ у себя приютъ, иначе онѣ должны бы были почевать съ дѣтьми въ харжѣ или въ гостиницѣ, и теперь объ этомъ моемъ тиранствѣ знать бы уже цѣлый городъ. Здѣсь вѣдь клинчитъ сплетня. Подняли бы такой вой... «Русскій офицеръ какъ обращается съ своею женою! Мужикъ, невѣжа. Женился на баронессѣ». И все это правда: я русскій офицеръ, и дѣйствительно, если вамъ угодно, по образованію я мужикъ въ сравненіи съ моею женою, особенно съ ея матерью; но, вѣдь, онѣ объ знали, что я русскій человѣкъ, воспитывался въ морскомъ училищѣ на казенный счетъ, но по-французски и по-нѣмецки я, однако, говорю, и благодаря родительскимъ заботамъ кое-что знаю, но надъ общимъ уровнемъ я, конечно, не возвышаюсь и имѣю свои привязанности. Я какимъ себя предъявлялъ имъ, таковъ я и есть, такъ и живу. Я ни въ чемъ ихъ не обманулъ, ни жену, ни всѣми уважаемую мою тещу, между тѣмъ какъ онѣ сдѣлали изъ моей семьи мой позоръ и терзаніе.

Всякій, слышавъ то, что я говорю, вѣроятно подумалъ бы, что, конечно, моя жена мнѣ не вѣрна, что она измѣняетъ своимъ супружескимъ обѣтамъ; но это неправда. Моя жена прелестная, добрая женщина и относится ко всѣмъ своимъ семейнымъ обязанностямъ чрезвычайно добросовѣстно и строго. Въ этомъ отношеніи я счастливѣйшій великаго множества женатыхъ смертныхъ; но у меня есть горе хуже этого, больнѣе.

— Да, гораздо хуже! — вздохнулъ отецъ Оедоръ. — Больнѣе.

Я недоумѣвалъ: что же можетъ быть «хуже этого и больнѣе».

А мореходъ продолжалъ:

— Измѣна тяжела, но ее можно простить. Трудно, но можно. Женщины же намъ прощаютъ наши измѣны, отчего же и мы имъ простить не можемъ? Я знаю, что на этотъ счетъ говорятъ, но вѣдь это предразсудокъ. «Чужое дитя!» Ну и что же такое? Ну и покорми чужое дитя. Вѣдь это не грѣхъ, а мы вѣдь считаемъ, что мы умнѣе и справедливѣе женщины, и во всѣхъ отношеніяхъ ихъ совершеннѣе.

Покорив! И если женщина увлеклась и потом сожалѣть о своемъ увлеченіи, прости ее и не обличай. Она можетъ переѣниться и исправиться. Тоже и онѣ вѣдь недаромъ живутъ на свѣтѣ и приобрѣтають опытъ. Я такихъ убѣждений, и я чувствую, что я все это могъ бы исполнить, но этого въ моей жизни нѣтъ. Этимъ я не наказанъ; но то, что я переношу и что уже два раза перенесъ, да вѣроятно и третій перенесу — этому нѣтъ сравненія, потому что это уязвляетъ меня въ самый корень. Это поражаетъ меня до нѣдръ моего духа; это убивало моего отца и мать, отторгало меня отъ самыхъ священныхъ узъ съ моею родней, съ моимъ народомъ. Это, наконецъ, дѣлаетъ меня смѣшнымъ и жалкимъ шуткомъ, которому тычуть въ носъ пинни. Однако, я и это сносилъ, но когда это повторяется безъ конца—этого снести невозможно.

— Извините, говорю,—я не понимаю въ чемъ дѣло.

— Я поясню. У меня былъ отецъ старикъ и уважаемый старикъ. Онъ жилъ въ своемъ имѣніи въ калужской губерніи и матушка тоже достойная всякаго уваженія: они жили мирно, покойно и ихъ уважали. И у нихъ одинъ, единственный сынъ. Есть сестра, но она далеко, замужемъ за докторомъ-нѣмцемъ, на Амурѣ. У нея уже другая фамилія, а мужского поколѣнія только одинъ и есть — это я. Дядюшка въ Москвѣ, отцовъ братъ, старый холостякъ, весь вѣкъ все славянскою археологіей занимался и забытъ жениться. И отецъ мой, и мать, разумѣется, были насквозь русскіе люди, а о московскомъ дядѣ ужъ и говорить нечего. Онъ съ Кирѣевскими, съ Аксаковыми—со всѣми знакомъ. Словомъ, все самые настоящіе родовитые и истинно русскіе люди, а изъ меня вышла какая-то «игра природы». Моя жизнь—это какой-то глупый романъ. Но это говорить надо по пунктамъ.

— И прекрасно!—воскликнулъ отецъ Федоръ:—теперь я вижу, что вы разговоритесь и дѣло будетъ хорошо, а я уйду—мнѣ есть дѣло.

Мы его не удерживали и остались вдвоемъ въ бесѣдкѣ изъ кушъ сирени.

Разсказчикъ продолжалъ свою страстную и странную повѣсть.

— Это мой третій бракъ—на Линѣ Н. Первый разъ я былъ женатъ въ Москвѣ, по общему семейному избранію,

на «дѣвнцѣ изъ благословеннаго дома». Это должно было принести мнѣ большое счастье. Мнѣ тогда было 24 года, а ей 26 лѣтъ. Она была красива и порочна, какъ будто она была настоящая теремница, искусившаяся во всѣхъ видахъ скрытности. Одинъ годъ жизни съ нею — это была цѣлая эпопея, которой я рассказывать не стану. Кончилось тѣмъ, что она попала во что не мѣтила, и я ее увидѣлъ однажды въ литерной ложѣ, въ которую она поѣхала съ родственною намъ княгиней Марьей Алексѣевной. Я хотѣлъ войти, а княгиня говоритъ: «Это пельзя,—твоя жена тамъ не одна». — Это что?! «Это, говоритъ, этикетъ». Я плюнулъ и сейчасъ же ушелъ изъ дома и хотѣлъ застрѣлиться, или кого-то застрѣлить. Такое было возбужденіе!

Я вамъ говорилъ, какъ я терпимо отношусь къ ошибкамъ женщины; но это тамъ, гдѣ есть увлеченіе, а не тамъ, гдѣ этикетъ. Я не изъ такихъ. Я ударился въ противный лагерь, гдѣ не было этикета. Именно—противный! Въ душѣ моей клокотала ненависть, и я попалъ къ ненавистникамъ. По-моему, они были не то, за что слыли. Впрочемъ, я дѣлъ съ ними не надѣлалъ, а два года изъ своей жизни за нихъ вычеркнулъ. Жена изъ «благословеннаго семейства» въ это время жила за границую и проигралась въ рулетку. Вслѣдъ затѣмъ дифтеритъ и ся печальный конецъ, а мое освобожденіе. Я никакъ не могу уйти отъ внутренняго чувства, которое говоритъ мнѣ, что эти два событія находились въ какой-то причинной связи. Я мчался куда-то,—чортъ меня знаетъ куда, и съ разбѣга попалъ въ «общество», гдѣ одна барышня, представлявшая изъ себя помѣсь нигилистки и жандарма, отхватала меня въ два пріема такъ, что я опять ни къ чорту. Сначала она прозвала меня для чего-то псевдонимомъ «Левель-вдовець», а потомъ «во имя принципа» потребовала, чтобы я вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ для того, чтобы она могла жить свободно съ кѣмъ захочетъ. Я имѣлъ честь всю эту глупость продѣлать, а она исполняла то, что жила какъ хотѣла, но требовала съ меня половину моего жалованья, котораго мнѣ самому на себя доставало. Я вооружился противъ такой неожиданности. Она явилась къ пачальству,—меня призвали, пристыдили и обязали давать. Я чувствовалъ униженіе сверхъ мѣры и, дождавшись вечера, взялъ пистолетъ и пошелъ опять къ частоколу у Таврическаго сада. Мнѣ по-

чему-то казалось, что я непременно тамъ долженъ застрѣлиться, чтобы унестъ въ канаву. Я и унестъ въ канаву, но только съ такой раной, отъ которой скоро поправился. Мой строгій начальникъ былъ тронутъ моимъ положеніемъ и послалъ меня въ отпускъ къ роднымъ. «Здѣсь, въ Петербургѣ, скверный воздухъ,—сказалъ онъ.—Поѣзжайте домой. Подумайте тамъ общимъ семейнымъ судомъ, какъ вамъ облегчить свою участь». Я пріѣхалъ къ отцу и къ матери, но что же я имъ могъ рассказать? Развѣ они, добрые поубѣнники и славяне, могли понять, что такое и надѣлалъ? Дядѣ при концѣ отпуска я, однако, все открылъ. Онъ говоритъ:

— Очень скверно; но постой, мнѣ одна мысль приходитъ. Тебѣ отъ этой курпосой надо куда-нибудь уйти.

Онъ поднялся изъ-за своего письменнаго стола, походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ своемъ синемъ шелковомъ халатѣ, подпоясанномъ краснымъ, мужичьимъ кушакомъ, и сталъ соображать:

— Есть какая-то морская служба въ Ревелѣ. Тамъ теперь живетъ баронесса Генриэтта Васильевна. У себя въ Москвѣ мы ее звали Веннгретой. Она замѣчательно умная, очень образованная и очень добрая женщина, съ прямымъ и честнымъ характеромъ. Я ее зналъ, когда она еще была воспитательницею и безъ всякихъ интригъ пользовалась большимъ вѣсомъ, но не злоупотребляла этимъ, а напротивъ—дѣлала много добра. Она должна быть и тамъ, въ своей сторонѣ, съ большими связями. Пѣмцы вѣдь всегда со связями, а Веннгрета Васильевна въ свое время много своихъ пѣмцовъ вывела. У нея непременно должны быть и въ вашемъ вѣдомствѣ люди ей обязанные. Я ей напишу, и знаю какъ напишу совершенно откровенно и правду.

Я говорю: всего-то лучше не пишите,—совѣстно.

— Нѣтъ, отчего же?

— Да что ужъ такую глупость безъ нужды рассказывать!

— А-а, нѣтъ, ты этого не говори. «Быль молодцу не укорь», а пѣмки вѣдь, братецъ, сентиментальны и на всѣхъ ступеняхъ развитія сохраняютъ чувствительность. Онѣ любятъ о чемъ-нибудь повздыхать и вздохаться! Ah Gott! Ah Herr Jesu! Ah Himmel! Вотъ до этого-то и надо возогрѣть Веннгрету! Тогда дѣло и пойдетъ, а безъ этого имъ неповадно.

Написалъ дядя въ Ревель баронессѣ Веннгретѣ, и вразѣ дней черезъ десять оттуда письмо и самое задушевное и удачное, и какъ разъ начинается со словъ: «Ah, mein Gott!.. Пишеть: «какъ я была потрясена и взволнована, читая письмо ваше, уважаемый другъ. Бѣдный вы, бѣдный молодой человекъ, и еще его разъ болѣе достойны сожалѣнія его несчастные родители! Какъ я о нихъ сожалею. Schreckliche Geschichte! Я думала, что такія исторіи только сочиняють. Бѣдный вашъ племянникъ! Я прочитала ваше письмо сама, а потомъ мѣстами прочитала его моеѣ дочери Липѣ и племянницѣ Аврорѣ, которую мать прислала ко мнѣ изъ Курляндіи для того, чтобы я прошла съ нею высшій курсъ англійскаго языка и вообще закончила образованіе, полученное ею въ пансіонѣ. Понятно, что я передала дѣвочкамъ только то, что можетъ быть доступно ихъ юнымъ понятіямъ объ ужасныхъ характерахъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя утратили жаръ въ сердцѣ и любовь къ Всевышнему. Бѣдныя дѣти были глубоко тронуты страданіями вашего молодого Вертера и отнеслись ко всему этому каждая сообразно своимъ наклонностямъ и характерамъ. Дочь моя Лина, которой теперь семнадцать лѣтъ, тихо плакала и сказала: «Ah, mein Gott! Я бы не пожалѣла себя, чтобы спасти жизнь и счастье этому несчастному молодому человѣку»; а маленькая Аврора, которой еще нѣтъ и шестнадцати лѣтъ, но которая хороша какъ ангелъ на Каульбаховской фрескѣ, вся исполнилась гнѣвомъ и, насунивъ свои прямыя брови, замѣтила: «А я бы гораздо больше хотѣла наказать такихъ женщинъ своимъ примѣромъ». У вашего претерпѣвшаго юности здѣсь теперь есть друзья,—не одна я, старуха, а еще два молодыхъ существа, которыя его очень жалѣють, и когда онъ будетъ съ нами, — онѣ своимъ чистымъ участіемъ помогутъ ему если не забыть, то съ достоинствомъ терпѣть муки отъ ранъ, нанесенныхъ грубыми и безчеловѣчными руками его сердцу».

Это такъ именно было написано. Я привожу вамъ это письмо хотя и на память, по совершенно дословно, какъ будто я его сейчасъ читаю. Оно было получено мною въ такой моментъ моеѣ жизни, когда я былъ въ пухъ и прахъ разбитъ и растрепанъ, и эти теплыя, умыяя и полныя участія строки баронессы Веннгреты были для меня какъ посыланіе съ неба. Я уже не добивался того, есть ли какая-

нибудь возможность устранить меня отъ Петербурга и убрать въ спокойный Ревель; но меня теперь оживило и согрѣло одно сознание, что есть гдѣ-то такая милая и добрая, образованная пожилая женщина и при ней такія прекрасныя дѣвушки. Съ панправленскими дамами, съ которыми я обращался, въ моей душѣ угасло чувство ютливости,—меня уже даже не тянуло къ женщинамъ, а теперь вдругъ во мнѣ опять разлилось чувство благодарности и чувство признанія, которыя привели меня къ какой-то сладостной покорности всѣмъ этимъ существамъ, молодымъ особенно. А между тѣмъ, въ письмѣ баронессы было полное удовлетвореніе и на главный, на самый существенный вопросъ для моего спасенія отъ скандализовавшихъ меня въ Петербургѣ нападокъ. Она извѣщала, что просила за меня своего брата, барона Андрея Васильевича Z., начальствующаго надъ извѣстною частью морского вѣдомства въ Ревелѣ, и что я непремѣнно получу здѣсь мѣсто. А вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ надлежащій служебный запросъ и состоялся мой переводъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Я, разумѣется, былъ такъ радъ, что себя не помнилъ отъ радости, и сейчасъ же павалаялъ баронессѣ Венигретѣ самое нелѣпое благодарственное письмо, полное разной чувствительной чепухи, которой вскорѣ же послѣ отправленія письма мнѣ самому стало стыдно. Но въ Ревелѣ это письмо понравилось. Баронесса отвѣтила мнѣ въ пѣжномъ, почти материнскомъ тонѣ, и въ ея конвертѣ оказалась иллюминированная карточка, на которой, среди гирлянды цвѣтовъ, два бѣлые голубка или, быть-можетъ, двѣ голубки держали въ розовыхъ клювахъ голубую ленту съ подписью: «Willkommen». Дѣтское это было что-то такое, точно или меня привѣчали, какъ дитя, или это было отъ дѣтей: «Милому Ванѣ отъ Лины и Авроры». Надписано это не было, но такъ мнѣ чувствовалось. Я былъ увѣренъ, что этотъ листочекъ всунули въ конвертикъ или ручки мечтательной Лины, или маленькая лапка энергической и гнѣвной Авроры, которая хочетъ всѣмъ примѣръ задать. И я унесъ этотъ листокъ въ свою комнату, поцѣловалъ его и положилъ въ бумажникъ, который всегда носилъ у своего сердца. Во мнѣ не только шевелилась, но уже жила

самая поэтическая и дружественная расположенность къ обѣимъ дѣвушкамъ. Не ожидалъ и даже началъ мечтать, хотя очень хорошо зналъ, что мнѣ мечтать не о чемъ, что для меня все кончено, потому что я погубилъ свою жизнь и мнѣ остается только заботиться о томъ, чтобы избѣгать дрянныхъ скандаловъ и какъ-нибудь легче влечь свое существованіе.

Словомъ, я сюда рвался и летѣлъ, и не зная лично ни баронессу, ни дѣвицъ, уже любилъ ихъ отъ всего сердца и былъ въ увѣренности, что могу броситься въ ихъ объятія, обнимать ихъ колѣни и цѣловать ихъ руки. А пока я только обнималъ и цѣловалъ дядю, который устроилъ мнѣ это совершенное благополучіе.

Но родители мои, къ которымъ я вернулся, чтобы проститься, отвесились къ этому холодно и съ предосторожностями, которыя мнѣ казались даже обидными. Они меня все предостерегали. Отецъ говорилъ:

— Это хорошо,—я ни слова не возражаю. Между нѣмцами есть даже очень честные и хорошие люди, но все-таки они нѣмцы.

— Да ужъ это, говорю,—конечно, какъ водится.

— Идѣть, но мы обзѣяны,—мы очень любимъ подражать. Вотъ и скверность.

— Но если хорошему?

— Хоть и хорошему. Вспомни «Любушинъ судъ». Не хорошо, коли искать правду въ нѣмцахъ. У пастъ правда по закону святу, которую принесли наши дѣды черезъ три рѣки.

— Пышно, говорю,—это какъ-то чрезъ мѣру.

— Да, это пышно, а у нихъ, у нѣмцевъ, хороша экономія и опрятность. Въ старину тоже было довольно и справедливости: въ Берлинѣ разъ судъ въ пользу простого мельника противъ короля рѣшилъ. Очень справедливо, но все-таки они нѣмцы и нашего брата русака любятъ переѣлывать. Вотъ ты и смотри, чтобы никакъ гадъ собовъ этого не допустить.

— Да съ какой же, говорю,—статі!

— Нѣтъ, это бываетъ. У нихъ система, или, пожалуй, даже двѣ системы и чертовская выдумка. Ты это помни и вѣру отцовъ уважай. Живи, хлѣбъ-соль води, и даже пожалуй дружи, во всякомъ случаѣ будь благодаренъ, потому

что «ласковое телятко двѣ матки сосеть», и неблагодарный человекъ—это не человекъ, а какая-то скверность, по похаживай почаще къ священнику и эту суть-то свою,—нашу-то настоящую русскую суть не позволяй изъ себя пѣщамъ выкуривать.

— Да ужъ за это, говорю,—будьте покойны,—и привели ему шутя слова Тургенева, что «нашей русской сути изъ каша ничѣмъ не выкуришь».

А отецъ поморщился:

— Твой Тургеневъ-то, говоритъ,—самъ, братецъ, сапалникъ. Онъ ужъ и сознался, что съ тѣхъ поръ, какъ окунулся въ нѣмецкое море, такъ своей сути и лишился.

— Да и Некрасовъ тоже,—хотѣлъ-было я продолжать, го при этомъ имени отецъ меня перебилъ и погрозился.

— Этого, говоритъ,—ужъ и совѣмъ не трожь,—этого чего еще ненадежнѣе. Самъ и зудъ зудить, самъ и расчесъ расчесываетъ, и взманъ манить, и казнить велить: самъ проситъ «виновныхъ не щади!» Пѣтъ, намъ надо чистыя руки... Вотъ какъ Самарины, Хомяковы, братья Аксаковы—вотъ съ кого намъ надо примѣръ брать. Самаринъ-то—вѣдь онъ былъ въ этомъ, въ ихъ Кольванскомъ краю, но они, небось, его не завертѣли. Думали завертѣть, да онъ имъ шишъ показалъ. И ты будь таковъ же. Дружба дружбой и служба службой, а за пазухой шишъ. Помни это и чаще къ духовенству похаживай и миѣ шиши. Я тебѣ буду отвѣчать и укрѣплять тебя въ направленіи, а по воскресеньямъ непременно къ священнику похаживай. Какъ онъ есть попъ—онъ не тутъ, такъ тамъ, не въ церкви, такъ за широгомъ, а все патріотическое слово скажетъ. А проѣдомъ черезъ Москву появишь Аксакову. Скажи, что я тебѣ говорилъ, и послушай, что онъ еще тебѣ скажетъ. Онъ мужикъ вѣщій!

Матушка наказала только въ Москвѣ у Иверской покротиться.

— А за прочее,—сказала она,—я за тебя ужъ не боюсь—ты уже такъ себя погубилъ, что теперь тебя отъ женщины предостерегать нечего: самая хитрая пѣмка тебя больше спугать не можетъ; но объ опрятности ихъ говорятъ много лишняго: я ихъ тоже знаю,—у насъ акушерка была Катерина Христофоровна; бывало, въ которомъ тазу осенью ва-

ренне варить, въ томъ же сама цѣлый годъ воротнички подешиваетъ.

Дядя повелъ меня въ Москвѣ къ Агсакову.

— Нельзя, говорить, — безъ этого. А когда станешь съ нимъ разговаривать, то помни, какого ты роду и племени, и пускай что-нибудь отъ глаголовъ. Сипачевы, братецъ, издавна были столыцы, а теперь и ты уже созрѣлъ—и давай понимать, что отправляешься для борьбы.

Я, признаться, совсѣмъ этого не думалъ, но промолчалъ и былъ представленъ Агсакову, который, узнавъ о моей «мисси», долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

Шествуйте и сразу утверждайтесь твердой пятой. Мы должны быть хозяевами на Кольванскомъ побережьи. Рельсень—вѣдь это наша старая Кольвань!

И дядя тоже вспомнилъ про «Кольвань». Когда мы «шествовали» отъ Агсакова домой, дядя меня поучалъ:

— Если встрѣтятся добрый привѣтъ въ *кольванскомъ семействѣ* (такъ именовать онъ семью Венигреты), будь имъ благодаренъ, но не увлекайся до безразсудства, дабы не ощутить въ себѣ измѣны русскимъ обычаямъ. Лучше старайся самъ получить вліяніе на нихъ.

Я чувствовалъ, какъ будто все это что-то фальшивое. Какая Кольвань? Какая моя тамъ «миссія»? На кого я могъ вліять и кому стану показывать «инишъ», когда я самъ какая-то чортова кукла и нуждаюсь въ спасеніи бѣгствомъ!

Было въ этомъ во всемъ даже нѣчто дѣтски-эгоистическое: никакого вниманія къ душевному состоянію человѣка, а только—*своей вкузе* и basta! Можно было думать, что и этимъ, какъ и другимъ, *должнаго снискать* человѣка нѣтъ никакого дѣла!

Все, къ чему я самъ стремился, заключалось именно только въ томъ, чтобы свободно вздохнуть и оправиться. На это были настроены все мои помыслы, въ этомъ на мой взглядъ состояла вся моя «миссія» на Кольванскомъ морѣ. Но тѣмъ болѣе я спланилъ на эту Кольвань, къ своимъ кольванскимъ «друзьямъ», и дѣйствительно встрѣтилъ друзей предельныхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Баронесса Венигрета Васильевна жила въ своемъ домикѣ въ новой части города. Она была небогата. Мужъ, котораго

она по всёму вѣроятности очень любила, умеръ очень рано и ничего ей не оставилъ, кромѣ честнаго имени и дочки Лины. Баронесса была красавица и отлично образована, что, впрочемъ, не рѣдкость между женщинами изъ остзейской аристократіи,—даже и въ захудалыхъ родахъ. Благодаря этому образованію, а также, конечно, хорошимъ связямъ, Венигрета Васильевна пошла въ воспитательницы. Она скончила свое дѣло съ честію и пять лѣтъ передъ этимъ отпущена съ пенсіею, которой ей было довольно на то, чтобы жить съ дочерью въ своемъ городкѣ безбѣдно. Она имѣла полную возможность остаться и въ Петербургѣ, но свѣтъ ей прискучилъ, и она предпочла возвратиться подъ свой отчий кровъ, гдѣ у нихъ еще была жива бабушка. Смѣшного въ баронессѣ не было ровню ничего: напротивъ, она всегда была предпочтенная и всёму внушала къ себѣ уваженіе. Прозвать ее «Венигретой» могло только наше русское пустосмѣшество.

Домикъ, гдѣ жила семья баронессы, былъ небольшой, но прехорошенькій, съ флигелькомъ въ три комнаты, гдѣ жила бабушка, которую и я засталъ еще въ живыхъ, и при домѣ прелестнѣйшій садикъ. Словомъ, настоящее жилище честной нѣмецкой образованной семьи.

Когда я сюда первый разъ пришелъ, мнѣ показалось, что я вступилъ въ рай и встрѣтилъ ангеловъ. О баронессѣ нечего и говорить: вы и теперь еще видите, какая это женщина,—она всёму внушаетъ почтеніе. И она его стѣбитъ и больше того стѣбитъ. Лина... вы тоже видите... Ангель. Кузина Аврора—эта вся блескъ и аромат; даже старая бабушка, которой тогда было восемьдесятъ лѣтъ, и та была очарованіе: бѣленькая, чистенькая и воплощенная доброта. Приняли онѣ меня—я хотѣлъ бы сказать: какъ родные, но я никогда не видалъ, чтобы у насъ самые лучшіе родные умѣли такъ принять человека, такъ тихо и просто, а въ то же время ласково и деликатно.

Я тутъ и привился. Меня пригласили приходиться всякій день, и я это буквально исполнять. Прекрасный, тихій и всегда пріятный образъ жизни «колыванскаго семейства» охватилъ меня со всею душою. Мы сошлись во всёхъ вкусахъ. Я любилъ домашнюю жизнь—и онѣ тоже. Я любилъ литературу—онѣ, кажется, еще болѣе. Не было образованнаго языка, который имъ былъ бы недоступенъ. Я немножко

музыкантъ, а онѣ все артистки. Анна съ матерью играли въ четыре руки на фортепіано, и на флейтѣ, а Аврора на скрипкѣ. Да, эта миниатюрная фея играла на скрипкѣ твердо и сильно, какъ бравый скрипачъ въ оркестрѣ. Кромѣ того, обѣ дѣвушки занимались живописью на матеріи и на фарфорѣ, и произведенія ихъ въ обоихъ этихъ родахъ были такъ замѣчательны, что ихъ покупали за границу. Было къмъ и чѣмъ залюбоваться и не скучать домошѣдствомъ, а даже забывать свое горе. Мой здѣшній начальникъ, братъ баронессы, баронъ Андрей Васильичъ, тоже былъ ихъ ежедневный гость и очень одобрялъ установившуюся у насъ дружбу. Онъ былъ гернгутеръ и чудакъ, по человѣкѣ глубокой честности и благородства. Терпѣть не могъ кутежей и разгула и очень утѣшался моимъ поведеніемъ.

— Что можетъ быть этого лучше, — говорилъ онъ, — какъ встрѣтить утро молитвою къ Богу, днемъ послужить царю, а вечеръ провести въ образованномъ и честномъ семейномъ домѣ. Вася, мой юный другъ, сюда привелъ Божій перстъ, а я всегда радъ это видѣть и позаботиться о такомъ благоправномъ молодомъ человѣкѣ.

Я ужъ не знаю, было ли ему извѣстно все, что я натворилъ до этого времени, но онъ былъ ко мнѣ неизмовѣрно милостивъ и дѣйствительно позаботился обо мнѣ, какъ никто изъ русскихъ, а баронесса и вообще все женское поколѣніе знали все мои бѣдствія. И это ихъ пристрастно занимало, особенно баронессу, которая имѣла общія понятія о тогдашнихъ нашихъ русскихъ «сѣлянкахъ и вѣнціяхъ», но интересовалась подробностями. Она, впрочемъ, и вообще любила говорить о правахъ, причемъ обнаруживала удивительную и привлекательную терпимость, свойственную только большому уму, доброму сердцу и большой опытности. Такъ, напримѣръ, поговоривъ разъ со мною наединѣ о тѣхъ и другихъ «дикостяхъ», она умолкла, потомъ сложила въ корзинку свою работу и, поднявшись съ мѣста, сказала съ какимъ-то возвышеннымъ чувствомъ:

— Да! Спаси Боже насъ отъ нихъ, но спаси и ихъ отъ насъ. Они ужасны, а мы слишкомъ мало дѣлаемъ, или ничего не дѣлаемъ для того, чтобы они стали иными.

Я вскочилъ и поцѣловалъ ея руку, а она поцѣловала меня въ голову и добавила:

— Да будетъ прощень и пощажень и отъ вѣка наказанный.

И понявъ ея религиозное настроеніе и отвѣтилъ:

— Аминь.

Къ бесѣдамъ такого рода мы возвращались, бывало, не разъ. Часто, какъ усядемся у лампы, онѣ съ работою, а я начну читать для нихъ французскую или нѣмецкую книжку, такъ разговоръ незамѣтно опять и свернемъ на эти «ужасныя сердца и противные вкусы». И смотришь — опять я уже, какъ опытный венеціанскій мавръ, рассказываю что-то, а онѣ слушаютъ, бабушка тихонько повсхлипываетъ носомъ и спитъ, баронесса слушаетъ и изрѣдка покачиваетъ головою, а дѣвушки опускаютъ руки съ работою и смотрятъ въ глаза мнѣ: Лина съ снисходительнымъ состраданіемъ, а Аврора съ затаеннымъ гнѣвомъ.

Такъ мы достигли одного вечера ранней весною, когда «наша бабушка» одинъ разъ, по обыкновенію, уснула въ своемъ крестѣ и болѣе не проснулась. Мы ее хоронили очень для меня памятнымъ образомъ. Можетъ ли что-нибудь нравиться въ погребальномъ обрядѣ? Одни только русскіе репортеры иишутъ про «красивые» гроба и «прекрасныя» похороны; однако, обычай, какъ хоронили бабушку, и мнѣ понравился. Старушка лежала въ бѣломъ гробѣ и вокругъ нея не было ни пустоты, ни суеты, ни бормотанья: днемъ было свѣтло, а вечеромъ на столѣ горѣли обыкновенныя свѣчи, въ обыкновенныхъ подсвѣчникахъ, а вокругъ были разставлены старинныя желтыя кресла, на которыхъ сидѣли свои и посторонніе и вели многогласную тихую бесѣду о ней, — припоминали ея жизнь, ея хорошіе честные поступки, о которыхъ у всѣхъ оказались воспоминанія. Она любила, была несчастлива, — мужъ ея, французскій выходецъ, былъ ревнивецъ, мотъ и игрокъ, онъ ее бросалъ и опять находилъ, когда ему не за кого было, кромѣ нея, взяться, и вдругъ оказался женатымъ, раньше ея, на полькѣ изъ Плоцка. Когда эта жена явилась съ тѣмъ, чтобы довести на него, — его ударилъ параличъ, бабушка сейчасъ же отдала претенденткѣ свое имѣніе въ Курляндіи и осталась при разбитомъ и была его ангеломъ, а потомъ удивительно воспитала сына Андрея и дочерей — Генріетту и Августу, которая была матерью кузины Авроры и жила за Митавой.

Этотъ рассказъ такъ расположилъ слушателей къ лежавшей во гробѣ бабушкѣ, что многіе поперемѣнно вставали

и подходили, чтобы посмотреть ей въ лицо. И какъ это было уже вечеромъ, когда все сидѣвшіе здѣсь сторонніе люди удалялись, то вскорѣ остались только мы вдвоемъ—я и Лина. Но и намъ пора было выйти къ баронессѣ, и я всталъ и подошелъ къ гробу старушки съ одной стороны, а Лина—съ другой. Оба мы долго смотрѣли въ тихое лицо усопшей, потомъ оба разомъ взглянули другъ на друга и оба вразъ произнесли:

— Какой благородный характеръ!

Съ этимъ я протянулъ свою руку, чтобы коснуться руки доброй старушки, и вздрогнулъ: рука моя возлѣ самой руки мертвой бабушки прикоснулась и скрала руку Лины, а въ это же самое мгновеніе тихій голосъ изъ глубины комнаты произнесъ:

— Тотъ же самый характеръ есть у живой Лины.

Мы оглянулись и увидали Аврору, которая сидѣла за трельяжемъ, гдѣ мы ее ранѣе не замѣтили.

Это не было поводъ сконфузиться, но и я, и Лина—оба сконфузились.

Лина отошла и тихо сказала:

— Другъ мой Аврора, къ несчастью—это не такъ.

А Аврора ея отвѣчала:

— Штъ, другъ мой Лина, *для меня*—это такъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ этого происшествія у гроба я не спалъ цѣлую ночь, и съ этого случая меня не оставляло чувство необъяснимой и страшной тревоги. Бабушка была схоронена, а я, по приглашенію баронессы и по совѣту барона Андрея Васильевича, перешелъ жить во флигель старушки. Баронъ говорилъ:

— Это переть Божій! (Онъ вездѣ видѣлъ переть Божій). Вы должны быть какъ сынъ и какъ братъ у вашихъ достойныхъ друзей.

— О, я очень радъ,—отвѣчалъ я.

— Да, да; я вѣрю, что вы ихъ любите.

— Конечно, баронъ: онъ показали мнѣ такъ много добра.

— Прекрасно, прекрасно! Вы благородный молодой человекъ, — сказалъ мнѣ баронъ и, пожавъ мою руку, тихо заплакалъ отъ умилепія.

Я поселился и сталъ жить еще ближе къ нимъ и со-

вѣтъ слился душою съ этими женщинами. Меня приглашали прѣхать повидаться въ Москву и въ калужскую губернію, — я не ѣхалъ и чувствовалъ, что это не надо. Станутъ разспрашивать, а я не хотѣлъ, чтобы меня разспрашивали и какъ-нибудь называли ихъ шуточно или обидно-снисходительно. Я даже мучился, когда въ получаемыхъ письмахъ отца были напоминанія: смотрѣть, — не онѣмечиться съ нѣмками. «Держи ухо востро. Дружи, а гамень за пазухой носи, — чтобы шинь взяли». Все это меня мучило и казалось мнѣ напрасно, не деликатно и не честно. Какъ я могъ говорить или слушать о нихъ что-нибудь, кромѣ похвалъ и восторговъ? Я никогда и во всю мою жизнь не жилъ такъ мирно и хорошо, какъ теперь. Всегдашній миръ, всегдашняя цѣломудренная простота, доведенная до предѣловъ въ нашемъ обществѣ не вѣроятныхъ. Моя квартира—это былъ рай, и я зналъ, я не могъ не знать, что эти букеты цвѣтовъ на столѣ перемѣняютъ не толстая эстонка-служанка, съ которою я могъ говорить только одно слово «еймуста», т. е. «не понимаю». Мое бѣлье — и то было осмотрѣно, и это меня сначала мучило. Я не могъ спросить и не могъ не догадываться, что за этимъ смотреть такіа образованныя женщины, которыя въ другой средѣ гнушались бы подобными занятіями,—нашли бы ихъ съ своимъ положеніемъ несовмѣстными, даже, пожалуй, шокирующими и унижительными. Англійская литература, поэзія, классическая музыка, живопись на фарфорѣ—и мой полотенца! Но у нихъ все это мирилось вмѣстѣ.

Тѣто проходило. Аврора ѣздила къ матери въ Курляндію и возвратилась. Мы ее нетерпѣливо ждали и разучили ко встрѣчѣ ея новый вальсъ Шопена. Аврора прѣехала нѣсколькими днями раньше, чѣмъ общалась, но нimalo не понравилась, а даже какъ будто похудѣла и имѣла видъ «грознаго». Мы такъ надъ нею шутили, и она шутила и улыбалась, но потомъ черезъ минуту ея очаровательное дѣтское лицо опять становилось «грозно». Она стала какъ будто уединяться, и осенью, когда уже съ деревьевъ сыпались листья, не позволяла снять качель и своего гамака, въ которомъ она всегда любила лежать и качаться какъ индѣянка. На участливые вопросы Лины, отчего она стала держать себя нѣсколько странно, Аврора долго не отвѣчала, а потомъ одинъ разъ сказала:

— Не спрашивай меня: у меня есть предчувствія.

— Какія?

— Ахъ, вотъ ты какъ любопытна! Я боюсь, что дождь повредилъ шпурки моего гамака, и онъ оборвется.

И она съ этимъ такъ сильно повернулась въ гамакъ, что выпала изъ него на землю и до слезъ больно подвинула себѣ ногу.

Это произвело въ домѣ тревогу, и мы цѣлыя сутки клали ледъ къ большой ногѣ Авроры; а черезъ нѣсколько дней она стала ходить съ палочкой, причемъ въ ея фигурѣ и походкѣ обнаружилось чрезвычайно большое сходство съ покойной бабушкой. Оно было такъ велико, что сначала всѣхъ насъ удивило и заставило улыбаться, а потомъ показалось и поразительнымъ.

— Вотъ видишь,—говорила Аврорѣ Лина:—не я, а ты будешь похожа на бабушку.

— Да, я похожа, но только наружно, а ты внутренно: у тебя прекрасное сердце, а у меня—злое. Ты вѣстникъ жизни и свободы, я—вѣстникъ смерти и неволи. Я деспотъ.

Лина и я разсмѣлились, Аврора же продолжала быть веселою, и въ самый этотъ день, дѣйствительно, сдѣлалась «вѣстникомъ смерти».

Я никогда не забуду этого важнѣйшаго дня въ моей жизни. Онъ былъ день свѣтлый и ясный. Солнце ярко обливало своимъ сверканьемъ деревья, на полубогаженныхъ вѣтвяхъ которыхъ слабо качались пожелтѣвшіе и озолотившіеся листья, въ гроздахъ красной рябины тяжело шевелились окрѣвшіе дрозды. Баронессы и Лины не было дома, служанка работала на кухнѣ, Аврора качалась съ книгою въ рукахъ въ своемъ гамакѣ, а я составлялъ служебный отчетъ въ своей комнатѣ. Ряды прекраснаго дня, скна въ садъ у меня были открыты.

Сильно занятый вычислениями, я слышалъ среди работы, что какъ будто стукнулъ молотокъ у запертой входной двери, а потомъ какъ будто мимо оконъ промелькнула страшная фигурка Авроры. Я подумалъ, что, вѣроятно, некому отвереть двери, и Аврора сама пошла это сдѣлать. Конечно, было бы вѣжливо, если бы я ее предупредилъ, но мнѣ было некогда, я сводилъ сложное вычисленіе, и сейчасъ же опять къ нему погрузился.

Однако, мнѣ въ этотъ разъ не суждено было копчить

мою работу, потому что въ окно ко мнѣ влетѣло и прямо упало на столъ письмо въ траурномъ конвертѣ, съ очень рѣзкими и, какъ мнѣ показалось, чрезмѣрно-широкими черными каймами по краямъ и крестъ-на-крестъ.

Я вздрогнулъ и взглянулъ въ окно, — отъ него тихо и молча отходила Аврора.

«Вѣстникъ смерти!» промелькнули у меня въ памяти ея слова.

Женщина, которая такъ предательски меня обманула и опошшила мою жизнь, не было больше на свѣтѣ. Моя жена умерла такъ же гадко и скапдалезно, какъ жила. О ея смерти меня извѣщала ея сестра, шедшая съ нею иѣкогда тѣмъ же беспорядочнымъ путемъ, но болѣе ловко воспользовавшаяся случаемъ, чтобы свернуть на торную дорогу приличій. Я съ нею едва былъ знакомъ, но зналъ, что она притворщица и лицемерка. Какъ всѣ нескрпенніе люди, желающіе казаться не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, она пересаливала и была песносна въ своемъ новомъ направленіи точно такъ же, какъ была противна въ прежнемъ. Отъ этого, можетъ-быть, и трауръ на ея конвертѣ былъ слишкомъ жиренъ для обозначенія горя. Извѣстительное письмо носило тѣ же слѣды неумѣренности: она писала, что ея сестра «довела себя до крайнихъ положеній и сама прекратила свою жизнь безтрепетною рукою». Затѣмъ шло описаніе самаго этого происшествія и потомъ выраженіе участія ко мнѣ: «Вы свободны, и да благословитъ васъ Богъ бѣльшимъ счастьемъ, чѣмъ вы имѣли».

Я, какъ гоголевскій городничій, могъ тоже сказать: «Боже благослови, а я не виновать». Но какъ бы тамъ ни было, — я свободенъ, во второй разъ свободенъ, и теперь я уже умѣю цѣнить свободу и ео не процыгаю.

И первая мысль, которая явилась въ моей головѣ вслѣдъ за признаніемъ моей свободы, была мысль о томъ, какъ я долженъ повести себя съ этимъ извѣстіемъ передъ «колыбанскимъ семействомъ».

Скрывать это отъ нихъ я бы по хотѣлъ, но мнѣ казалось неловко и сообщать объ этомъ баронессѣ. Печаль въ моемъ лицѣ была неумѣстна, равнодушіе — глупо, а радость — противна. Другое дѣло дѣвнцы: онѣ молоды, и я съ ними короче.

Аврора проходила съ книгою со своего гамака. Я ее позвалъ. Она остановилась.

— Но поставьте себѣ въ трудъ пробѣжать это письмо.

Она посмотрѣла на листокъ и не приняла его, а спросила:

— Въ чемъ дѣло?

Я неловко и застѣнчиво сообщилъ ей повость. Аврора выслушала ее такъ спокойно, какъ будто она это знала, и отошла, не сказавъ мнѣ ни одного слова. Непосредственно затѣмъ она вошла въ домъ и черезъ минуту оттуда, изъ залы, послышались трудныя упражненія на скрилкѣ. За ними служащій не слышать было, какъ снова ударилъ дверной молотокъ. Я пошелъ и открылъ двери.

Это возвратилась баронесса и Лина. У Лины развязалась и упала одна изъ ея покунокъ. Я ее поднялъ и сталъ завязывать. Баронесса тѣмъ временемъ вошла въ домъ, а мы остались вдвоемъ на дворѣ.

Стоя на одномъ колѣнѣ и на другомъ обвязывая развязавшійся узелъ, я почти безотчетно досталъ изъ кармана полученное письмо и сказалъ: «Пожалуйста прочтите», а самъ опять опустилъ глаза къ узлу и, когда поднялъ ихъ, то увидалъ, что за минуту передъ этимъ свѣжее и спокойное лицо Лины было покрыто слезами.

Она послѣднее сунула мнѣ назадъ письмо, воскликнула: «Gott! O, Gott!» и скрылась въ домѣ. Аврора теперь стояла у окна, и я видѣлъ ее бѣлую, маленькую руку и тонкіе пальцы, красиво державшіе смычокъ, выводившій фугу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Я никогда не желалъ никому зла. Да; никому, и потому не желалъ и смерти моей мучительницѣ, и не ожидалъ, что это случится. Еще болѣе я считалъ бы за отвратительную гадость мечтать о свободѣ, пока эта женщина была жива; но «вѣдь воля дорога и птичкѣ», а тѣмъ болѣе молодому человѣку, какимъ я былъ тогда, семь лѣтъ тому назадъ. Я чувствовалъ, что у меня опять есть перья въ крыльяхъ, есть шансъ на долю счастья въ жизни, но мнѣ было страшно, что вмѣстѣ съ этимъ оживляющимъ меня сознаниемъ я чувствовалъ мертвящую немощь передъ тѣмъ, что мнѣ надо объявить свою повость баронессѣ.

Какъ? въ какихъ выраженія я ей скажу это?

Я ее такъ уважалъ и такъ дорожилъ ея мнѣніемъ, что

не могъ придумать, какимъ образомъ это выразить такъ, чтобы не вышло ни непристойной радости, ни неумѣстнаго и притворнаго сокрушенія. Но я падъ этимъ напрасно ломалъ голову: мнѣ вовсе и не пришлось говорить объ этомъ баронессѣ; но у меня также и не оставалось мѣста ни для подозрѣнія, что она этого не знаетъ, ни для недоумѣнія, какъ она къ этому относится.

За столомъ у насъ былъ такой обычай, что прежде, чѣмъ сѣсть на свои мѣста, всѣ становились на минуту за своими стульями и брались руками за ихъ спинки. Баронесса на короткое мгновеніе поникала головою. Всѣ мы знали, что она въ это мгновеніе произносила мысленно короткую молитву. Лина тоже слѣдовала примѣру матери. Я и Аврора не поклонились. Это никого не раздражало и не обижало. Здѣсь понимали, что вѣрить и не вѣрить—это не во власти чловѣка, и о вѣрѣ не спорили, а прямую искренность умѣли уважать выше притворства. Потомъ Лина сняла крышку съ суповой вазы, и мы сѣли, а баронесса нагнула намъ раздавать палитыя ея рукою тарелки.

Нынче это произошло не такъ. Послѣ того, какъ баронесса нагнула въ молчаніи свою голову, она ее подняла и, не отодвигая, по обыкновенію, своего стула, взглянула вверхъ и произнесла вслухъ:

— Прости всѣхъ и убѣди ихъ грѣхи Твоею кровію.

Лина сказала «Аминь», и онѣ всѣ — мать, дочь и Аврора—взглянули на меня и сѣли.

Обѣдъ прошелъ своимъ чередомъ. Я все попятъ. Порою мнѣ думалось: зачѣмъ онѣ, протестантки, молились за умершую? Потомъ мнѣ подумалось, что это онѣ молились и за меня, и за другихъ, «за всѣхъ». Мнѣ припомнились первые дни и первые разговоры въ этомъ дорогомъ мнѣ колыванскомъ семействѣ, и тогдашній вздохъ баронессы и ея слова: «Спаси насъ отъ нихъ, но и ихъ спаси отъ насъ, потому что и мы слишкомъ мало дѣлаемъ, или ничего не дѣлаемъ».

Какая гармонія чувствъ и опущеній! Какая во всемъ этомъ деликатность и грація, и теплота, и ширь, и свобода! Кто могъ бы устоять противъ тихаго, но неодолимаго обаянія этого круга, исполненнаго благодати! Конечно, не я. Если бы я въ ту пору, несмотря на мою молодость, въ двадцать-пять лѣтъ не былъ уже нравственнымъ калѣкою,

съ изломанной и исковерканной прошедшею жизнью, — я бы, конечно, занесся мечтами и, можетъ-быть, возмнилъ бы себя въ правѣ претендовать на болѣе тѣсное сближеніе съ этимъ семействомъ. Но Провидѣніе дало мнѣ каплю разсудка и каплю честности; я зналъ всю раздѣляющую насъ бездну, я понималъ ихъ недосыгаемую для меня чистоту и свою омраченность. Что бы тамъ ни заговорилъ за меня какой-нибудь софизмъ, я все-таки былъ виноватъ, я пугался въ недостойныхъ исторіяхъ, водился съ безнравственными людьми и, волей-неволей, ко мнѣ все-таки прилипла грязь моего прошедшаго. Я зналъ, что я ни о чемъ не смѣю думать, и что мнѣ гнѣтъ, да и не нужно поправки; но тѣмъ не менѣе я вспомнилъ теперь, что я здѣсь не крѣпкокъ, что я тутъ чужой, что эти прекрасныя, достойныя дѣвушки непременно найдутъ себѣ достойныхъ мужей, и нашъ теперешній милый кружокъ разлетится, и я останусь одинъ... одинъ...

«Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

Окопчивъ обѣдъ, я подошелъ къ баронессѣ, чтобы поблагодарить ее, и, цѣлуя ея руку, тихо сказалъ ей:

— Не прогоняйте меня никогда отъ себя!

Она мнѣ отвѣчала рукопожатіемъ.

Что же дальше скажу? Дальше случилось именно то, о чемъ я не смѣлъ и думать, какъ о высшемъ и никогда для меня недосыгаемомъ счастьи. Слѣдующей весной я былъ мужемъ Лины—счастливейшимъ и недостойнымъ мужемъ самой святой и самой высокой женщины, какую Богъ послалъ на землю, чтобы осчастливить лучшаго человека. И это Божіе благословеніе выпало на мою горькую долю... и я... я... его теперь утратилъ, какъ неразумный звѣрь, или какъ каторжникъ. Я не могу жить... я долженъ себя убить... Я не могу... Но я вамъ доскажу все, чтобы вы знали, что я надѣлалъ и что во мнѣ происходитъ.

Возвращаюсь къ порядку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Все это произошло радѣніемъ кузины Авроры, въ которой, Богъ ее знаетъ, какое біеніе пульса и какое кровообращеніе. Глядя на нее, иногда можно зафантазироваться

падь теоріями метапсихоза и подумать, что въ пей живетъ душа какой-то тевтобургской вѣщи. Прыгъ туда, прыгъ сюда! Ей все пиночемъ. У пась такъ долго живутъ въ общепіи съ нѣмцами и такъ мало знаютъ характеры пѣмецкихъ женщинъ. То-есть, я говорю, знаютъ только одну заурядность. У этой же все горитъ: одна рука строитъ, другая—ломаеть, а первая уже оиать возводитъ что-то зѣново. Ходить по залу со своею скрипкою и все фуги и фуги... Всѣмъ надоѣла! Случилась надобность ее о чемъ-то спросить. Вхожу и спрашиваю. Видитъ—и ни слова не отвѣчаетъ: пдетъ прямо, прямо на меня, какъ лунатикъ, и вырабагиваетъ свою фугу. Пришлось то же самое во второй разъ—и оиать результатъ тотъ же самый. Зато въ третій разъ пѣчто совсѣмъ особенное: шла, шла, играла, вела фугу, и вдругъ у самаго моего уха струна хлопъ—и завизжала по грифу.

— Лопнуло терпѣніе! говорю.

— Да! отвѣчать.—Когда же вы, наконецъ, соберетесь?

— Что?

— Сдѣлать Липѣ предложеніе!

— Я! дѣлать предложеніе!! Липѣ!!!

— Да, я думаю, — вы, а не я, и никто другой за васъ.

— Да вы вспомните, что вы это говорите!

— О, я все помню и все знаю.

— Развѣ я смѣю думать... развѣ я стою вниманія Липы!

— Говоря по совѣсти, какъ надо между друзьями, конечно, пѣтъ, по... произошла роковая неосторожность: мы, сентиментальныя пѣмки, мы иногда бываемъ излишне чувствительны къ человѣческому несчастію... Если вы честный человѣкъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вы должны уѣхать изъ этого города, или... я вѣдь вамъ не позволю, чтобы Липа страдала. Она васъ любитъ и *поэтому* вы ее стоите. А я васъ спрашиваю: когда вы хотите уѣхать?

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ... Липа!

— Бога ради! Дайте время!.. Дайте подуматы!

— Липа! Липа!—позвала она еще громче.

— А-а?—отозвался изъ сосѣдней гостиной голосъ Лизы.

— Иди скорѣй, или я разобью мою скрипку.

Воняла, какъ всегда, милая, красивая и спокойная Липа.

— Этотъ господиш проситъ твоей руки.

II, повернувшись на каблучекъ, Аврора добавила:

— Извини за неожиданность, но изъ долгаго раздумья тоже ничего лучшаго бы не вышло. Я иду къ Танте!

— Лина!—пронемать я, оставшись вдвоемъ.

Она на меня взглянула и остановилась.

— Развѣ я смѣю... развѣ могу...

Она тихо отвѣтила:

— Да.

Черезъ недѣлю Аврора уѣхала къ матери въ Курляндію. Мы все передъ баронессой молчали. Наконецъ, Лина сама взялась сказать, что между нами было объясненіе. Я непременно ждалъ, что мнѣ откажутъ, и вслѣдъ затѣмъ придется убраться, какъ говорятъ рижскіе расколыники, «къ себѣ въ Москву, подъ толстыя звѣны». Вышло совсѣмъ не то. Мы съ баронессой гуляли вдвоемъ, и она мнѣ сказала:

— Я не противъ избранія Лины, хотя я не совсѣмъ ему рада. Вы не знаете почему?

— Знаю. Мое прошлое...

— Совсѣмъ нѣтъ. Это слишкомъ глупо и жестоко тянуть за человѣкомъ весь пѣкъ его ошибокъ, но... вы русскій!..

— Вы такъ терпимы, баронесса!.. Такъ долго жили въ Россіи.

— Да, это я.

— А Лина тѣмъ болѣе.

— Нѣтъ — *вы?*?

— Я — все, что вы хотите!

— Просите благословенія у вашихъ родителей.

Я попросилъ.

Тутъ и загудѣли изъ Москвы «толстыя звѣны».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Матушка сокрушалась. Она находила, что я уже два раза Богъ вѣсть что съ собою надѣлалъ, а теперь еще *тымака*. Она не будетъ почтительна. Но отецъ и дядя радовались,— только съ какой стороны! Они пахотили, что панин стали все очень вертепяся,—такія затѣвницы, что никакого покоя съ ними нѣтъ, и притомъ очень требовательны, и такъ дорого стодятъ, что мужу остается для ихъ угожденія либо красть, либо взятки брать.

«Нѣмки лучше», возвѣщаль отцу дядя изъ Москвы въ

Калугу и привелъ примѣры «отъ нѣкихъ родовъ», такихъ же «столповыхъ», какъ и нашъ родъ Синачевыхъ. Успокоили отецъ съ дядею и матушку, что «нѣмки хозяйственны и для заводу добры». Такъ все это мнѣ и было изъяснено въ пространныхъ отпискахъ съ изъясненіемъ, кто что думалъ, и что сказать, и чѣмъ одинъ другого пересилилъ. Матушка, кажется, больше всего была тѣмъ утѣшена, что онѣ «для заводу добры», но отецъ бралъ примѣры и «отъ большихъ родовъ, гдѣ много вѣдомо съ нѣмками браковъ и все хорошія жены, и между поэтами и писателями тоже многіе, которые судьбу свою съ нѣмецкою женщиною связали, получили весь нужный для правильной дѣятельности покой души и на избраніе свое не жаловались». Изводилось это до самыхъ столповъ славянофильства. Стало-быть, мнѣ и Богъ простить. Отецъ писалъ: «Это твое дѣло. Тебѣ жить съ женою, а не намъ, ты и выбирай. Дай только Богъ счастья и не измѣняй вѣрѣ отцовъ твоихъ, а намъ желательно, наконецъ, имѣть внука Никитку. Помни, что имя Никиты въ нашемъ синачевскомъ роду никогда прекращаться не должно, а если первая случится дочь, то она должна быть, въ честь бабушки, Мароа». Я, разумеется, обрадовался и говорю баронессѣ, что отецъ и мать согласны. Она захотѣла видѣть письмо, и я подаль это письмо баронессѣ, а она Ливѣ. Лива покраснѣла, а уважаемая баронесса не сдѣлала никакого замѣчанія. Я ихъ обнялъ и расцѣловалъ: «Друзья мои! говорю:—истинно нѣтъ лучше, какъ нѣмецкія женщины». И я, дѣйствительно, тогда такъ думалъ—и женился. Жена моимъ старикамъ письма писала по-русски. Живемъ прекрасно; Москва и Калуга свободны и рады,—только все освѣдомляются: «въ походѣ ль Никитка?» Наконецъ напророчили! Я пишу: «Лива, кажется, чувствуетъ себя не одною».

Сейчасъ же и дядя, и отецъ сразу съ обѣихъ колоколовъ завопили: «Благословеніе нераздой и имущей во чревтѣ; да разверзетъ ся ложесна отрокъ», и проч., и проч. У дяди всегда все выходило такъ хорошо и всерьезно, какъ будто онъ Аксакову въ газету передовицу пишетъ, а отецъ не былъ такъ литературенъ и на живчакъ прихватывалъ: «Только смотри—доставь мнѣ Никитку!.. Или развѣ на самомъ крайнемъ случаѣ прощается на одну разъ Мароа». Болѣе же одного раза не прощалось.

Матушка мало умѣла писать; лучше всего она выучалась: «Береги жену—время тяготно», а отецъ съ дядею съ этихъ поръ начали жарить про Никиту. Дядя даже прислалъ серебрянный поминъ, изъ чего Никиту поить. А отецъ все будто самъ выцѣлъ, какъ къ нему въ садъ вскочилъ отъ нѣмецкой коровки русскій теленокъ, а онъ его будто помянулъ: тирюсѣй-тирюсѣй,—а теленокъ ему дѣтскимъ языкомъ отвѣчаетъ: «я не тирусѣй-тирусѣй, а я Никитунка, свѣтъ Ивановичъ по изотчеству, Синичекъ по прозванію».

Сдѣлался этотъ Никита Ивановичъ Синичевъ моимъ нравственнымъ или долговымъ обязательствомъ, котораго мнѣ никакъ избытъ пользы. Итакъ, жена моя что-то заводское, и я заводскій, и наша любовь и счастливый бракъ нашъ—все это разсматривается, оценивается только съ племенной, заводской точки зрѣнія.

— «Никитка! Никитка!»—«Подай Никитку!»—«Въ походъ ли Никитка!» Да что же это, наконецъ, за родственная глупость и даже унижающее безстыдство! Ну, а если нѣтъ и не будетъ «въ походъ» не только Никиты, а дядю и Марю, то что же тогда? Неужто объ этомъ плакать, что ли, или считать это за несчастіе и укорить Лину, какъ это бывало у евреевъ ветхаго завета и у русской знати московскаго періода? Но, къ счастью, мнѣ было чего ожидать, и раздраженіе на своихъ было напрасно. Только очень она съ этимъ льнула. Отецъ пишетъ, что мать теперь все молится Спорунинцѣ «объ имущей во чревѣ». Писали, что въ поминанье Лина у нихъ за здравіе записана Катериной, потому что Каролина священникъ находилъ неудобнымъ поминать, такъ какъ это имя неправо-славное. Лина—«сретица». Давали мнѣ совѣтъ «наклонить жену къ вѣрѣ моихъ отцовъ», но надѣялся, что «когда будетъ Никитунка, то она, вѣроятно, и сама пойметъ, что это неизбѣжно. Когда же онъ родится и станемъ его крестить, то чтобы поить крестилъ его непременно настоящимъ троекратнымъ погруженіемъ въ купель, а не обливъ съ блюдечка, какъ будто канарейку». Мать же извѣщала, что она шлетъ Никитѣ раснапопочки и дѣлаетъ целенки изъ старенькаго, чтобы ему не рвало рубцами тѣлице подъ шейкой и подъ мыщечками.

Словомъ, покой мой замутился съ этимъ Никитою. И чѣмъ дальше, тѣмъ все неотетунше.

Пришли и распашонки, и пеленочки, а отъ дяди пзъ Москвы старинный серебряный крестъ съ четырьмя жемчужинами, а отъ отца новыя наставленія. Пишетъ: «Когда же придетъ уреченное время — поставь къ купели вмѣсто меня стоять дьячка или понамаря. Они, каковы бы ни были, — все-таки вѣрные русскіе люди, ибо ничѣмъ инымъ и быть не способны».

Все вѣдь это надо какъ-нибудь выслать, а здѣсь такіе пріемы не приняты. Непремѣнно придется что-нибудь лгать старикамъ, а я ихъ такъ люблю и никогда ихъ не обманывала.

Ожиданіе Никиты стало меня нервировать и мучить. Знатѣмъ они черезчуръ все это раздуваютъ и о чемъ хлопчуютъ? Все дѣлалось бы само собою несравненно спокойнѣе и лучше, если бы они не гнали такой суеты и горячки. Кто родится, того бы и окрестили, и назвали бы Никитой или Марѳой, а то я уже сталъ тревожиться: какъ въ самомъ дѣлѣ это будетъ? Или, можетъ-быть, и совсѣмъ ничего не будетъ, — такъ пройдетъ?

Высказался даже въ этомъ духѣ тещѣ. Баронесса, ввязавшая въ это время одѣяльце, покачала головою и, тихо улыбувшись, отвѣчала:

— Нѣтъ, это такъ не проходитъ. А они напрасно такъ много беспокоятся, и ты сталъ беспокоенъ. Тебѣ бы пока лучше проѣхаться.

— Куда же, говорю, — я какъ мнѣ теперь отлучаться?

— Отчего же? Это даже хорошо. Еще числа Лины далеко, а я попрошу барона — онъ тебѣ дастъ командировку. Проѣзжайся. Числа далеко.

И я получилъ командировку, и въ самомъ дѣлѣ радъ былъ проѣхаться. Вѣдь «числа далеко», а Лину оставить съ нѣжно-любящею ее матерью вимало не страшно. Да и мой безпокойный видъ и перевозность, по словамъ баронессы, даже нехорошо вліяли на настроеніе духа жены, а ей въ ея положеніи пужно спокойствіе.

А заботы родныхъ все не упимаются: передъ самымъ моимъ отъѣздомъ дядя пишетъ, что онъ намѣренъ завѣщать свой домъ, въ переулкѣ близъ Арбата, Никитѣ, а отецъ пишетъ, что «все наше принадлежитъ тебѣ и сыну твоему, первенцу Никитѣ Иванычу Синачеву».

Я уѣхалъ въ командировку на особомъ катерѣ.

Прекрасно! Море, свободная стихія, маяки, запасы, пелѣрки знаковы,—все это меня развлекало и заняло; но—чортъ возьми,—чуть только я удалился отъ своего берега, въ моеѣ душѣ вдругъ зародилось какое-то безпокойство, что я обманутъ, что со мной сыграли какую-то игрушку, что я выгнанъ изъ дома парочно, какъ какой-то дурачокъ, и вообще со мною играютъ какую-то комедію.

Кто?.. Кто могъ со мною играть комедію? Неужто моя милая, преданная жена, моя кроткая, вѣрная Лица? Или неужто моя теща, баронесса, просвѣщенная, истинно честная и всѣмъ уважаемая женщина, сочувствующая всему высокому и презирающая все недостойное истиннаго благородства?.. Невозможно! Не вѣрю навѣстамъ коварнымъ.

А какой-то чортъ шепчетъ на ухо: «Э, милый другъ, все да свѣтъ возможно. Стернъ, англійскій великій юмористъ, больше тебя понимаетъ, и онъ сказалъ: «*Tout est possible dans la nature*»—все возможно въ природѣ. И русская поговорка говоритъ: «Изъ одного человѣка идетъ и горячій духъ, и холодный». Всѣ твои домашнія дамы въ своемъ родѣ прелестныя существа и достойны твоего почтенія, и другія ихъ тоже не напрасно уважаютъ, а въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ онѣ никому уступитъ не хотятъ,—и онѣ не уступятъ, и онѣ по-своему обработаютъ.

Засыпаю подъ плащомъ на палубѣ и вижу фигуры баронессы и Лицы на берегу, какъ онѣ меня провожали и махали мнѣ своими платками. Лица плакала. Она навѣрно и теперь иногда плачетъ, а я все-таки представляю себѣ, будто я пахожусь въ положеніи сказочнаго царя Салтана, а моя теща Веннгрета Васильевца-- «сватья баба Бабариха», и что она непременно сдѣлаетъ мнѣ страшное зло: Никитку моего изведетъ, какъ Бабариха извела Гвидона, а меня чѣмъ-нибудь на всю жизнь одурачитъ.

Идемъ подъ свѣжымъ вѣтеркомъ, катерокъ препитенъ и бортомъ захватывается, а я чи на что вниманія не обращаю и въ груди у меня слезы. Въ душѣ самыя теплыя чувства, а на умѣ кака-то гадость, будто отнимаютъ у меня что-то самое драгоценное, самое родное. И чуть я позабудусь, сейчасъ въ умѣ толкутся стихи: «А ткачиха съ поварихой, съ сватьей бабой Бабарихой». «Родила царица въ ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а пѣвдома

звѣрушку». Я зарыдалъ во спѣ. «Никита, мой милый! Никитушка! Что съ тобою дѣлають!»

Боцманъ меня разбудилъ.

— Вы, говоритъ,—ваше благородіе, ужасно колобродитѣ и руками брылявитесь! Перекреститесь.

Я перекрестился и успокоился.

Въ самомъ дѣлѣ, что за глупость: вѣдь я не царь Салтанъ, и Никитушка не Гвидонъ Салтановичъ; не посадятъ же его съ матерью въ бочку и не бросятъ въ море!

Такъ и странствую въ такомъ душевномъ расположеніи отъ одного берегового пункта къ другому, водворяю порядокъ и снабжаю людей продовольствіемъ. И вдругъ на одномъ изъ дальнихъ островковъ получаю депешу: «совершенно благополучно родился сынъ,—*sehr kräftiger Knabe*». Всѣ тревоги минули: такимъ именно *kräftiger Knabe* и долженъ былъ появиться Никита! «*Sehr kräftiger*». Молодецы! Знай нашихъ комаринскихъ!

Сами можете себѣ вообразить, какъ я послѣ извѣстія о рожденіи сына петербургово кончалъ свои визиты къ остальнымъ маякамъ, и съ какимъ чувствомъ черезъ двѣ недѣли выскочилъ съ катера на родной берегъ этого города, гдѣ меня ждали жена и ребенокъ.

На самой пристани матросъ передаетъ приказаніе моего начальника явиться къ нему прямо сію минуту.

Досадно, а дѣлать псего: ѣду.

Добрѣйшій баронъ Андрей Васильевичъ прямо заключаетъ меня въ свои объятія, смотритъ на меня своими ласковыми синими глазами и, пожимая руки, говоритъ:

— Ну, поздравляю, молодой отецъ, поздравляю! Извините, что я васъ задержалъ и не пустилъ прямо домой, но это необходимо. Лива еще слаба, вѣдь она немножко обесчталась числомъ, но зато Фриде—славный мальчикъ.

Я сначала не понялъ, что такое. Какой Фриде!

— Кто это, говорю,—Фриде?

— А этотъ вашъ славный мальчикъ! Мы его вчера окрестили и все думали: какое ему дать имя, чтобы оно поправилось...

Я перебилъ:

— И какъ же, говорю,—вы его назвали?

— Готфридъ, мой милый, Готфридъ! Это всемъ намъ поправилось, и пасторъ назвалъ его Готфридъ.

— Пасторь!—закричала я.

— Да, конечно, пасторь, самый добрый и ученый пасторь. Я нарочно позвала его. Я другого не хотела, потому что это ведь онъ, который открылъ, что надо перенести двое-точіе послѣ слова: «Гласъ вопіетъ въ пустынь: приготовьте нуть Богу». Старое чтеніе не годится.

— Позвольте, говорю, — но ведь я его задушу моими руками!

— Кого это?

— Этого пастора!

— За то, что онъ перенесъ двоеточіе?

— Нѣтъ, за то, что онъ смѣлъ окрестить моего сына! Баронъ выразилъ лицомъ поливійное недоумѣніе.

— Какъ зачѣмъ окрестилъ сына? Какъ душилъ нашего пастора? Развѣ можно не крестить?

— Его долженъ былъ крестить русскій священникъ!

— А!.. Я этого не знала, не знала. Я думала, вы такъ хотите! Но ведь лютеране очень хорошіе христіане.

— Все это вѣрно, но я самъ русскій, и мои родные русскіе, и дѣти мои должны принадлежать къ русской вѣрѣ.

— Не знала, не знала!

— Зачѣмъ же мои семейные, жена, теща не подождали моего возвращенія?

— Не знаю, — судьба, перстъ...

— Какая, ваше превосходительство, судьба! Судьба вотъ была въ чемъ, вотъ чего хотели всѣ мои русскіе родные!

Разказалъ ему все и прибавилъ:

— Вотъ какова должна была быть настоящая судьба, и имя, и вѣра этого ребенка, а теперь все это вывернули вопъ. Я этого не могу снести.

— Въ такомъ случаѣ вы здѣсь прежде успокойтесь.

— Печѣмъ мнѣ успокоиться! Это останется навсегда, что у меня первый сынъ — пѣмецъ.

— Но ведь пѣмцы также хорошіе люди.

— Хорошіе, да я-то этого не ожидалъ.

— А перстъ Божій показалъ.

Ну, что еще съ нимъ говорить! Бѣгу домой.

Отворила сама теща, — какъ всегда, въ буфляхъ, въ чепцѣ и въ кожаномъ поясѣ, во всемъ своемъ добромъ здоровьѣ и въ полномъ нарядѣ, — и говоритъ мнѣ:

— Тсс! Потихе... Фриде сингъ...

— Покажите мнѣ его.

— Подожди, это сейчасъ польза.

— Итъ, покажите, а то я сойду съ ума! Я леню съ досады.

Показали мнѣ мальчишку. Славный! Я его обнялъ и зарыдалъ.

— Ахъ, ты, говорю,—Пикитка, Пикитка! За что только тебя, бѣднягу, оборотили въ Готфрида!

Выплакался дѣ-сыта и ничего не сталъ говорить до тѣхъ поръ, пока жена оправилась.

Потомъ разъ выбралъ время и говорю:

— Что же это вы сдѣлали, Лица? Какъ я панишу объ этомъ на Арбагъ и въ Калужскую губернію? Какъ я его когда-нибудь повезу къ дѣду и бабушкѣ, или въ Москву къ дядѣ, русскому археологу и историку?

Она будто не понимаетъ этого и ласкается; но я-то вѣдь повиную, какое мое положеніе съ поворожденнымъ нѣмцемъ. Встанутъ отецъ и мать: показывай, молъ, намъ колывацкое производство, а что такое я имъ могу сказать, что я покажу? Вотъ, молъ, я вамъ оттуда своего производства нѣмца привези!.. Потрудитесь получить, — называется Готфридъ Бульповичъ, въ ласкательной формѣ Фриде, въ упрямчивательной — Фридыка. Имя не трудное, а довольно потѣшное. Меня замятуть и со двора съ нѣмцемъ согнать. Или, еще върше, мнѣ не покрятъ, потому что этому и нельзя покрить, чтобъ я, калужанинъ, истинно русскій человѣкъ, борецъ за право русской народности въ здѣшнемъ краѣ, самъ себѣ первенца нѣмца родили! Адъ и смерть.

Прыгалъ я, прыгалъ,—разныя глупости выдумывать, хотѣлъ дѣло поднимать, доносъ писать, перекрещивать, да на кого доносить становилъ? На свою семью, на любимую жену, на добрую и весьма уважаемую тещу Велипрету, которую я и люблю, и уважаю!.. Чортъ знаетъ, что за положеніе!

Такъ ничего иного и не могъ придумать, какъ признать «совершившійся фактъ», а въ немъ участіе «перста», и затѣмъ началъ врать моимъ старикамъ, что случилось несчастіе: Пикитка, панишу, итъ, а яншелъ фось-кушъ.

Ничего другого въ этомъ положеніи не выдумалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Живемъ пѣ-ново и опять такъ же невозмутимо хорошо, какъ жили. Мой нѣмчикъ растегъ, и я его, разумѣется,

люблю. Мое вѣдь дитя! Мое рожденіе! Лина — превосходная мать, а баронесса Венигрета — превосходная бабушка. Фридыка молодецъ и красавецъ. Баронъ Андрей Васильевичъ поситъ ему конфеты и со слезами слушаетъ, когда Лина ему рассказываетъ, какъ я люблю дитя. Оботретъ шелковымъ платочкомъ свои слезливые голубые глазки, приложитъ ко лбу мальчика свой бѣлый палецъ и шепчетъ:

— Перстъ Божій! перстъ! Мы все сами по себѣ не значимъ ничего. И прочитаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ изъ Гафиза:

«Тщетно, художникъ, ты мнишь,
Что твореній своихъ—ты создатель.»

Меня повысили въ должности и дали мнѣ новый чинъ. Это поправило наши недостатки. Прошло три года. Дѣтей болѣе не было. Лина прихварывала. Андрей Васильевичъ далъ мнѣ командировку въ Англію для пріема портовыхъ заказовъ. Линѣ совѣтовали полѣчиться въ Дубельнѣ у Нордштрема, въ его гидронатической лѣчебницѣ. И ихъ заезъ туда и устроить въ Майоренгофъ, на самомъ берегу моря. Слагалось прекрасно: я пробуду мѣсяца два за границей, а онѣ у Нордштрема. Чудесный старикъ-нѣмецъ, и терпѣть не могъ остзейскихъ нѣмцевъ, все ихъ ругалъ по-русски «прохвостами». Больныхъ заставлялъ ходить по берегу то босикомъ, то совсѣмъ нагишомъ. Въ аптечное лѣченіе не вѣрилъ несколько и падъ всѣми докторами смѣялся. Исключеніе дѣлалъ только для одного московскаго Захарыяна.

— Этотъ, говорилъ, — одинъ чисто дѣйствуетъ: онъ попялъ дѣло и напалъ на свою роль.

А похвала эта, впрочемъ, въ простомъ изъясненіи сводилась къ тому, что онъ почиталъ знаменитаго московскаго врача «обьюродѣвшимъ», но увѣрялъ, что «въ Москвѣ такіе люди необходимы», и что она потому и крика, что держится «*credo quia absurdum*».

Любопытный былъ человекъ! Жилъ холостякомъ, бракъ считалъ недостойнымъ и запоздалымъ учрежденіемъ, остающимся пока еще только потому, что люди не могутъ найти, чѣмъ бы его замѣнить; ходилъ часто безъ шапки, съ толстой дубиной въ рукѣ, ѣлъ мало, вина не пилъ и не курилъ, и былъ очень уменъ.

Моя теща пользовалась его расположеніемъ «какъ умная нѣмка». Жена моя должна была у него лѣчиться. Послѣ

она хотѣла съѣздить къ Tante Августѣ въ Полагенъ, гдѣ море гораздо солонѣе.

— И сказали:

— Прекрасно.

— И Фриде съ собою возьмемъ: падо его показать татѣ и Аврорѣ; она вѣдь его еще не видала.

— Пожалуйста, возьмите; его только и остается показывать татѣ Августѣ да Аврорѣ.

Лина укоризненно покачала головою.

— Какой ты, говоритъ,—злой!

— Да, я злой; а вы съ своей мамой очель добрыя: вы такъ устроили, что мнѣ своимъ роднымъ сына показывать стыдно.

— Почему же стыдно?

— Нѣмецк.. лютеранинъ!

— Ну, такъ что же такое?

— Ничего больше.

— Будто не все равно? Всѣ христіане.

— То-то и есть, вѣрно, не все равно. И я такъ думаю: не все ли равно, а вотъ по-вашему, видно, не все равно: вы взяли да и переправили его изъ Пикитки на Готфрида.

А женѣ ужъ нечего сказать, такъ она отбивается:

— Ты придираешься. Лишнюю комнату, которая у насъ паверху, мы отдадимъ дядѣ-барону (т. е. Андрею Васильеву).

— Чудесно.

— Вѣдь мы ему много обзавы.

— Конечно.

— Онъ очень любитъ Нордстрема.

— И Нордстремъ его любитъ.

— Правда?

— Да.

— Онъ тебѣ говорилъ это?

— Какъ же. Онъ мнѣ говорилъ, что баронъ — гороховый шутъ.

Лина обидѣлась.

— Я, говоритъ,—думаю, что ты шутнишь.

— Нѣтъ, не шучу; но, впрочемъ, Нордстремъ хотѣлъ свести барона съ какимъ-то пасторомъ, который одну ночь говоритъ во снѣ по-сврейски, а другую—по-гречески.

Лина замѣтила мнѣ, что я дерзокъ и неблагодаренъ.

Въ пей была какая-то нервность. Такъ мы разстались и почти три мѣсяца не видались. Въ разлукѣ, въ моемъ настроеніи, разумѣется, произошла перемена: огорченія потеряли свою остроту, а хорошія, радостныя минуты жизни всплывали и манили къ женѣ. Я вѣдь ее любилъ и теперь люблю.

Андрей Васильевичъ встрѣтилъ меня въ Ригѣ на самомъ вокзалѣ, повелъ завтракать въ паркъ и въ первую статью рассказалъ свою радость. Пасторъ, съ которымъ познакомилъ его Нордштремъ и который «во снѣ говорилъ одну ночь по-еврейски, а другую — по-гречески», принесъ ему «обновленіе смысла».

— Что же такое опять открылъ?

— А, другъ мой,—это благословенная, это великая вещь! Я теперь могу молиться такъ, какъ до этой поры никогда не молился. Сомнѣнья больше нѣтъ!

— Это большая радость.

— Да, это радость. Впрочемъ, я всегда думалъ и подозревалъ, что здѣсь нѣчто должно быть не такъ, что здѣсь что-то должно быть иначе. Я говорю о «Молитвѣ Господней».

— Я ничего не понимаю.

— Но вѣдь вы ее знаете?

— «Отче нашъ»-то?—Ну, конечно, знаю.

— И помните прошеніе: «Хлѣбъ нашъ *насущный* дай намъ сегодня»?

— Да, это такъ.

— А вотъ то-то и есть, что это не такъ.

— Позвольте...

— Да, не такъ, не такъ! Я и прежде задумывался: какъ это странно!.. «Не о хлѣбѣ чловѣкъ живѣ», и «не безпокойтесь, что будете ѣсть или пить», а тутъ вдругъ прошеніе о хлѣбѣ... Но теперь онъ мнѣ открылъ глаза.

— А мнѣ хочется сперва въ Дубельнъ, къ женѣ... боюсь, какъ бы не пропустить поѣзда.

— Нѣтъ, не пропустимъ. Вы понимаете по-гречески слово: «ἐπιούσιος»?

— Не понимаю.

— Это значить: «над-сущный», а не насущный,—хлѣбъ не вещественный, а духовный... Все ясно!

- Я перебилъ:

— Позвольте, говорю, — вы мнѣ это что-то еретическое внушаете. Мнѣ это нельзя.

— Почему?

— Я человекъ истинно русскій и православный, — мнѣ нуженъ «хлѣбъ насущный», а не *над-сущный*!

— Ахъ, да! А я теперь въ восторгѣ читаю эту молитву, и васъ все-таки съ пасторомъ познакомлю. Это я непременно и хотѣлъ, чтобы онъ, а не другой пасторъ крестилъ маленькаго Волю, и онъ это сдѣлалъ...

— Какого Волю?

— А второй сынъ твоя, Освальдъ!

— Ничего не понимаю!.. Какой сынъ?.. Я меня одинъ сынъ, Готфридъ!

— Это первый, а второй-то, второй, который мѣсяць назадъ родился!

— Что?.. Мѣсяць назадъ?.. Что же онъ тоже «ἐπιούσιος», что ли, необыкновенный, *над-сущный*? Откуда онъ взялся?

— Его мать — Лина.

— Но она не была беременна.

— А, этого я не знаю.

Я видѣ себя, бросаю Андрея Васильевича и лечу къ себѣ на дачу, и первое, чѣмъ встрѣчаю — теща, «всеми уважаемая баронесса». Не могу здороваться и прямо спрашиваю:

— Чтѣ случилось?

— Ничего особеннаго.

— У Лины родился ребенокъ?

— Да.

— Какъ же это такъ?.. Отчего же?..

— Что за вопросъ!

— Нѣтъ, позвольте!.. Какъ же, три мѣсяца тому назадъ, когда я уѣзжалъ... я ничего не зналъ? Въ три мѣсяца это не могло сдѣлаться!

— Конечно... Это надо девять мѣсяцевъ. Зачѣмъ же ты это не зналъ?

— Почему же я могъ знать, когда мнѣ ничего не говорили?

— Ты самъ могъ знать по числамъ.

— Чортъ вы, говорю, — чортъ, а не женщина! Чортъ! чортъ!

Это вдругъ такой оборотъ-то послѣ того, какъ я къ ба-

ронессѣ чувствовалъ одно уваженіе и почтительно къ ней относился!

Ну, дальше что же рассказывать! Разумѣется, хоть лопни съ досады — ничего не подѣлаешь! Опять все кончилось, какъ и въ первомъ случаѣ. Только я уже не истеричничалъ, не плакалъ надъ своимъ вторымъ нѣмцемъ, а окончилъ объясненіе въ мажорномъ тонѣ.

Я сказалъ баронессѣ, что терифніе мое лопнуло и что я въ моихъ отношеніяхъ къ семьѣ переѣбляюсь.

— Какъ? Зачѣмъ переѣбляться?

— А такъ, говорю, — что совсѣмъ переѣбляюсь, — вы вѣдь еще не знаете, какой у меня неизвѣстный характеръ.

— А какой неизвѣстный характеръ?

— Я вамъ говорю — «неизвѣстный». Я и самъ не знаю, что я могу сдѣлать, если выйду изъ терифнія. Вы это имѣйте въ виду, если еще разъ захотите мнѣ сдѣлать сюрпризъ по числамъ.

— Какая глупость!

— Ну, вотъ, смотрите!

У меня явился какой-то дьявольскій порывъ — схватить потихоньку у нихъ этого Освальда и швырнуть его въ море. Слава Богу, что это прошло. Я ходилъ-ходилъ, — и по горѣ, и по берегу, а при восходѣ луны сѣлъ на песчаной дюнѣ и все еще ничего не могъ придумать: какъ же мнѣ теперь быть, что написать въ Москву и въ Калугу, и какъ дальне держать себя въ своемъ собственномъ, нѣкогда мнѣ столь миломъ семействѣ, которое теперь какъ будто взбѣсило и стало самымъ упрямымъ и самымъ строптивымъ.

Вдругъ, на счастье мое, вижу, по бережку моря идетъ мой благодѣтель, Андрей Василевичъ, одинъ, съ своей вѣрной собачкой и съ книгой, съ библіей. Кортикъ мотается, а самъ какъ нѣтушокъ расплѣвается, безмятежнымъ старческимъ выкрикомъ:

Я усталъ, — иду къ покою;
Отче! очи мнѣ закрой,
И съ любовью надо мною
Будь хранитель вѣрный мой!

И какимъ молодцомъ идетъ на своихъ тоненькихъ ножкахъ, и все выше и выше задуетъ высокимъ фальцетомъ:

И сегодня, безъ сомнѣнья,
Я виновенъ предъ Тобой;

Дай мнѣ всѣхъ грѣховъ прощенье,
Тѣлу—сонъ, душѣ—покой!

Мнѣ стало завидно его бодрости и спокойствію, да и къ жизни, къ общенію съ людьми опять меня поманило, и на умъ пришла шутка.

«Нѣтъ, постой ты, думаю, — старый пѣвунъ: пока ты дойдешь до своей постели, чтобы вкушать сонъ и покой, котораго просишь, — я тебя порастравлю за то, въ чемъ, кажется, и ты «виновенъ безъ сомнѣнья».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я покинулъ холмъ, гдѣ сидѣлъ, и безъ труда догналъ Андрея Васильевича.

Адмиралъ, увидя меня, очень обрадовался и сердечно меня обнялъ.

— Здравствуйте, говорить, — мой другъ, здравствуйте! Какая послѣ чудеснаго дня становится чудесная ночь! Я въ улосшы, — гуляю и молюсь, все повторяю «Отче нашъ» въ новомъ разночтеніи, — благодарю за «хлѣбъ *над-суиц-тій*» и моему сердцу легко. «Сердце полно, — будемъ Богу благодарны». А вы какъ себя чувствуете?.. Вы тоже гуляли?

— Да, гулялъ.

— Прекрасный вечеръ. Теперь домой?

— Домой.

— Вотъ и чудесно, и пойдѣмъ вмѣстѣ. Я не скучаю и одинъ, но съ сердечнымъ, съ сочувственнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ вдвоемъ еще веселѣй... А вы вѣрно узнали все, какъ это случилось, и тоже спокойны?

— Нѣтъ, отвѣчаю, — я ничего не узналъ, да и не хочу узнавать!

— Да, это перстъ Божій.

— Ну, позвольте... ужъ вы хоть перстъ-то оставьте.

— Отчего же? Когда нельзя понять, — надо признать перстъ.

— А я скорѣе согласенъ видѣть въ этомъ чей-то шиниъ, а не перстъ.

Онъ остановился, какъ будто долго не могъ понять, а потомъ помоталъ передъ собою пальцемъ и произнесъ:

— Ни-ни-ни! Это перстъ!.. И вы никогда больше не говорите «шиниъ», потому что «шиниъ», — это русскій шиглизмъ.

— Ну, ужъ нигилизмъ или не нигилизмъ, а я тутъ перста не вижу. Персть не указываетъ, какъ обмалывать чело-вѣка, а здѣсь обманъ, и потому я принимаю это за шипъ, показанный всему моему дальнѣйшему семейному благополу-чю. Семейное счастье мое разстроено...

— Почему?

«Ахъ, ты, думаю, — тушица этакій! Еще извольте ему разъяснить «почему»!

— Я не могу больше вѣрить самымъ близкимъ людямъ.

— То-то: почему?

«Фу, чортъ тебя возьми! думаю.—Ишь въ чемъ у нихъ, между прочимъ, сила кростя. Чего они не хотятъ понять, того и не понимаютъ. Такъ и моя жена, и всеѣми уважае-мая теща, и этотъ благочестивый пѣвунокъ.—А я же васъ разочарую по-русски, откровенно.»

И говорю:

— Я, ваше превосходительство, вамъ скажу только одно: я вамъ скажу, до какихъ острыхъ объясненій у насъ дошло съ баронессою, которую, какъ вы знаете, я любилъ и ува-жалъ какъ родную мать.

— Знаю, знаю! И она этого стѣитъ.

— Да, а теперь я ей пригрозилъ.

— Чѣмъ?... Какъ можно пригрозаты!

— Такъ... сказалъ, что я больше ничего не потеряю, и что у меня есть ужасныя черты въ характерѣ, которыхъ я самъ боюсь.

— Вы это пошутили?

— Нѣтъ,— совершенно серьезно.

— А что вы, напримѣръ, можете сдѣлать?

— Не знаю...

— Какъ же не знаете?

— Въ томъ-то для меня и есть самый большой ужасъ, что я самъ не знаю. Я терплю много и долго, держу себя... какъ воспитанный чело-вѣкъ, какъ европеецъ; а потомъ, если меня стануть очень сильно скребсти,— я и освирѣбю, какъ быкъ.

— Какъ быкъ!.. Гм!.. Это скверно.

— И я впередъ вамъ говорю, что это можетъ кончиться скверно.

— Напримѣръ—какъ?

— А папримѣрь такъ, что я сегодня-было вздумалъ швырнуть за ноги это дитя.

— Ой, какая гадость!

— Да, это гадость, но вѣдь и со мною дѣлаютъ нехорошее. Пословица говоритъ: «противъ жару и котель трескеть».

— А-га! Хорошая пословица. Я очень люблю русскія пословицы. Но это не годится. Дитя ничѣмъ не выповато.

— Ну, я доношу на собственную семью напину и пошлю.

— Офицеръ!.. Доносы!

— Да, самъ на себя.

— Этого никто не дѣлаетъ.

— Нѣтъ, дѣлаютъ; въ бракоразводныхъ дѣлахъ даже очень часто дѣлаютъ.

— Нѣтъ, ужъ вы этого не дѣлайте.

— Ну, такъ вотъ вы меня, ваше превосходительство, научите, что же мнѣ дѣлать-то, чего держаться и какъ изъ себя не выйти?

— Держитесь русской пословицы.

— Которой прикажете?

— «Когда ты хочешь разсердиться, подумай, что ты говоришь съ генераль-губернаторомъ».

— Такой пословицы нѣтъ.

— Есть.

— Да ужъ позвольте мнѣ, какъ русскому, лучше знать, что такой пословицы нѣтъ.

— Я ее отъ князя Суворова въ Ригѣ слышалъ.

— Про рижскаго князя Суворова про самого-то стоить пословицу сложить.

— Это правда, правда. Онъ фантазеръ, но добрякъ. Много, что было невозможно, онъ сдѣлалъ возможнымъ. Его, бывало, попросятъ, — онъ скажетъ: «это возможно». Очень жаль, что его больше нѣтъ, — и вамъ было бы хорошо.

— Мнѣ все равно, меня мучитъ только, какъ своимъ роднымъ написать, что у меня все нѣмцы родятся.

— Да!.. въ самомъ дѣлѣ: какъ бы имъ это написать?

— Я имъ чистосердечно во всемъ признаюсь, что я ихъ по вашей милости обманывалъ, и что у меня сына Никиты нѣтъ, а есть даже два сына, и оба нѣмца. Пусть и отецъ и дядя это узнаютъ, и они меня пожалѣютъ, и отищутъ свое наследство, находящееся въ Россіи, дѣтямъ моеи

сестры, русскимъ и православнымъ, а не моимъ дѣтимъ-нѣмцамъ, Роберту и Бертраму.

— Фуй!

— Отчего фуй? Я больше лгать не хочу. Приду домой и напишу: мнѣ будетъ легче.

— Чѣмъ же легче?

— Тѣмъ, что я не буду больше моихъ честныхъ стариковъ обманывать.

Адмиралъ задумался и прошепталъ:

— Это тоже правда.

— Конечно, правда.

— А вы первый разъ имъ... о первомъ ребенкѣ какъ написали?

— Я тогда солгалъ.

— А-а! Какъ жаль!

— Да, я нагло и гнусно солгалъ.

— Что же именно?

— Свалилъ все дѣло на *fausse couche*.

— Недурно! Очень хорошо!—Теперь свалите на фоскушку!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я попробую придумать что-нибудь другое.

— Зачѣмъ? Лучше этого не придумаете.

Разстался. Я вернулся домой и въ самомъ дѣлѣ сѣлъ писать чистосердечное признаніе... Какъ-то не пишется... Противно это излагать, какая я тряпка, что у меня все рождаются нѣмцы, и я не могу этого прекратить.

Чортъ возьми нашу телѣгу и всѣ четыре колеса! При случаѣ написалъ про фоскушку.

Опять живемъ. Получилъ крестъ и денегъ дали.

Къ жизни охладѣлъ, и къ тѣмъ вопросамъ, которые приходятъ изъ Россіи, охладѣлъ. Семья-нѣмцы растутъ, живу хорошо и очень тихо. Ну ихъ совсѣмъ, всѣ вопросы! Это надо имѣть къ нимъ охоту и здоровые нервы, чтобы ими заниматься. И то не здѣсь и не въ козыванской семьѣ. Никитки отъ меня больше не ждутъ и не требуютъ. Все замерло тамъ и пріутихло, и во мнѣ, казалось бы, конецъ. Но только какъ пуганая ворона сучка бонется, такъ и я: изъ дому отлучаться боюсь. Думаю: кажется, безопасно, кажется, ничего нѣтъ, а между тѣмъ, Богъ ихъ знаетъ, какая у нихъ... природа какая-то «над-суннал»: исправно вернешься, а у нихъ уже и поеть въ целенкахъ новый нѣмецъ.

Этого я не хотѣлъ больше ни за что, и, признаюсь вамъ въ своей низости, болѣе для этого и съ отцомъ Федоромъ Знаменскимъ познакомился, когда его назначили благочиннымъ. Пошелъ къ нему исповѣдаться и говорю:

— Вотъ что въ моемъ семействѣ два раза было. Я самъ вамъ объ этомъ объявляю. Вы теперь благочинный, должны за этимъ смотрѣть, чтобы законъ не обходили. Я часто бываю въ отлучкахъ, а вы смотрите... А то я самъ послѣ на васъ донесу.

Онъ испугался и денегъ за исповѣдь не взялъ и вмѣсто отпуска сказалъ мнѣ: «мое почтенье», а доноса не подалъ.

Трусъ неописанный. Но зато и безъ его помощи нечего стало бояться. Одно горе прошло,—стала надвигаться другая туча. Моему семейному счастью угрожало неожиданное бѣдствіе съ другой стороны: всегда пользовавшаяся превосходнымъ здоровьемъ Лина начала хворать. Измѣняется въ лицѣ, цвѣтъ дѣлается сѣроватый, зловѣщій.

Я себя не помню отъ отчаянія. Клянусь себя за то, что когда-нибудь что-нибудь ей скажешь, плачу какъ безумный.

Она меня ободряетъ и утѣшаетъ.

— Успокойся, говоритъ,—я буду жить.

Мать, баронесса, являетъ безмѣрную силу любви и самообладанія.

Здѣшніе врачи пашли у нея что-то непонятное. Лина и баронесса отправились въ Ригу. Тамъ имъ сказали, что нужна скорая операція. Разсуждаемъ: въ Петербургъ, или въ Берлинъ? Разумѣется, въ Берлинъ: лучше и дешевле. Я не спорю; гдѣ больная хочетъ, пусть тамъ и будетъ. Дѣтей, чтобы они не оставались одни при моихъ отлучкахъ по службѣ, рѣшили завезти по дорогѣ къ танти Августѣ и кузинѣ Аврорѣ. Такъ я по необходимой служебной надобности ушелъ въ море тотчасъ съ началомъ навигаціи, а онѣ должны были выѣхать черезъ недѣлю, когда Лина будетъ себя немножко крѣпче чувствовать. Я жду отъ нихъ въ условленныхъ мѣстахъ извѣстій объ отъѣздѣ; но сначала пишу имъ нѣтъ, а потомъ извѣщаютъ, что «еще не выехали», послѣ,— что «на Лину прекрасно дѣйствуетъ покой и воздухъ», еще позже,— что «къ удивленію можно сказать, что врачи въ Ригѣ, кажется, ошибались и что операціи вовсе, можетъ-быть, не нужно», и наконецъ,—

что «Лина поправляется и онѣ переѣзжаютъ изъ города на дачу въ Екатериненталь».

Это послѣднее извѣстiе шло долго, и я получилъ его только двѣ недѣли тому назадъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстiемъ, что дядя изъ Москвы нишетъ, что отецъ мой умеръ и завѣщалъ имѣннице мнѣ и «моимъ дѣтямъ».

Я и обрадовался благопріятной ошибкѣ врачей, и очень поскорбѣлъ и поплакалъ объ отцѣ, котораго давно не видалъ, а теперь совсѣмъ его лишился. И вотъ вчерашній день, разстроенный всѣмъ этимъ, возвращаюсь домой, влетаю въ комнаты, стремлюсь обнять жену—и вижу у нея на рукахъ грудное дитя!

Боже мой! Я ударилъ себя ладонью въ лобъ и спросилъ только:

— Какъ его имя?

— Гуня.

— Что это значить?

— Гунтеръ!

— Значить, я и въ третій разъ обманутъ!

Выходитъ баронесса и тихо говоритъ:

— Никакого обмана нѣтъ,—это ошибкой подкралось.

Остальное вы сами знаете. Слово «подкралось» такъ вдругъ лишило меня разсудка, что я надѣлалъ все, что вы знаете. Я ихъ прогналъ, какъ грубіянь. И вотъ теперь, когда я все это сдѣлалъ,—открылъ въ себѣ татарина и разбилъ навсегда свое семейство, я презираю и себя, и всю эту свою борьбу, и всю возню изъ-за Никитки: теперь я хочу одного—умереть! Отецъ Федоръ думаетъ, что у меня это прошло, но онъ ошибается: я не стану жить.

— Вы хотите довольно дешево отдѣлаться,—произнесъ по-нѣмецки молодой и сильный женскій голосъ, впадающій въ контрасть.

Мы оба оглянулись и увидѣли на дорожкѣ, у самой дверцы, стройную молодую дѣвушку, изъ всего лица которой, отгѣненнаго широкими полями соломенной шляпы, былъ виденъ одинъ нѣжный, но сильный подбородокъ.

Я узналъ, что это была Аврора, и почувствовалъ въ душѣ большую радость. Я здѣсь становился совершенно излишнимъ, и притомъ этотъ разбитый человекъ теперь будетъ управленъ хорошимъ кормчимъ.

Кузина Аврора, конечно, за этимъ предстала и, посмо-

трѣвъ на пѣс, можно было сказать, что она знаетъ, что надо сдѣлать, и что падо, то и будетъ сдѣлано.

— Умереть легко; надо не умереть и оставить семью безъ опоры... *а возратить себѣ расположеніе жены и уваженіе людей*—вотъ что должно быть достигнуто!—услыхалъ я черезъ открытое окно своей комнаты, и тотчасъ же поспѣшилъ взять шляпу и уйти изъ дома, чтобы не быть нескромнымъ свидѣтелемъ щекотливаго и важнаго семейнаго разговора. Но живое любопытство и особенное вниманіе, какое возбуждала къ себѣ эта, такъ театрално какъ будто по пьесѣ для развязки назначенная, зорная Аврора,—побуждали меня узнать: что тутъ случится, что эта оригинальная и смѣлая дѣвушка выдумаетъ, и что устроить. Какъ она поможетъ этому бѣдняку достигъ исполненія очень трудной, но въ самомъ дѣлѣ необходимой и единственно достойной въ его положеніи задачи: «не оставить семью безъ своей опоры и возратить себѣ расположеніе жены и уваженіе людей».

Это совсѣмъ не пѣсенка изъ московскаго пѣсенника на голосъ: «Когда сынъ у насъ родится—мы Пикитой назовемъ», а это трудная, серьезно задуманная fuga, развить которую есть серьезная цѣль для всего предстоящаго, но зато сколько надо имѣть смысла и терпѣнія, чтобы всю эту fugу вывести одною рукою!

Fuga, какъ стройный рядъ повторяемостей, берется сначала однимъ голосомъ безъ всякаго аккомпанемента и ея основная тема называется «вождемъ» (Führer), а когда она окончится—другіе повторяютъ то же въ ладѣ доминанты главнаго тона (Antwort).

Иначе это не идетъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ семьѣ, потрясенной описанными событіями, все стало тихо: весь безпорядокъ прекратился и какъ будто ничего особеннаго и не случилось. Было опять утро и былъ вечеръ въ день второй. Я, кажется, больше всѣхъ былъ обезпкоенъ и боялся взглянуть въ садъ, а по двору проходилъ не иначе какъ послѣ обозрѣнія, что путь свободенъ. На третій день былъ праздникъ «Johannes», соотвѣтствующій нашему Купалю. Всѣ уѣзжали in's Grüne на мызу. Тамъ пили, ѣли, пѣли и танцевали, а дѣвушки

пшли вѣяки и украшались ими. И я былъ тамъ. Много ходилъ, усталъ и за небольшую плату, внесенную какому-то рабочему при мызѣ, помѣстился отдохнуть на сѣносушкѣ. Это была деревянная постройка, сдѣланная такимъ образомъ: внизу срубъ небольшой, на немъ балки, превосходящія величиною этотъ срубъ, и на нихъ второй, верхній срубъ, обширнѣе нижняго. Въ этомъ верхнемъ срубѣ—кладовая и сушильня. Выше ея, подъ самую крышею, оригинальный карнизъ, состоящій изъ цѣлаго ряда совершенно однообразныхъ и правильно размѣщенныхъ скворешницъ. Здѣсь свѣжо, сухо, нѣтъ никакихъ досадительныхъ насѣкомыхъ, а только скворцы то тихо конопатятъ въ своихъ скворешняхъ, то торопливо рокочутъ, ведя другъ съ другомъ торопливыя и жаркія бесѣды на трехъ огромнѣйшихъ линахъ.

Вся площадка, гдѣ построена эта сушильня, обнесена высокимъ частоколомъ, образовавшимъ дворикъ, на которомъ стояли подъ навѣсомъ два плуга, тележка и ометъ соломы. Подъ линами былъ круглый столъ, утверждаемый на столбѣ, двѣ скамейки и самодѣльный тяжелый стулъ изъ карельской березы. Въ нижнемъ этажѣ сушильни было жилое помѣщеніе для того работника, который далъ мнѣ отрядный пріютъ на сѣнѣ.

Я спалъ довольно долго и крѣпко, и проснулся какъ будто отъ оживленнаго говора, который слышался снизу.

Это и въ самомъ дѣлѣ было такъ.

При пробужденіи своемъ я услыхалъ три раза и твердо повторенное:

— Pain! pain! pain!

Это произносилъ молодой, сильный голосъ, и произносилъ именно «pain», а не «pein», и притомъ съ усиленною твердостью и съ энергіею. Голосъ мнѣ показался знакомымъ.

Другой, болѣе густой, но тихій голосъ отвѣчалъ:

— Но вѣдь это же очень несправедливо и странно, Аврора. Ты должна же признать, что если не правъ и даже много виноватъ я въ своей непростительной недержанности и грубости, для которой я и не ищу оправданій, то вѣдь не правы и онъ.

Это былъ голосъ моряка Спачева.

Въ отвѣтъ на его слова опять послышалось то же самое упорное:

— Nain, pain!

— Какое возмутительное упорство!

— Nain, это не упорство. Упорство въ тебѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ это — дикость.

— О да, да! Непремѣнно! Но тебѣ, можетъ-быть, неудобно говорить о дикости! Вѣдь ты сегодня именинникъ, мы сегодня пируемъ здѣсь твой день, и я тебя увела сюда не для того, чтобы говорить о прошломъ, а для того, чтобы сказать тебѣ наединѣ радость, что открывается въ настоящемъ и будущемъ.

— Ты всегда живешь въ будущемъ.

— Nain! Я живу *только въ настоящемъ*, но для будущего.

— Слушаю.

— Onkel баронъ сейчасъ мнѣ шепнулъ, что онъ получилъ отъ Литке отвѣтную депешу: тебя назначаютъ на корабль, который выйдетъ въ кругосвѣтное плаваніе. Онъ теперь уже въ Илимутѣ, и ты долженъ его догнать; тебѣ послѣзавтра надо выѣхать.

— Гм!.. Прекрасно. Это баронъ Андрей Васильевичъ все исполнилъ по вашей командѣ, милая Аврора?

— Аврора никѣмъ не командуетъ.

— Я готовъ... готовъ, и я даже радъ, что ты это исколотала, Аврора.

— Еще бы не радоваться! Это единственный способъ дать всему успокоиться. Ты послѣ возвратишься домой съ успокоеннымъ сердцемъ.

— Да, но только это вѣдь я возвращусь не ближе какъ черезъ два года, Аврора.

— Да, это будетъ *всего* черезъ два года; но если сильно надъ собою наблюдать и хорошо себя школить, то и этого времени довольно, чтобы передѣлать въ себѣ, что не годится.

— Это все одинъ я долженъ въ себѣ все передѣлывать?

— Конечно, ты; но вовсе не все, а только то, что мѣшаетъ твоему семейному благополучію.

— А два года изъ жизни вонъ?

— Почему «вонъ»? Что употреблено на исправленіе себя, то не потеряно. Дѣло не въ *долгой* жизни, а въ *достойной* жизни.

— А другіе въ это время ничего не будутъ въ себѣ ни исправлять, ни передѣлывать?

— Имъ нечего передѣлывать. Развѣ постараться сдѣлать себя хуже.

Аврора захохотала и шуточно добавила: Можетъ - быть ты думаешь, что это и стоило бы для тебя сдѣлать?

— Я думаю не это, а я думаю, что я всныльчивый и дурно воспитанный человѣкъ, но что и тѣ, кто привелъ меня въ состояніе безумнаго гнѣва, тоже не правы.

— *Naïn!*—перебила Аврора.

— Вы поступали со мною непростительно дурно.

— *Naïn!*

— Вы поступили зло, упрямо, узко...

— *Naïn!*

— И, наконецъ, безчестно!..

— *Naïn!*

— Вы отравили мое спокойствіе, вы лишили меня возможности откровенныхъ отношеній съ моими родными, сдѣлали всѣхъ дѣтей лютеранами, когда они должны были быть русскими.

— *Naïn!*

Очевидно, — ей теперь хоть колъ на головѣ теши — она все будетъ твердить свое «*naïn*».

Я приложилъ глазъ къ одной изъ рѣзныхъ продушинъ сунцальной стѣны, чтобы посмотреть на ея лицо. Я хотѣлъ видѣть: какое оно теперь имѣетъ выраженіе—и оно меня неприятно поразило. Это лицо ясно говорило, что Аврора не желаетъ знать никакихъ доводовъ, и что къ справедливости или къ разуму въ разговорѣ съ нею теперь звать напрасно. Она видѣла только то, что хотѣла видѣть, и шла къ тому, чего хотѣла достигать. Все это можно бы принять за тупость, но такому заключенію противорѣчили быстрый и умный взглядъ ея изящныхъ сѣрыхъ глазъ и чертовски твердое выраженіе подбородка.

Пронзая свое «*naïn*», она точно что-то отгрызала и, откусивъ, даже не смыкала губъ, а оставляла ихъ открытыми, чтобы опять еще и еще разъ что-то перекусить и бросить. Ея бѣлые, правильные зубы были оскалены какъ у разсерженнаго звѣрка.

Она говорила стоя, повернувшись къ собесѣднику спиною,

и судорожно копала и расшвыривала землю палкою своего сѣраго кружевного зонтика съ коричневой лентой.

Морякъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ; но когда Аврора на всѣ его доводы отвѣтила «найнъ», онъ порывисто всталъ и сказалъ:

— Ну, хорошо. Довольно. Я не буду съ тобою болѣе спорить. Я тебя даже очень благодарю. Твое жестокое упрямство послужить мнѣ въ пользу... Когда я буду отъ васъ далеко... и одинъ... и когда мнѣ станетъ о васъ скучно... я вспомню тебя вотъ такую, какой вижу теперь... и мнѣ будетъ легче.

— Nain!

— Какъ это «найнъ»?.. Я тебѣ сказалъ: мнѣ будетъ легче.

— Nain!

— Почему «найнъ»?

Аврора полуоборотилась къ нему и, топнувъ ногою, произнесла придыханіемъ:

— Потому, что ты меня будешь всиоминать не такую!

Офицеръ улыбнулся и, тихо вставъ съ мѣста, взялъ и поцѣловалъ руку Авроры.

— Ты права,—проговорилъ онъ, поцѣловалъ ту же руку вторично и добавилъ:—но знай, Аврора, что ты сегодня самая противная, самая упрямая пѣмка.

— О, я думаю!—отвѣчала, такъ же улыбаясь и пожавъ плечами Аврора.—Вѣдь это только мы, упрямая пѣмка, и имѣемъ дурную привычку докльывать до конца свое дѣло. Не-пѣмка надѣлала бы совѣтъ другое,—у нея тутъ были бы и слезы, и угрозы, и sacrifice или примиреніе ни на чемъ, до перваго новаго случая ни изъ-за чего. Да, я пѣмка, мой милый Johann!.. я упрямая пѣмка.

— И очень красивая, чортъ возьми, пѣмка!

— Да, да, да! «Чортъ кого-нибудь возьми» — я и довольно красивая пѣмка.

Онъ опять взялъ ея руку и проговорилъ:

— Но уступи же мнѣ хоть что-нибудь.

— Ничего!

— Ну, такъ и я же поставлю на своемъ: я буду звать ваннего Гунтера—Никиткой.

— Что-о?!

— Вот этого третьяго мальчишку я буду звать Никиткой.

Аврора громко разсмѣялась.

— Можешь, можешь... Это будетъ очень забавно!

А въ это время изъ-за частогола показался баронъ Андрей Васильевичъ и ласково заговорилъ:

— Что это могло такъ разсмѣшить паню милую крошку, Аврору?

Аврора показала пальцемъ на офицера и проговорила:

— Онъ будетъ называть своего третьяго сына Никиткой!

— И прекрасно!—воскликнулъ баронъ.—А ты, Аврора, въ самомъ дѣлѣ остаешься здѣсь, съ нами, съ кузницей и съ тантой?

— Да, Onkel, я буду жить съ Tante и съ Линой.

— И пробудешь все время, пока онъ возвратится?

— Да, Onkel.

— Милое дити! А ты сама... Думаешь ли ты когда-нибудь о себѣ?

— Что думать, Onkel!—это вредно.

— Ты развѣ до сихъ поръ никого особенно не любишь?

— Ай-ай! къ чему вамъ знать это, Onkel?

— Прости. Я думалъ, вѣдь и тебѣ пора. Года идутъ.

— О, не беспокойтесь, Onkel! Моя пора любить уже настала, и я съ нея собираю плоды.

— Ага! Что же даетъ тебѣ эта любовь?

— Удовольствіе видѣть счастье тѣхъ, кого я люблю, Onkel!

— И этого съ тебя развѣ довольно?

— Этого?.. Этого много, Onkel. Это только стѣить начать,—и потомъ это никогда не окончится!

Старикъ покачалъ головой и сказалъ:

— Да, ты найдешь себѣ роль въ жизни, Аврора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

И она, дѣйствительно, ее нашла.

Со времени описаннаго происшествія минуло пятнадцать лѣтъ. Я заѣхалъ въ Дрезденъ навѣстить поселившееся тамъ дружественное мнѣ русское семейство, и однажды неожиданно встрѣтилъ у нихъ слабенькаго, но благообразнѣйшаго старичка, котораго мнѣ называли барономъ Андреемъ Васильевичемъ. Мы другъ друга наслу узнали и загово-

рили про Ревель, гдѣ видѣлись, и про людей, которыхъ видѣли. Я спросилъ о Сипачевѣ.

— Ну да, да, да!.. Какъ же!.. Онъ здѣсь, былъ здѣсь.. здѣсь.

Андрей Васильевичъ говорилъ такъ же ласково и мягко, или даже еще мягче, и теперь онъ даже одѣтъ былъ во все самое мякенькое.

— «Былъ»,—а гдѣ же онъ теперь?

— Онъ умеръ, но умеръ здѣсь. Вѣдь здѣсь его семейство и здѣсь его похоронили. Перстъ Божій! Аврора ему поставила очень хорошій памятникъ на большомъ кладбищѣ. Вы можете видѣть. У нихъ реестръ. Спросите: «гдѣ контръ-адмиралъ Сипачевъ», сейчасъ укажутъ.

— А онъ уже былъ контръ-адмиралъ?

— Какъ же! Какъ же!.. Разумѣется, чинъ дали къ отставкѣ. Прекрасно сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе и прекрасно кончилъ весь кругъ своей жизни. Аврора получаетъ пенсію и много пишетъ сама на фарфорѣ. «W» и «R» внутри буквы «А»—это ея монограмма. Ей очень хорошо платятъ, но у нея вѣдь не мало дѣтей. Старшая дочь уже помогаетъ Аврорѣ.

— Позвольте, говорю,—я не все понимаю: сколько помню, имя его жены—Лина.

— Ахъ, вы еще про ту старину! Лина давно умерла, и мать ея, баронесса, сестра моя, тоже умерла. А когда Лина умирала, она взяла мужа за руку и сказала:—«Ты не плачь, я не боюсь умереть, я боюсь только за тебя и дѣтей. А чтобы я не боялась отойти къ Богу съ покойной душой, дай мнѣ слово непремѣнно жениться на Аврорѣ». И онъ, чтобы не огорчать кроткую Лину, далъ ей это слово. Тогда она позвала Аврору и сказала: «Облегчи мнѣ уходъ мой отсюда: подай ему руку и сохрани его и моихъ дѣтей».—И Аврора подала ему руку. Все такъ и сдѣлалось, какъ просила Лина. Но вы знаете, тамъ.. у насъ это было нельзя, потому что когда онъ еще не былъ христіаниномъ, онъ былъ два раза женатъ, Лина была его третья жена, и хотя одинъ бракъ его совсѣмъ не былъ бракомъ, но тѣмъ не менѣе ему жениться на Аврорѣ было невозможно. Тогда Аврора сказала:—«пойдемъ отсюда», и они продали все тамъ и пришли сюда, и купили все здѣсь. Ихъ благословилъ пасторъ, у нихъ милецкій домъ, садъ

и мастерекая, и печь для фарфора. Перевели сюда его пенсію, и послѣ того, когда Аврора стала его женою, у нихъ было три дочери, и всѣ одна другой лучше. Они прожили въ счастіи одиннадцать лѣтъ. Миръ стало скучно, и Аврора миѣ написала: «Onkel, пріѣзжай и ты», и я у нихъ жилъ и живу. Теперь я и совсѣмъ остался здѣсь, при нихъ, потому что одинъ я только мужчина. Надо всегда быть готовымъ въ помощь другъ другу, и переть Божій миѣ такъ указаль.

— А гдѣ же его сыновья? Вѣдь имъ, я думаю, надо отбывать воинскую повинность въ Россіи?

Баронъ покривился и сказалъ:

— Нѣтъ, имъ, я думаю, это не надо. Они вѣдь совсѣмъ... Все ихнее генерь здѣсь... И мать, — эта Tante Aurora. Она вѣдь ихъ воспитала и очень ихъ любитъ, и они ее любятъ, а Аврора Россію не любитъ.

— Да за что она ее такъ — не любитъ?

Адмираль пожалъ недоумѣнно плечами и молвилъ:

— Навѣрно не знаю, но думаю такъ, что... Аврора вѣдь очень опредѣленная... и она боится всего неопредѣленнаго. Мать... и дѣтей любитъ, а тамъ выходитъ все... что-то не-предѣленное.

Иванъ Никитичъ погребенъ въ Дрезденѣ не на рускомъ кладбищѣ; онъ, какъ бычокъ, окончательно отмахнулъ головою и отъ Москвы, и отъ Калуги, и кончилъ свой курсъ иѣмцемъ.

РАКУШАНСКІЙ МЕЛАМЕДЪ.

РАЗСКАЗЪ НА БИВУАКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было для насъ неудачливо: мы отступили, но, къ счастью, непріятель насъ болѣе не тревожилъ и давалъ намъ время отдохнуть и оправиться. Мы расположились бивуакомъ въ безопасномъ ущельѣ, раздѣлись самыми маленькими сторожевыми отрядами. Нашимъ отрядомъ командовалъ маіоръ Никаноръ Ивановичъ Плескуновъ, очень добрый, спокойный и мужественный офицеръ и изрядный оригиналь, изъ вымирающей породы Лермонтовскихъ Максимъ Максимовичей. Онъ считалъ за собой одно немаловажное, по его мнѣнію, преимущество, что съ тѣхъ поръ какъ произведенъ въ офицеры, все время служилъ «въ сѣрыхъ войскахъ». Такъ онъ называлъ таможенную стражу, по которой числился, состоя начальникомъ небольшой команды на одномъ изъ весьма извѣстныхъ контрабандныхъ пунктовъ на австрійской границѣ. Война съ турками его разсердила, и онъ бросилъ свой «сѣрый постъ», и перевелся въ дѣйствующую армію.

Маіоръ Плескуновъ былъ не старъ и не молодъ, не высокъ ростомъ, коренастъ и немножко мужиковать въ манерахъ и въ движеніяхъ, но былъ, какъ я сказалъ, прямая душа, добрая, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на вещи оригиналь. Онъ былъ беззавѣтно храбръ, хотя по наружности казался изряднымъ рохлей: не горячился, не вскидывался, не подымался на дыбы, но не робѣлъ и не

падать духомъ, а всегда и вездѣ разсуждать и дѣйствовать съ настоящимъ твердымъ мужествомъ и съ «прохладкой». Похвалыбы онъ терять не могъ и считать ее и недостойною военного человека, и вредною.

— Это,—говорилъ онъ,—дѣло купеческое; наври, чтобы было можно изъ чего уступить, а потомъ и спускай. А наше дѣло солдатское, тутъ что Богъ дастъ.

Понятно, что, держась такого правила, онъ не имѣлъ въ своемъ обычаѣ ни малѣйшей тѣни самохвальства и задора. Рѣчей онъ никакихъ не говорилъ, ни обширныхъ, ни краткихъ, кромѣ общаго внушенія:

— Дѣлай свое дѣло, не стой на мѣстѣ, когда шлють впередъ, и не хвались впередъ, чья будетъ горка, а работай.

Горка—это была его поговорка, то-есть чья возьметъ, чей верхъ будетъ.

Солдаты Плескунова любили и называли его «настоящимъ командиромъ».

— Форсу, говоришь, — не задасть, а воетъ какъ надо и судить умно: дѣлай, говоритъ, какъ надо, а горку кому Богъ дастъ, на то Его воля, а не твоё распоряженіе.

Хороши Плескуновъ былъ и съ офицерами, и съ нами, юнкерами, которыхъ у него въ батальонѣ было не мало. Между нашими офицерами вѣдлись люди довольно различнаго каибра: были у насъ и настоящіе армейцы, были и «привилегиранты». прибытіе къ Бакианамъ изъ дальней сѣверной столицы. Никаноръ Ивановичъ не дѣлалъ между ними никакого различія и держалъ себя со всѣми съ нами на самой короткой, товарищеской ногѣ, хотя, впрочемъ, очевидно, въ дѣлѣ оказывалъ большіе довѣрія настоящимъ армейцамъ и политиковалъ, говоря, что «у привилегирантовъ мундиръ дорого стоятъ, ихъ надо пожалѣть». Но, поступая такимъ образомъ, онъ все-таки не любилъ, чтобы армейцы задрали привилегирантовъ или какъ-нибудь надъ ними подсмѣивались.

О храбрости Плескунова и о его преданности дѣлу, за которое онъ пришелъ сражаться, покняувъ свою таможенную стражу, не могло быть и рѣчи; первая достаточно доказывалась многочисленными рубцами, которыми все лицо Никанора Ивановича было изборождено отъ контрабандистовъ, съ которыми онъ велъ тридцатилѣтнюю войну, безъ

однаго дня перемирія. А что онъ считалъ войну за славу близкою своему сердцу, въ этомъ убѣждало то, что онъ оставилъ для нея свою старуху, о которой ничего не говорилъ, кромѣ какъ то, что «она набожна», но которую, очевидно, любилъ очень сильно.

Ни главнаго, ни ближайшаго своего начальства Плескуновъ никогда не критиковалъ и терпѣть не могъ слышать что-нибудь подобное отъ другихъ.

Что тебѣ до него за дѣло?—говорилъ онъ, стараясь всегда остановить критика.—Хорошо намъ съ тобою разсуждать, какъ у насъ ума мало, а они, можетъ-быть, больше знаютъ и путаются. Ты, что ли, въ отвѣтъ за него пойдешь? Свой носъ, смотри, въ чистотѣ сохрани.

Плескуновъ имѣлъ нерасположеніе къ «политиканамъ», въ числѣ которыхъ считалъ всѣхъ интересующихся газетными толками и дѣлающихъ по этимъ толкамъ какія бы то ни было предположенія о высшихъ соображеніяхъ и общей судьбѣ событій. Газеты же просто ненавидѣлъ, — и всѣ равно безъ различія, какого бы онѣ ни были направленія, о чемъ, впрочемъ, онъ едва ли и имѣлъ надлежащее понятіе. Онъ былъ о газетахъ того мнѣнія, какое одно изъ Грибоѣдовскихъ лицъ высказывало о календаряхъ: «Всѣ врутъ календари».

— Врутъ-съ,—говорилъ Никаноръ Ивановичъ.

Впрочемъ, Никаноръ Ивановичъ и вообще съ печатью не дружилъ, окромѣ какъ съ церковною, въ которой былъ весьма пачитанъ, такъ какъ, по его рассказамъ, они съ женой эти книги всегда другъ другу въ зимніе вечера «гласно» читали. Если же у кого-нибудь въ отрядѣ появлялся листокъ газеты, которую тотъ намѣревался прочесть прочимъ, то Плескуновъ сейчасъ звалъ казака и нарочно громко чѣмъ-нибудь распоряжался. Иной разъ, не зная что сказать, онъ посылалъ «пошарить», нельзя ли гдѣ-нибудь достать для него бутылку чуфурляръ-лафиту.

Что это за вино имѣло быть, этотъ «чуфурляръ-лафитъ»—мы не могли себѣ представить, и думали, что Плескуновъ его просто намъ на смѣхъ выдумалъ, но Никаноръ Ивановичъ увѣрялъ, что въ Балканахъ непременно есть такое вино, что его отецъ, когда дѣлалъ промедную турецкую кампанію, такъ пилъ чуфурляръ-лафитъ и помнилъ о немъ.

до самой смерти; а потому какъ Пиканору Ивановичу кажется что-нибудь досадительно, онъ сейчасъ и вспомнить.

— Вѣдь не можетъ же быть, чтобы наши тогда его весь выпили; а если выпили, такъ съ тѣхъ поръ новаго надо было память. Ступай, братецъ казакъ, пошарь хорошенько, — непременно долженъ найти.

Казакъ отправлялся «шарить», но обыкновенно всегда шарить безуспѣшно: вина или совѣмъ не было, или же казакъ, шаря, находилъ вино, но только это было не чуфурляръ-лафитъ.

Плескуновъ и этимъ довольствовался: онъ пилъ, что ему добывалъ казакъ, и говорилъ, что чуфурляръ-лафиту надо будетъ въ другомъ мѣстѣ пошарить. Впрочемъ, вся эта возня съ чуфурляръ-лафитомъ поднималась только тогда, когда маіору угрожало слушаніе газетъ.

Всѣ мы знали эту слабость нашего добраго маіора и порою его надпили, а порою ему досаждали: нарочно заводили съ нимъ споръ, доказывали, что въ наше время невозможно такъ вести дѣла, чтобы не читать газетъ, не думать и не соображать по ходу дѣлъ: чья будетъ горка? И въ тотъ разъ, съ котораго начинается мой разсказъ, мы были на этотъ счетъ очень упрямы: горе каждаго изъ насъ брало и досады много накопилось, и ничего-то нутемъ нигдѣ узнать не можемъ, а тутъ еще этотъ чудакъ съ своими рацеями.

— Что тебѣ знать хочется? Себя знай хорошенько! Ума, что ли, очень много набралось, тяготить начало! Ступай за пригорокъ, высушь лобъ. Турокъ сейчасъ лишнее выпустить.

Мы его и принялись донекать и, можетъ-быть, первый разъ за всю кампанію такъ пропекли, что онъ ужъ не одного, а двухъ казакѡвъ послалъ шарить, какъ мы въ ту пору думали, нигдѣ не существующаго чуфурляръ-лафита, а самъ даже отошелъ отъ насъ въ сторону. Но добрая душа его не умѣла долго сердиться, да вѣрно и онъ не всѣмъ быть доволенъ послѣ несчастливаго дѣла, выбравшись изъ котораго мы и досчитывали и половины своихъ товарищей.

Цельзя было не чувствовать, что намъ жутко и горько, и Плескуновъ, понимая это, сдалъ тону: онъ вернулся къ

нашему кружку, гдѣ жарился болгарскій баранъ, и терпѣливо слушала наши сѣтованія.

Тутъ ему кто-то изъ насъ и молвилъ:

— Что же, Никаноръ Иванычъ, и теперь еще не станете ли ругаться, что смѣемъ считать себя несчастливymi?

Онъ вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ; что же ругаться: мы съ женой у Исаи пророка читали, что «усталый и голодный на Самого Бога рошцетъ», стало ужъ этому такъ надо быть. Поругайтесь, поругайтесь. можетъ-быть вамъ отъ этого полегчаетъ; а какъ отлежитесь, да поѣдите, такъ можетъ и сдобритесь.

Но мы и на это не сдавались.

— Поѣсть, говоримъ, — мы поѣдимъ, а все при своемъ останемся. что не хорошо идетъ.

— Не хорошо-то, отвѣчаетъ,— не хорошо, и говорить нечего, а все еще повременимъ: чья будетъ горка?

— Да нечего, говоримъ.— и временить, когда уже видно: на чьей сторонѣ горка, если все такъ будетъ.

— Ну, я еще этого не вижу, да и удивляюсь, въ чемъ вы это видите?

Тутъ наши политиканы и пошли:

— Какъ въ чемъ? говорятъ: — а во что вы ставите всѣ эти подыски всей Европы при коварномъ нейтралитетѣ Беконсфильда, вилянъхъ Андраши и...

Словомъ, и пошли, и пошли. Все ему ввѣчили, чего отъ кого ждать, кому не вѣрить и чего бояться. И свели опять къ тому, что нынче-де уже не тѣ времена, когда можно было во всемъ полагаться на силу да на отвагу, а нуженъ умъ и расчетъ, да капиталъ. Что капиталъ—душа движенія, и что гдѣ будетъ больше дальнозоркой сообразительности, тонкаго расчета и капитала, на той сторонѣ будетъ и горка. А у насъ, молъ, и ни того-то, и ни этого-то, да и жида одолѣли: и въ Лондонѣ жидъ, и въ Вѣнѣ жиды, страсть что жидовъ, и у насъ они въ гору пошли—даже и кормить насъ подрядчикъ, женатый на Беконсфильдовой племянницѣ, да и самые славяне-то, за которыхъ воюемъ, въ рукахъ вѣнскихъ жидовъ. Что же этого безотраднѣе: жидъ страшный человекъ.— онъ все разочтеть, всѣхъ забереть въ свои лапы и всѣхъ опутаетъ.

Никаноръ Иванычъ и разсердился.

— Ну вотъ, говорить, — еще что вздумаете: ужъ и жидъ у васъ сталъ страшный человѣкъ.

— А разумѣется страшный, потому что онъ коварный, а коварство—большая сила: она, какъ зубная боль, сильнаго въ безсиліе приведетъ.

А Пикапоръ Ивановичъ отвѣчаетъ:

— А мы зубную боль заговоримъ.

— Да, да; вотъ это развѣ! Ну, такъ пошлите-ка казака «пошарить», гдѣ такого мастера, найдете?

— А что же, казакъ, разумѣется найдетъ.

— Да; найдетъ онъ ихъ, вотъ все равно какъ вашего чуфурляръ-лафиту.

— А что же: надо вѣру имѣть и ждать, и лафиту достанетъ.

И что же вы думаете. Въ эту самую минуту, какъ нарочно, къ Плескунову ѡбѣжить казакъ и подастъ бутылку, а на бутылкѣ надпись: «чуфурляръ-лафиту». Даже самъ Пикапоръ Ивановичъ смутился и спросилъ:

— Гдѣ ты это снерь, благодѣтель?

А казакъ отвѣчаетъ:

— Никакъ пѣтъ, ваше высокоблагородіе: у маркиганта взялъ.

— Что же онъ прежде-то его не давалъ?

— Давно, говоритъ, съ собою вожу, только подавать не смѣлъ, больно пакостное.

Маіоръ отбилъ горлышко, силеснулъ немного въ сторону, попробовалъ, и говоритъ:

— Хорошо, братецъ, маркигантъ тебѣ правду сказалъ: виннико поганое. и я теперь вспомнилъ, что мой отецъ его пилъ совсѣмъ не въ Турціи, а на Кавказѣ; ну да не въ томъ дѣло; а это, господа, вамъ отвѣтъ: видите,—пошарить, такъ все найдешь. Я политики не читаю и спорить не люблю, но ничего. чѣмъ вы меня пугаете, не боюсь. Спросите: почему? Отвѣчу вамъ: «по Писанію». О Тирѣ сказано, что тамъ не будетъ горка, гдѣ «князья купцы и гдѣ сильные земли барышничаютъ», а сила въ тѣхъ, кои «не видали самоцвѣтныхъ камней и не завистны на золото». Оно такъ и бываетъ, какъ пророкъ говоритъ, и мнѣ теперь приходитъ на память одна исторія про самага, что ни на есть каверзничѣшаго, тонкаго израильскаго политика, который въ своемъ мѣстѣ всѣ пружины въ рукахъ держалъ

и во всемъ собаку съѣлъ, а зашилъ такимъ чуфурляромъ, что и съ ума спятилъ. И я, чтобы не позабыть и чтобы васъ кетати немножко поразвлечь, пока баранъ сжарится, пожалуй, готовъ вамъ это рассказать въ видѣ притчи...

Тутъ всѣ и заговорили:

— Помилуйте, Никаноръ Ивановичъ, да когда же мы не хотимъ васъ слушать? пожалуйста, расскажите.

Никаноръ Ивановичъ и началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старый Схарія, про котораго я вамъ буду рассказывать, былъ, такъ сказать, прирожденный политикъ, ученый-пре-ученый и притомъ святой, которому, казалось, все было открыто и само небо съ нимъ перешептывалось. По занятіямъ онъ былъ меламедъ, держалъ школу, гдѣ юные сыны Израиля получали высшее направленіе на весь проснектъ жизни. Жилъ Схарія отъ меня всего въ полуверстѣ, въ торговомъ мѣстечкѣ, по тотъ бокъ австрійской границы; а славенъ былъ по обѣ ея стороны.

Схарія былъ человѣкъ старый и для своихъ мѣстъ очень богатый. Состояніе онъ нажилъ своею обширною ученостью, святостью и плутовствомъ. Если бы вы знали еврея какъ слѣдуетъ, то не удивились бы, что всѣ эти три вѣщи въ немъ не только совершенно совмѣстимы, но даже одна другую требуютъ, а не исключаютъ. Сколько именно было лѣтъ этому патріарху, я съ точностью опредѣлить не берусь, потому что, когда я, тридцать лѣтъ тому назадъ, поступилъ на таможеню, Схарія уже былъ меламедъ, обучившій рядъ поколѣній, и тогда уже былъ почти такъ же старъ и ходилъ съ такою же сѣдою бородой, съ какою ходитъ и нынче. Только нынче онъ слыветъ безумцемъ и служитъ попоше-ніемъ и посмѣшищемъ для безумцевъ, а до того анекдотическаго случая, который его такимъ сдѣлалъ, онъ былъ у всѣхъ въ почетѣ, въ ласкѣ; онъ первенствовалъ на моленіяхъ, предсѣдалъ на ирршествахъ и вездѣ имѣлъ рѣшающій голосъ. Какъ несовершеннѣйшій знатокъ закона и наилучшій его истолкователь, что бывало онъ скажетъ, то такъ и дѣлается. Нынѣ же жизнь его пригодна только развѣ па то, чтобы показать основательность словъ Псалмопѣвца: «не хочетъ Господь смерти грѣшника». Но пѣкогда было совсемъ иное: ученая слава Схарии была такъ велика, что

говорили, будто ей завидовали даже самъ караниъ Фирковичъ. Святость Схарія равнялась его учености, но славилась еще болѣе первой. Разумѣется, это была та каверзная праведность и та убивающая духъ ученость, которыми огорчался нашъ Спаситель и за которыя возглаголаъ: «горе вамъ, горе и горе».

Схарія знать все, чрезъ что можно прослыть праведнымъ между евреями, и съ этой стороны былъ для многихъ, и въ томъ числѣ и для меня грѣшнаго, необыкновенно интересно. Онъ жилъ весь по правиламъ, «почивалъ на законѣ»: каждый часъ дня и ночи, каждый его шагъ и движеніе,— все это шло такъ, чтобы могло возвѣщать его пренедобность. Кто знаетъ, что значить соблюсти всю еврейскую обрядовую праведность, тотъ знаетъ, какъ это трудно. А же, весь свой вѣкъ проведи съ евреями, могу вамъ это показать, хотя, разумѣется, только отчасти.

Наблюдая наказъ рабби Еліазара, Схарія просыпался до разсвѣта, но какъ бы ему ни хотѣлось встать, онъ не вставалъ и даже знака не подавалъ, что онъ проснулся, и такъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока его не побудитъ жена. Это такъ должна сдѣлать каждая воспитанная въ законѣ еврейка. И зато въ ту самую секунду, какъ жена его будила, онъ сразу же вскакивалъ и на весь домъ кричалъ: «Благословенъ Богъ, одарившій ибѣтуха разумомъ, что онъ различаетъ день отъ ночи», а потомъ читалъ вслухъ: «Возстану рано». Все это дѣлалось такъ энергично, что всѣ въ домѣ проклинали «возставшаго рано», но непременно и сами поднимались. Схарія никогда не надѣвалъ рубашки сидя или стоя, а исправлялъ все это непременно лежа подъ одеяломъ, чтобы сатана, подсматривающій за каждымъ евреемъ, не увидалъ бы его чудснаго тѣла и не вздумалъ бы самъ смастерить что-нибудь, если не совершенно такое, то, по крайней мѣрѣ, хоть подходящее къ еврею. Схарія никогда не позабывалъ спуститься съ кровати непременно правою ногой. Умываясь, онъ аккуратно обливалъ каждую руку по три раза и вытиралъ лицо такъ сухо, чтобы не испарилась память.

Пергаментъ съ написанными на немъ словами изъ книги Моисея былъ у него обмотанъ волосами изъ телячьяго хвоста и снабженъ прикрѣпленнымъ къ нему репейникомъ, который долженъ былъ колоть Схарію, если онъ задумаетъ

какъ-нибудь нарушить какую-нибудь изъ десяти заповѣдей. Кололъ ли его этотъ рещейникъ или лѣтъ, этого не знаю; но поколотъ, кажется, было за что. Свитки на дверяхъ дома этого законника были самые полномѣрные; ихъ всѣ должны были издали видѣть и понимать, что на домъ Схаріи спускаться безпрестанное благословеніе, какъ на браду Ааронову и на ометы его ризъ.

Никто никогда не видалъ, чтобъ у Схаріи хранилище висѣло на ремешкѣ или оставалось не спрятаннымъ въ три коробочка, если въ той комнатѣ спала женщина; хранилище онъ надѣвалъ на себя, какъ только можно было отличать бѣлый цвѣтъ отъ голубого и носить до темноты. Въ школу Схарія не шелъ, а бѣжалъ, чтобы Богъ видѣлъ, что онъ «духомъ гонимъ». Его талосъ или мантия была изъ бѣлой шерсти, выпряденной еврейкой, и притомъ съ извѣстными приговорами. Молился онъ много и долго, оборотясь непременно на югъ, откуда идетъ мудрость, а съ нею, разумѣется, и всѣ благополучія. Люди алчные и глухие молятся на сѣверъ, откуда приходитъ богатство, но Схарія, какъ Соломонъ, зналъ, что все дѣло въ премудрости. Онъ молился, всегда тщательно выравнивая ноги въ первой позиціи, и качался, и трясся не падая колѣнъ, чтобы ангелы видѣли, какъ сильно колеблетъ его страхъ предъ Воздѣсущимъ. Моленья свои онъ сначала выкрикивалъ по-еврейски, а потомъ посылалъ особыя молитвы по-сирски и по-халдейски, чтобы ангелы, не понимающіе этихъ языковъ, не позавидовали тому, чего онъ проситъ у грядущаго Мессіи. Еще болѣе тонкая осторожность нужна была противъ діавола, чтобы этотъ хитрецъ не провѣдалъ о прошеніяхъ Схаріи и не повредилъ ему: но это было предумотрѣно: діаволь никогда не могъ узнать, чего проситъ Схарія, потому что діаволь тоже по-сирски и по-халдейски не знаетъ, а обучиться этимъ языкамъ не можетъ, потому что учиться у человѣка ему не позволяеть его пустая «свиньячья» гордость.

Если Схаріи случалось плюнуть во время молитвы, то онъ дѣлалъ это невѣжество не иначе, какъ въ лѣвую сторону, чтобы не оплевать толпой на него любовавшихся съ правой его руки ангеловъ. Каждый день онъ возсылалъ сто благодареній, и такъ на виду у людей и ангеловъ пребывалъ въ моленьи почти весь день. Отдыхъ его начинался

только съ той поры, когда наступающія сумерки возвѣщали, что Егова уже далъ ангеламъ приказъ затворить двери и окна неба. Съ этихъ поръ, раз мѣется, оттуда на землю уже ничего не было видно и потому чиниться было нечего, да и продолжать самое моленіе не было никакого расчета.

Но большая ученость Схаріи обнаруживалась не въ одномъ только богомоленіи,—нѣтъ, она также была видна во всѣхъ его житейскихъ поступкахъ: онъ развелся съ нѣсколькими женами по одному подозрѣнію, что онѣ происходятъ не отъ Евы, а отъ первой жены Адама, стропивой Лалисъ, и, подобно своей матери, склоны заниматься не однимъ тѣмъ, чтобъ угождать мужу. Самъ же онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо никакой сторонней женщины, хотя бы даже это была недостойная вниманія христіанка. Всѣ были увѣрены, что онъ ни разу не видалъ лица къ ряду десять лѣтъ служившей у него молчаливой и тупой хохлуши Оксаны, о которой я прошу помнить, потому что ей въ моей повѣсти будетъ своя роль.

Любя во всемъ ортодоксальный порядокъ, Схарія самъ подавалъ въ немъ первый примѣръ повиновенія «Закоу»: онъ ломалъ хлѣбъ не прежде, какъ расгопыривъ надъ нимъ всѣ свои десять пальцевъ, чтобы всѣ видящіе это вспоминали о десяти «Божіихъ приказаніяхъ». Заботясь о правдивности и о душѣ, онъ не забывалъ и гигиѣну, для чего всегда завтракалъ рано, чтобы въ желчь его по пустому проходу не успѣли вскочить съ голодомъ тридцать шесть болѣзней, а обѣдая—послѣнно отдѣлялъ Оксая кусокъ отъ всякаго кушанья, имѣющаго вкусный запахъ, способный возбудить въ человѣкѣ аппетитъ. Дѣлалось это не изъ состраданія къ нетерпѣливости Оксаны, а для того, чтобы она отъ жадности не затряслась, какъ Исавъ, и не опрокинула другого блюда. Всѣ знали, что Схарія во всю свою жизнь никогда еще не уронилъ на полъ ни одной крошки хлѣба, и строгій ангель Набель, приставленный смотрѣть за этимъ, ни разу не могъ сдѣлать на него въ этомъ смыслѣ доноса по начальству. Къ ангеламъ Схарія наблюдалъ большую осторожность и никогда не клалъ ножа лезвеемъ вверхъ. Даже этого докучнаго наблюдателя, Набеля—онъ и того берегъ, чтобы онъ, вертись у стола, какъ-нибудь не обрѣзался.

Схарія не уметвовалъ о томъ «чи все добре на свѣті—чи не все дюже добре». Боже сохрани! Онъ благословилъ Бога за все, что понималъ и чего не понималъ, потому что все устроено премудростію, даже тупая Оксана и вообще всѣ прочіе дураки, такъ какъ они, по увѣренію рабби Геноха, созданы для увеселенія умныхъ, а въ числѣ такихъ умныхъ былъ, конечно, нантъ мудрый и ученый Схарія, котораго всѣ давно признали въ этомъ чинѣ. И его дѣйствительно увеселяла сильная и глупая наймычка Оксана, когда она позволяла колотить себя не только женѣ Схаріи, золотушной Хавѣ, но и всѣмъ крошечнымъ ребятамъ Схаріина отрожденія. По огромной силѣ своей, съ которою эта Оксана молча и безъ отдыха ворочала въ домѣ всѣ тяжкія работы, она могла бы смахнуть и Схарію, и Хаву такъ, что ничего бы отъ нихъ не осталось, а она все сносила безропотно и много содѣйствовала тому, что Схарія могъ благоугождать Богу, благословляя Его, что Онъ создалъ такую невѣжественную дуру для удовольствія всѣхъ домашнихъ такого ученаго праведника, какъ онъ, Схарія. Опытомъ убѣжденный, какъ хорошо жить по «Закону», онъ даже спалъ по «Закону»; для этого онъ всегда ложился на лѣвый бокъ, на которомъ лежалъ Исаакъ, когда Авраамъ хотѣлъ заколоть его въ жертву Богу, и такъ Схарія почивалъ всегда, какъ готовая жертва. А чтобы еще болѣе угодобляться Исааку, онъ всегда спалъ нагой, безъ рубашки, и на кровати, обращенной цепремѣнно головами къ югу, а ногами къ сѣверу.

При такомъ радѣніи о житіи по «Закону», сѣмя Схаріи множилось и обѣщало ему славу въ потомствѣ. Отъ нѣсколькихъ браковъ у него были въ живыхъ и женатыя сыновья, и замужнія дочери, и маленькія дѣти, а еще не мало ихъ было и на мѣстномъ кладбищѣ. Схарія любилъ дѣтей, даже и тѣхъ, которыя были зарыты въ землю. Благочестивый отецъ и о нихъ заботился; онъ каждый годъ нанималъ нѣсколько человекъ, чтобы тѣ за нихъ постились, и платилъ за это каждому говѣльщику, по крайней мѣрѣ, по двадцати гульденовъ въ недѣлю; а въ день разоренія Храма онъ самъ собственноручно клалъ на могилы дѣтей соль и муку и кричалъ имъ въ землю, чтобы они за то хорошенько о немъ молились и выкликали ему столько новыхъ дѣтей изъ предѣловъ небытія,

сколько онъ прокормить можетъ. Словомъ, жизнь Схаріи была образцовая и пренотенная: какъ настоящій мѣстечковій патріархъ, онъ давалъ рѣшающій совѣтъ во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и, должно сказать правду, достоинство его совѣтовъ стояло чрезвычайно высоко и каждому приносило несомнѣнную пользу, а это дѣлало Схарію необходимымъ человѣкомъ, которому всякій охотно уступалъ долю въ гешефтахъ.

Такимъ образомъ праведность была основаніемъ прочнаго благосостоянія Схаріи, а благосостояніе опять давало ему средство еще болѣе увеличивать свою праведность. Онъ былъ уже такъ прославленъ, что чтець синагоги, обходя собраніе съ предложеніемъ купить право развернуть и носить книгу закона, хотя и выкликалъ: «Кто хочетъ купить Геліу? Кто хочетъ купить Ецъ-Хаюмъ? Кто хочетъ купить Хахбо? Кто дастъ болѣе?» но въ существѣ чтець исполнялъ это только для формы. На самомъ же дѣлѣ онъ зналъ, что священныя права никто другой откупить не можетъ, кромѣ Схаріи, потому что никто за нихъ болѣе его предложить не въ состояніи. А потому только одинъ Схарія всегда носилъ свитокъ закона и держалъ «древо жизни», а его ближайшіе родственники имѣли привилегію, ходя за нимъ, прикасаться къ этой свитыгѣ, въ то время какъ ихъ ученый родоначальникъ, принявъ изъ рукъ кантора свитокъ, обносилъ его посреди умлеченной толпы. Ему канторъ давалъ серебрянымъ грифелемъ знакъ, когда вскричать: «возвеличьте Господа!» На его зовъ весь народъ привыкъ отвѣчать: «Благословенъ Господь Богъ нашъ, избравшій насъ предъ всеми иными народами», и надъ нимъ всегда произносилось благословеніе: «со всемъ его домомъ, гдѣ соблюдены все заповѣди и гдѣ всякое задуманное предпріятіе должно быть благоуспѣшно». Поэтому все самыя ловкія контрабандныя предпріятія задумывались въ благословенномъ домѣ Схаріи въ тѣ сумеречныя часы, когда замиралось небо, и у него же хоронились ихъ концы.

Вотъ какой былъ Схарія поистинѣ важный изъ важныхъ человѣкъ. Смѣстить его съ его высокаго положенія, казалось, никто не могъ: все знали, что какъ ни подними цѣну послѣдняго урока «Закона» въ день Куцей, Схарія все-таки откупить этотъ урокъ и опять на цѣлый годъ останется «женнхомъ Закона». Ну, вотъ и посудите, какъ можно

было одолѣть такого тонкаго и дальновиднаго человѣка, и какой для этого былъ мужень борець? А пришелъ часъ Схарин и разбило всю его механику громомъ, да не изъ тучи, а изъ навозной кучи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По моей дозорной, таможеннои обязанности я, разумѣется, зналъ всѣхъ окрестныхъ евреевъ по обѣ стороны своей границы,—какъ нашихъ русскихъ подданныхъ, такъ и австріяковъ. Это нашему брату, таможенному, необходимо, потому что насъ всѣ стараются обмануть, особенно евреи. Это первые наши непріатели, и мы должны знать, сколько какая шельма изъ нихъ въ этомъ искусна. Свидѣнія эти у насъ, пограничныхъ жителей, собираются очень просто, такъ какъ граница для насъ, вѣдь, совсѣмъ не то, что она для васъ и для всѣхъ другихъ людей, которые ее видятъ разъ, либо два въ жизни. Вы когда переѣзжаете границу, будто изъ одного міра въ другой переходите; а для насъ это просто дѣло сосѣдское. Мы смотримъ на границу безъ впечатлѣній, а знаемъ только, что и у нихъ, и у насъ есть молодцы, которые нашего брата надувать хотятъ, и зато никому не вѣримъ. Пограничная жизнь этимъ очень скверная: она тому способствуетъ, чтобы не вѣрить человѣку. И мы хотя съ ними по виду и ведемъ дружбу, а все ему пальца въ ротъ не положимъ. Я даже удивлялся этому и нарочно себя пробовать: къ теицѣ съ женой повидаться въ воронежскую губернію ѣздилъ—и ничего: тамъ всѣмъ вѣрю. Ипой хоть и знаю, что плутъ, а вѣрю ему, и по дорогѣ ѣду—все вѣрю; а какъ къ себѣ на границу приѣду—сейчасъ и отрѣзал: никому не вѣрю. Дриво удивительно. Такъ тоже и съ этимъ съ праведнымъ Схаріей я былъ весьма знакомъ, и о пророкахъ любилъ съ нимъ толковать, потому что у меня жена больная до Иисаія охотница, но все бывало, знаетъ, говоришь про Давидовы седмины, а самъ думаешь, а когда же я тебя, пріятель, въ ровъ посажу! Потому что я зналъ, какъ этотъ праведникъ по всѣмъ швамъ плутней спитъ, и мнѣ очень хотѣлось его сцанать. Разумѣется, я его лично въ числѣ контрабандистовъ не замѣчалъ; но намъ было хорошо извѣстно, что въ благочестивомъ домѣ этого «жениха Закона» затѣ-

важнѣе самыя дерзкія противъ насъ предпріятія, и я большую охоту имѣлъ наказать его.

Надо вамъ знать, что у одного изъ зятьевъ Схарін, по имени Нахмана, на той сторонѣ, въ Австріи, было что-то въ родѣ трактира, или кофейни, а, вѣрнѣе сказать, просто игорный пріютъ, въ которомъ страсть какъ любили рѣзаться и австрійскіе, и наши таможенники. Чуть имъ свободное время, уже они и тамъ.

Это такъ шло у насъ много лѣтъ, и зять Схарін наживалъ съ своего вертепа добрые гроши. Изъ которыхъ передала частица и Схарін. Съ разваломъ нашей послѣдней польской рухавки и сборомъ нашихъ войскъ на границу гешефты Нахмана въ его игрецкомъ притонѣ достигли неожиданнаго успѣха; и австрійскіе, и наши офицеры, стоявшіе по границѣ, скучали отъ бездѣйствія, и все шныряли къ Нахману. Да оно и простиительно: взаправду, вѣдь, очень скучно!

Нашъ братъ стражничекъ, который и въ мирное, и въ военное время всегда воюетъ, онъ отъ всякой веселости отвыкъ — мы какъ одинъ разъ насунимся, такъ и живемъ насунясь. Все удовольствіе наше развѣ въ картинки перекинуть, или въ церковь сходить помолиться. На бѣду въ церкви у насъ дьяконъ изъ хохловъ былъ, очень томительно: голосъ имѣлъ козелковатый и пронзосилъ, гдѣ не надо, мягко, а гдѣ не надо, грубо. Очень неприятно. Затѣвкій же человекъ съ городскими привычками, разумеется, могъ ли нашимъ простымъ житьемъ довольствоваться? А самое большее веселье, какое въ нашемъ мѣстѣ можно было получать, было за границей въ этомъ заведеніи у Нахмана. Наши чиновники давно еще когда-то хотѣли было Австрію пересечь, чтобъ у себя что-то гораздо лучше завести, да ничего не вышло; сначала столоначальникъ въ казенной палатѣ долго не разрѣшалъ, а потомъ все товарищи перессорились, и съ тѣхъ поръ уже ничего не затѣвали, а ходили на австрійскую сторону, потому что тамъ какъ-то живѣе и развязнѣе. Ничего особеннаго, а какъ только на ихъ сторону перевалишь, такъ сразу въ мысляхъ другое ощущеніе и фантазіи больше: издали слышите, какъ то кегли катаютъ, то жидки тамъ на платформѣ сидятъ, разныя пьески наигрываютъ, — и ведурно, каналы, парѣзываютъ. Тутъ сейчасъ и ресторанъ, и кафе, или эти

арфисточки, а у насъ только развѣ и услышишь какъ кто-нибудь съ досады крѣпкимъ словомъ обругается. Всего четверть версты черезъ лоцинку и перекаатишь,—но люди живутъ иначе—хоть не важно, а приѣзжаютъ. Разумѣется, гдѣ веселѣе, туда и маиить.

Какъ понаѣхали къ намъ по случаю польскихъ дѣлъ военные, такъ и началось у нихъ болтанье на ту сторону въ Нахмановъ трактиръ. Конечно, бродяжничать такъ за границу дѣло незаконное, но дѣлалось все это будто подъ секретомъ, а къ тому же: кому до этого и надобность, если съ той стороны не претендуютъ? А австріаки же насчетъ вѣрности хотя народъ самый сомнительный, но очень обходительны со всякимъ; жалуй къ нимъ сколько хочешь, они компанію дѣлать любятъ. Такъ, бывало, наши офицеры спимутъ здѣсь съ себя сабельки и идутъ на австрійскую половину и рѣжутся тамъ съ австріаками къ трактирѣ, кто на бильярдѣ, кто въ кегли, а иные и въ карты. Картежная игра длилась, бывало, иногда по цѣлымъ суткамъ. Все это шло семейно,—особенно какъ австріакъ въ это время по случаю мятежа съ нами заодно дѣйствовалъ, и сближеніе нашихъ офицеровъ съ австріацкими, по всей вѣроятности, было даже желательно.

Теперь же нужно вамъ знать, что у австріаковъ, на ихъ сторонѣ, былъ одинъ комиссаръ изъ поляковъ, самый невѣроятный картежникъ. Такойъ былъ страстный игрокъ, что я всегда удивлялся: какъ ему могли довѣрять казенныя деньги и имущество. Но онъ, шельма, такой корень у себя имѣлъ, что казеннаго не трогалъ, а уже зато свое только и зналъ, что изъ рукъ въ руки перенускалъ. Пынче его горка,—онъ на парѣ лошадей взадъ и впередъ катаетъ и тогда добръ, всѣхъ угощаетъ, а завтра горка другому досталась,—комиссаръ самъ у другихъ кушать просить. Не игралъ онъ только тогда, когда было или совѣзмъ некогда, или совѣзмъ не на что, или совѣзмъ не съ кѣмъ. И когда это случалось, потому что противъ его пренцою неутомимости никто не могъ выдержать, то ходитъ онъ, бывало, какъ въ воду опущенный и отъ скуки все въ рукахъ карты тасуетъ. Я въ призоры очесъ, но правдѣ сказать, не вѣрю, но говорили о немъ, что онъ будто такимъ манеромъ испорченъ, и вдругъ на этого-то испорченнаго наскочилъ съ нашей стороны человекъ, должно-быть, уже совѣзмъ пере-

порченный: касаться отъ насъ комиссару такой комбинаціи, что даже еще превосходить его и въ постоянствѣ страсти, и въ неутомимости. Былъ это нашъ армейскаго полку маіоръ Аонасьевъ, который и поддалъ поводъ къ Схаринной погибели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Армейскіе маіоры, какъ извѣстно, большею частію бываютъ меланхолики, все думать любить. Живеть человѣкъ въ молодыхъ чинахъ, все фантазировать, а схватить маіорство и задумается. Можетъ это оттого, что имъ въ этомъ чинѣ предѣлъ положенъ, его же не преидеши. Оттого они мрачны и не веселы. И маіоръ Аонасьевъ тоже былъ не веселаго нрава и словно «отыгрывался» отъ какого-то червя, который неустанно глодавъ его душу.

И австрійскій комиссаръ, и нашъ маіоръ духомъ другъ друга почували и чуть только ихъ свели, какъ ужъ ихъ и водой разлить стало невозможно. Дѣль боевыхъ на ту пору не было, а въ междучасіе отрядомъ маіора у насъ, по всеобщему россійскому обыкновенію, правилъ его помощникъ, а онъ, бывало, только на нѣкоторый часъ домой появится, и если горка на его сторонѣ, то поблеститъ своимъ выгрышемъ и опять улизнетъ за границу въ Нахмановъ игорный домъ, и тамъ и рѣзутся, пока или тотъ или другой оберутъ другъ друга до-чиста и, осоловѣвъ, выходить отдохнуть, какъ мученики послѣ истязанія. До чего они доигрывались, про это и разсказывать нельзя: деньги ихъ въ цѣломъ составѣ всей наличности безпрестанно переходили отъ одного къ другому, но все это не такъ замѣтно, потому деньги вещь миниатюрная, а главный курсъъ проеходилъ съ громоздкими движимостями, передвиженія которыхъ скрыть невозможно. У комиссара, напримѣръ, былъ фортепіанчикъ,—хорошенькій и большой фортепіанъ, настоящей рояль, на которомъ онъ не умѣлъ играть и никогда не игралъ, а имѣлъ его Богъ знаетъ по какому-то особому случаю,—вѣроятно за самую дешевую цѣну съ аукціона досталъ, да была еще охотничья собака, легавая; а маіоръ прѣвхалъ къ намъ въ мѣстечко въ польской брнчкѣ на своей парѣ лошадей. Богъ эти фортепіанъ и брнчка и балачепровали: какъ денежная наличность у игроковъ кончится, они сейчасъ и начинаютъ двигать эту свою движи-

мость. И мы уже и счетъ потеряли, сколько разъ эти фортепиано и бричка съ конями переходили у нихъ изъ рукъ въ руки. Переходила пѣсколько разъ и собака, но ей скоро наскучило мѣнять хозяевъ, и она сначала обонхъ ихъ кусала, а потомъ, когда они оба ее за это выноролли, она ихъ обонхъ бросила и сбѣжала.

Разумѣется, звѣрь умный, съ такими пустыми людьми жить не захотѣла. Ну, а остальное все шло своимъ порядкомъ: то нашъ маіоръ поѣдетъ въ бричку, а возвращается съ палочкой, то онъ идетъ, а за нимъ танцать фортепиано, и стоятъ они у него, при его квартирѣ подъ сараемъ, и только намъ докучаютъ, потому что ключъ отъ нихъ въ этихъ переѣздахъ потерялся, и какъ они стояли разиня ротъ, то по нимъ все, бывало, жиденята пальцами тискаютъ. Играть на нихъ у насъ никто не умѣлъ, кромѣ какъ одинъ нашъ таможенный дьяконъ. да и тотъ только хвалился, что будто умѣеть, а на самомъ дѣлѣ всей его игры было, что могъ однимъ пальцемъ подбирать «аллилуію», да Царю Небесный. Тюкаеть съ утра до ночи и подиѣвается. Бывало страшно надоѣтъ этимъ, а попросить его лучше что-нибудь свѣтское, такъ онъ еще хуже затянетъ:

Скука прелубэзна
Серцю приполезна.

Совсѣмъ тоску наведеть, и мы всегда очень радовались, когда нашъ маіоръ проигрывался и фортепиано опять въ Австрію увозили. И шла такая азартная игра безъ отдыха и безъ перерыва, съ постояннымъ переходомъ однихъ и тѣхъ же фондовъ изъ кармана въ карманъ, а въ чистыхъ отъ нея прибыткахъ были один Нахманъ да Схарія.

Но какъ и комиссаръ, и маіоръ оба были люди служащіе и ни одному изъ нихъ нельзя было не держаться на чеку по своимъ обязанностямъ, то надо было устроить для этого благонадежную почту. Дѣло было не совсѣмъ удобное,—однако устроили: если комиссаръ на нашей сторонѣ, а дома въ немъ надобность, — къ намъ бѣжитъ за нимъ кургузый цесарецъ въ куртѣ, а наши за своимъ игрокомъ казака Өомку посылали. Казакъ Өомка былъ мужикъ здоровый, краснощекій, находчивый и расторопный, но шельма чиненый. Маіоръ хорошо узналъ его и говорилъ, что онъ человекъ очень надежный и службистъ. Былъ такой случай, что этотъ Өомка Апаньевъ или Канальевъ при разгромѣ

одного опального дома увидать, что простодушные армейские солдатяки присели около суповой чашки, горяченькаго похлевать, онъ сейчасъ это искоренилъ:

— Развѣ, говорить, — это можно? а можетъ-быть это отравленное! — и чтобы споровъ не было, сейчасъ же чашку разбилъ объ уголь, а серебряныя ложки себѣ въ карманъ сириталъ.

— Это, говорить, — огъ грѣха убрать надо, чтобы молодые некрута не баловались.

Словомъ, Оомка былъ человекъ, который обладалъ военнымъ тактомъ.

Воинный тактъ казака Апаньева я особенно рекомендую вашему вниманью, потому что мнѣ придется въ этой исторіи поставить его супротивъ тонкаго, талмудическаго такта ученаго Схарин. Служба нашего Оомки, разумѣется, была гораздо труднѣе службы цесарца, потому что комиссаръ бывалъ у насъ рѣдко, а наши маіоры сидѣли на той сторонѣ постоянно. Потому у австріаковъ по вѣсьмъ должностямъ мало интуговъ, а у насъ на это больше аккуратности и всякому офицеру постоянно надо что-нибудь подписывать. А потому наши землячокъ Апаньевъ безпрестанно и шмыгаль за границу къ маіору, то одно подписать, то другое, — чаще всего съ «рапортичками». И всегда казачокъ въ этихъ поѣздкахъ былъ исправенъ и благополученъ: только надало кой-кому въ примѣту, что онъ на возвратномъ пути изъ Австріи точно какъ будто выше ростомъ на сѣдлѣ дѣлался: иногда, бывало, точно каланча движется. Ну, а придетъ домой, спѣшится, разберется, и опять въ свою мѣру войдетъ. Я его даже разъ или два объ этомъ спрашивалъ. Отвѣчаетъ:

— Никакъ штъ, ваше выскобродіе, — это такъ только показывается.

— Ты, можетъ-быть, говорю, — подбадриваешься этакъ чтобы молодцоватѣй высматривать.

— Это точно такъ, отвѣчаетъ, — я хорохорюсь, чтобы чужой народъ на насъ дивовался, и подъ нашу державу желалъ, а впрочемъ... ни Боже мой!

Казакъ былъ смѣтливый, зналъ, на что я намекалъ, ну и увѣрялъ меня крѣпко.

— Вотъ крестъ, говорить, — на себя кладу, что ѣзжу честно.

— То-то, моль, ты помни, что это земля чужая и что пань государь теперь съ ихъ незаремь въ дружбѣ,—такъ и мы этою дружбой должны дорожить, а не то чтобы какую худую славу на себя класть.

— Помилуйте, утверждаетъ,—ничто мы деревенскіе мужики, что этого не понимаемъ, или не можемъ политику чувствовать.

И знаете, пожалуй, по-своему онъ это и чувствовалъ, но только, тѣмъ не менѣе, въ его владѣніи скоро стали обнаруживаться разные странные запасы, происхожденіе которыхъ онъ объяснять не совѣмъ вѣроятно; но вѣдь что же, кто не пойманъ, тотъ не воръ,—это вездѣ такое правило,—особенно на боевомъ положеніи. Но вотъ доходитъ до меня слухъ, что на той сторонѣ бабы-хохлушки обижаются, будто Оомка-политикъ, проѣзжая по лугу, гдѣ стадо паслось, соскочилъ и сталъ корову въ киверъ донть; а пока на него дивовалися, онъ взялъ да и другую выдонлъ.

И его этотъ грѣхъ покрыть и обѣщался даже маіору не рассказывать, если признается. Оомка признался.

— Точно такъ говоритъ,—виновать, ошибся: я думалъ, что съ нашей стороны корова; въ грудяхъ очень тяжело чувствовалъ.—Знахарка, вѣдьма, научила: молочкомъ, сказала, смягчить. Послушалъ ее, лукавый и понуталъ, коровкой ошибся.

— Ну, смотри же, говорю,—чтобы больше тебя не шутало.

— Вотъ вамъ Христось, отвѣчаетъ, — я этой знахарки не стану теперь слушать, и киверка больше не буду одѣвать, въ фуражкѣ стану ѣздить.

— И прекрасно, говорю, — оно даже такъ и лучше будетъ: то вѣдь не наша земля, ѣзди-ка въ фуражкѣ. Незачѣмъ тамъ киверомъ махать и соблазну не будетъ.

— Убѣдительно благодарю, говоритъ,—ваше высокоблагородіе, радъ стараться.

И и оставилъ. Что же, казакъ вѣдь не красная дѣвушка, — его много-то никогда не сконфузишь и не передѣлаешь; у него природа такая, что онъ не рохла, не ротозѣй, любитъ, чтобы мимо его ни птица не пролетала, ни звѣрь не прорыскивалъ, и ничто не убранное не валялось. Вотъ эта-то казацкая споровка и была причиной одного казусаго столкновенія нашего Оомки Анальева съ казусистомъ Схаріей.

Случай попутал нашего казака на той сторонѣ рыжею козой, которая принадлежала какой-то еврейкѣ. Была эта коза непокорна изъ досыю — брыкалась, а казакъ ѣдетъ и увидѣлъ черезъ заборъ, что коза отбрыкнула и опрокинула мѣдную доенку, а молодая еврейка заплакала. Онъ и скалостился, остановилъ коня и говоритъ:

— Постой, постой, еврейчка, — не скучай, и гляди, только тыгтыгъ не сказывай, а я тебѣ эту козу выучу.

И съ этимъ прыгнулъ черезъ заборъ, свистнулъ брыкливую козу пагайкой, такъ что та и голосъ дать позабыла, и тутъ же подпихнулъ ее куда-то всю подъ сѣдло, такъ что развѣ только ножки да рожки наружу оставались, а хвостъ захватилъ и доенку, съѣлъ и повхалъ.

Еврейка только послѣ его отъѣзда догадалась кричать; обжалнесь сосѣди, бросились въ погоню и нагнали Ананьева, потому что онъ по своей политикѣ ѣхалъ не снѣжна, тихонечко, да и доенку-то, разбойникъ, наружи держать.

Нагнали его евреи и кричать:

— Ты зачѣмъ это взял? — а сами за доенку хватаются.

— А что, развѣ это ваше?

— Разумѣется, наше.

— А ваше, братцы, такъ свое берите; мнѣ Богъ съ вами съ вашимъ добромъ; мнѣ чужого не нужно.

И онъ возвратилъ великодушно доенку, а самъ ускакалъ, прежде чѣмъ о козѣ успѣли ему слово сказать.

Впоследствии онъ объяснилъ, будто потому не воротилъ козу, что ея у него не спрашивали.

— А я, говоритъ, — но ея виду думалъ, что она дикая, а не свѣтская, и приколотъ ее дома, потому что мнѣ шкурка на потничокъ подъ сѣдло надобилась.

Такъ эта коза и пропала, но зато съ той поры пошли большіе разговоры. Пронажъ оказывалось много и у евреевъ, и у крестьянъ. Хохлы-крестьяне, впрочемъ, что за люди, — ихъ можно и не очень слушать, а вотъ еврей, это другое дѣло; они какъ загадятъ, такъ ихъ надо скоро усюконтъ. А какъ усюконтъ?

Чтобы не ѣздить туда большіе Ананьевы? Такъ; но маіоръ говорилъ, что у него нѣтъ такого другого расторопнаго чловѣка: не будетъ ѣзды Ананьеву, — не будетъ маіору покоя играть по цѣлымъ днямъ въ карты; не будетъ игры — не будетъ самаго лучшаго геншефта Нахману, будетъ боль-

шой убытокъ и ему, и Схарин. Какъ тутъ быть, какъ вывернуться? Нельзя же дать пропастъ хорошему гешефту!

А на что это есть на свѣтѣ ученый Схарія: онъ долженъ найти средства, какъ сдѣлать, чтобъ и овцы были цѣлы, и волки сыты!

И вотъ явился къ Схарин и Пахманъ, и его поставщики и говорятъ:

— Ты, Схарія, самый умный, думай и скажи намъ, какъ это сдѣлать.

Схарія почесалъ себѣ затылокъ, много разъ помотавъ предъ носомъ пальцами, и сталъ думать. Думалъ онъ, думалъ и объявилъ, что «будетъ еще думать», ушелъ въ завітную хороминку, часа три и слуху оттуда не подавалъ, а потомъ выслалъ къ публикѣ жену объявить, чтобы или сбѣдать, потому что онъ будетъ еще очень долго думать. Тѣ сходили домой, пообедали и опять вернулись, а Схарія еще думалъ. И наконецъ уже въ сумерки, когда уже ни у кого болѣе и терпѣнія не оставалось ждать изреченія Схарин, Хава выглянула въ окно и дала рукой знакъ, чтобы все было тихо. Все и затихло, а тогда она сообщила имъ шопотомъ и подъ большимъ секретомъ, что Схарія такъ сильно задумался, что ничего не слышитъ. Она ему уже и кричала, и пантофлю съ него сняла, но онъ ничего не слышитъ.

Призадумались евреи и разошлись.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во всякомъ дѣлѣ, господа, не исключая и нашего тенерешняго боевого поля, если откуда ждуть извѣстій, а ихъ долго нѣтъ, это не хорошо. Хотя хуже извѣстiе, да подальшее въ-время и съ искренностью, все лучше, — истема хуже смерти. Такъ и тутъ, когда Схарія позамѣнкался извѣсть глаголь, это не хорошо повѣзло.

Зачѣмъ онъ медлитъ? *Не заколодило ли ему?*

А Схарин, дѣйствительно, заколодило и притомъ по всѣмъ правиламъ, съ чѣмъ-то таинственнымъ, съ какою-то кабалой.

И не смѣю допытываться, кто изъ васъ вѣрующій, кто невѣрующій. Разумѣется, я говорю про вѣру въ тѣ вещи, которыя еще мудрецамъ не снились, а если и снились, то не объяснились. Смѣйтесь надо мною, если вамъ угодно, а человекъ малообразованный и обижаться не стану, ну а

только по-моему этакія вещи не только существуютъ, а вотъ одна изъ нихъ — это сны. Что вы мнѣ ни говорите, а я снами вѣрю и не перестану вѣрить, и основаніе къ тому имѣю.

Схарія, вѣроятно, прозябъ и усталъ, а потому какъ съѣлъ обдумывать, что сдѣлать съ казакомъ, чтобы онъ непрежнему ѣздилъ по цыкого не трогалъ, такъ и самъ не замѣтилъ какъ заснулъ. Но что онъ за тяжкія претерпѣвалъ при этомъ мученія. Видитъ онъ предъ собою книгу Закона и уже быстро разогнулъ ее и хочетъ читать завитное мѣсто у Даніила, какъ вдругъ откуда ни возмнись кто-то рыжій закрылъ книгу рукой и говорить: «Я ее запечатлѣваю». Сказать такое слово благочестивому еврею, это дѣло ужасное. Послѣ этого онъ не можетъ молиться до тѣхъ поръ, пока признаетъ себя нарушившимъ заповѣдь противъ блужданія и выпросить себѣ у него прощенія. Схарія остолбенѣлъ отъ такой наглости! Кто могъ быть этотъ дерзкій, который удралъ ему такую штуку? Никто иной, какъ Коганъ Шліома, которому давно хочется быть святѣ Схаріи и перекупить у него Геліу. Схарія видитъ его дерзкую руку, обернулся, но Шліома уже исчезъ. Схарія въ синагогѣ; поднялъ книгу Закона вверхъ обѣими руками, такъ высоко, чтобы все ее видѣли, и, прохаживаясь съ нею при общемъ одобреніи, громко выкрикаетъ: «Вотъ законъ, который Моисей далъ дѣтямъ Израилевымъ!» но вдругъ ко всеобщему ужасу занатался и уронилъ книгу Закона на полъ, — это второй знакъ почти уже неотвратимаго несчастія.

Не обошлось и безъ третьяго. Схарія дома; собралъ на школьный дворъ множество мальчишекъ, далъ каждому изъ нихъ по грому и по деревянной пикѣ и заставилъ ихъ какъ можно громче кричать и махать пиками, чтобы прогнать дьявола, явно строящаго ему каверзы. А самъ вошелъ въ комнату, горя желаніемъ узнать: хорошаго или худого долженъ онъ, послѣ такого крайняго употребленнаго имъ средства, ожидать себѣ въ будущемъ, и стать съ этою цѣлью разсматривать надъ свѣчой свои руки. Но у нихъ пропала тѣнь! Испуганный Схарія бросилъ свѣчу и поспѣшно выбѣжалъ вагой на крыльцо, чтобы при лупѣ вернуть себѣ тѣнь отъ Авели, но луна вдругъ вся потемнѣла и какъ будто упала съ неба.

Хуже этого ничего не можетъ быть на свѣтѣ, такъ какъ

самые знаменитые раввины въ одно говорятъ, что исчезнове-
вѣніе тѣни знаменуетъ неизбѣжную погибель, и это вѣрно,
потому что основано на Моисеевомъ словѣ «и тѣни своей
не узрите».

Столь быстро, кажется, никто не надалъ въ своихъ соб-
ственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего общества, какъ на-
далъ Схарія. Осталось послѣднее средство: до зари непо-
вѣдываль Схарія свои грѣхи, стоя не на землѣ, но кото-
рой ползаль райскій змѣй, а въ тазу съ водой, и потомъ
взялъ бѣлаго ибтуха, а Хавѣ далъ насѣдку, и оба они
долго вертели этихъ птицъ около своей головы. Ибтухъ и
курица громко кричали, а Схарія выкрикаль:

— Пусть этотъ ибтухъ будетъ жертвой за мой грѣхъ:
пусть онъ заслужитъ мнѣ хорошую награду! Пусть какъ
машеть этотъ ибтухъ крыльями, такъ машутъ крыльями и
перелетаютъ вокругъ меня съ мѣста на мѣсто ангелы.
Пусть улетаютъ злые и садятся вокругъ моей головы на
ихъ мѣсто добрые! И пусть этотъ ибтухъ умретъ за меня
на этотъ годъ, а я буду жить, и Хава будетъ жива и бу-
детъ меня слушать съ одного раза и будетъ у насъ съ
нею всякую недѣлю гуть-шабашъ...

И онъ протянулъ руку и дернулъ Хаву за руку, велѣль
ей сварить и ибтуха, и насѣдку; внутренности жертвен-
ныхъ птицъ завязаль въ узелокъ и положить на крышу
дома, чтобы вороны унесли ихъ съ глазъ. Такъ Схаріей
было сдѣлано все, что можно было сдѣлать для отвращенія
грозной судьбы, и онъ слышалъ уже, какъ, прежде чѣмъ
началась вечерняя молитва, два раввина разомъ въ одинъ
голосъ начали восклицать ему публичное прощеніе. Но въ
это самое время досадительная Хава разбудила мужа.

Небесный сводъ уже алѣлъ; занималась заря, свѣжая
мартовская заря, предъ днемъ Пурима, торжественнаго
празднества въ память побѣды Мардохея надъ Аманомъ.
Это день, когда каждому благочестивому еврею не только
разрѣшается, но даже вмѣняется въ обязанность пить до
тѣхъ поръ, пока онъ будетъ не въ состояніи отличить
Амана отъ Мардохея.

Это не только день радости, но и день чудесъ, когда
еврею сходить съ рукъ все, что бы онъ ни сдѣлаль. Пи-
сано, что когда два знаменитыхъ раввина, Рабба и Сиро,
сошлись въ этотъ день, чтобы вмѣстѣ унитъся до песно-

способности различить Амана отъ Мардохея, то раввинъ Рабба принять за Амана раввина Сиро и убить его, и уложить подъ лавку, но и это нимало раввину Сиро не повредило, потому что когда раввинъ Рабба о немъ помолился, то Сиро сию же минуту ожилъ и такъ шибко уѣжалъ изъ-подъ лавки, что Рабба не могъ его догнать и даже совсѣмъ его не видѣлъ.

Въ этотъ день еврей безопасенъ отъ всѣхъ бѣдъ, а потому Схарія не боялся даже своего вѣснаго сна, который до зари пугалъ его цѣлымъ рядомъ послѣдовательно развивающихся злыхъ предзнаменований.

Схарія всталъ бодро, мастерски выпотрошилъ рыбу, которую долженъ былъ самъ приготовить, и пошелъ въ синагогу, гдѣ долженъ былъ объявить, какъ поступить съ казакомъ, чтобы онъ ѣздилъ, но никого не тревожилъ.

Отвѣтъ этотъ, по своей простотѣ и краткости, отдавалъ чѣмъ-то библейскимъ; онъ весь состоялъ въ томъ, что пусть казакъ ѣздитъ, но пусть онъ оставляетъ лошадь гдѣ-нибудь со вѣзда и ходитъ черезъ мѣстечко пѣшкомъ; а главное, чтобы онъ не смѣлъ ни къ кому обращаться ни съ какимъ словомъ. Тогда ему нельзя будетъ никому грозить, никого пугать, и ничего онъ не уложитъ себѣ подъ сѣдло; а между тѣмъ комиссаръ съ майоромъ будутъ играть, и дѣла въ трактирѣ Нахмапа не останутся, и всѣмъ будутъ идти добрые геншефты.

Планъ былъ очень хорошъ, и его одобрили всѣ евреи, и комиссаръ, и нашъ майоръ, который немедленно же отдалъ въ этомъ смыслѣ точный приказъ Ананьеву и затѣмъ закатилъ самъ на ту сторону отыгрываться.

Кажется, даже самъ Ананьевъ, котораго это всѣхъ прямо касалось, и тотъ былъ этимъ доволенъ, и съ великою клятвой присягалъ майору, что все то исполнитъ.

— Ей-Богу, — сказалъ онъ: — я, ваше благородіе, даже радъ, что такъ уже по крайности съ меня вся напраслина сплется. А мнѣ что съ ними говорить? Богъ съ ними совсѣмъ; нешто мнѣ, кромѣ ихъ, не съ кѣмъ поговорить? Я и на своей сторонѣ поговорю.

Такъ большимъ и тонкимъ дипломатическимъ умомъ Схарія былъ улаженъ, ко всеобщему удовольствію, этотъ казусный вопросъ, и Схарія, прекрасно проведя кануны леселаго праздника, пошелъ держать съ своей Хавой оно-

чивъ, который долженъ былъ дать ему силу и крѣпость потрудиться завтра въ честь побѣдителя Амана и за столомъ, и за молитвой.

Но какъ въ старенькой пѣсенкѣ поется: «что на счастье прочно всякъ надежду кинь», то этою ночью, когда Схарію улегся по всѣмъ правиламъ талмудической науки и спалъ нагиномъ и на лѣвомъ боку, изображая собой Исаака, положеннаго на жертвенникъ, ему опять привидѣлся тотъ же зловѣщій сонъ вчерашней ночи и повторился во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ.

Это Схарію смутило тѣмъ болѣе, что какъ ни точны на всѣ случаи жизни указанія раввиновъ, но такое буквальное повтореніе сна ими, вѣроятно, не было предвидѣно и во всей обширной наукѣ Схаріи не было рецепта, какъ поправить это дѣло, да и не было уже времени его поправлять; зари Пурима восходила, и Хава, соблюдая свой супружескій долгъ, возвѣщала объ этомъ толчкомъ въ бокъ своему супругу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Начался веселый Пуримъ; какъ подобаешь по написанному и по переданному дѣдами, всѣ пришли утромъ въ синагогу, мужчины и женщины, причемъ почти каждый захватилъ съ собою пожичекъ, гвоздь и молотокъ или колотушку. Каждый тотчасъ съ прихода сѣвшилъ нацарапать гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, на стѣнѣ или на чемъ другомъ, имя Амана для того, чтобы потомъ во время чтенія книги Эсэиръ «бить Амана»,—то-есть колотить по его выцаранному имени, пока оно изгладится. Канторъ проиѣлъ громко повѣдь, прочитавъ урокъ изъ книги Закона; Схарія, который старался скрыть свое смущеніе, откупить право обносить посреди синагоги Законъ, и всѣ сыны Израиля цѣловали на рукахъ его священный свитокъ. Послѣ этого чтець зачиталъ книгу Эсэиря, и при первомъ же звукѣ «Аманъ» по синагогѣ раздался оглушительный стукъ молотковъ и колотушекъ, которыми благочестивый народъ усердно изглаживалъ ненавистное ему имя. Схарія, какъ извѣстный законникъ, дѣйствовалъ всѣхъ ретивѣе. Онъ выгравировалъ предъ собою имя Амана крупнѣе и глубже, чѣмъ всѣ другіе, и съ перваго же раза ударилъ по немъ

такъ ожесточенно, что случилось самое ужаснѣйшее изъ ужасныхъ происшествій: большая, надежная колодушка Схарія сломалась въ самой рукояткѣ, и ненавистное имя Амана оставалось во всемъ своемъ очевидномъ значеніи неизглаженнымъ. Рыжій-таки занечаталъ его книгу...

Это былъ скандалъ невѣроятный и примѣта самая скверная; порядокъ моленья нарушился; неизглаженного Схаріей Амана должны были добить другіе, что они и исполнили съ ожесточеніемъ общими силами, но, тѣмъ не менѣе, Схарія былъ странно униженъ и сконфуженъ. Все обалтѣе его сразу пало въ прахъ во мнѣніи мятельнаго народа, который легко бунтовался даже противъ самого Моисея. И Схарія видѣлъ это и не удивлялся; предзнаменованіе было слишкомъ зловѣщее, чтобы строго религіозный человѣкъ не отшатнулся отъ того, надъ кѣмъ такъ видимо тяготѣетъ какое-то ужасное указаніе. Все сказали себѣ, что Схарія вѣрно чѣмъ-нибудь безъ мѣры тяжко согрѣшилъ и что онъ непременно долженъ погибнуть. Все отъ него отшатнулось, и кучки гуляющихъ въ праздничномъ уборѣ удалялись отъ его дома, какъ отъ зачумленного.

Положеніе было неаломское: Господь удалялъ отъ Схарія и друга, и искренняго, и приуготовлялъ его быть въ мерзости себѣ самому и въ поношеніе людямъ.

Если изъ васъ кто-нибудь такъ счастливъ, что уже переходитъ въ жизни полюсу, когда человѣкъ весь видитъ себя въ рукѣ какой-то неодолимой власти, которая его мнетъ и тяготитъ, то вы можете понять это положеніе, а если вы еще сыры и не паучены доброму смыслу и вѣдѣнію, то вы и не поймете, какъ въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ удивительно одурѣваетъ и начинаетъ самъ дѣять на свою гибель. Все это и продѣлалъ надъ собою въ совершенствѣ Схарія.

Мучительное сознаніе отверженія терзало его, но онъ отпиривалъ праздники по установленію и усердно старался привести себя въ такое состояніе, когда благочестивый еврей перестаетъ отличать Амана отъ Мардохея. Дослѣдуя къ этому, Схарія частенько подходилъ къ укрѣпленному въ углу поставцу и поелъ каждаго стаканчика отходить къ окну, растопыривалъ предъ собою обѣ руки и считалъ пальцы; но хмель былъ не размычивъ и число пальцевъ все оставалось одно и то же: на двухъ рукахъ и теперь,

въ Пуримъ, все было десять пальцевъ, какъ будто въ самый простой день.

Съ конхъ поръ Схарія себя помнилъ, съ нимъ этого еще никогда не случалось. Но худо ли было вино въ баклажкѣ, по каждый Пуримъ онъ припасать себѣ одно и то же вино, которое чортъ его знаетъ почему называется «розенвейнъ», хотя состоитъ просто изъ смѣси коньяку и воды. Проще сказать, по-нашему это ополоски, которыми ополаскиваютъ бочки изъ-подъ красныхъ французскихъ винъ, подправляютъ коньякомъ и продаютъ жидамъ, а тѣ пьютъ и дурбѣютъ. Въ былые годы Схарія отъ этого розенвейна видѣлъ у себя на двухъ рукахъ пальцевъ по двадцати, и теперь чѣмъ туже это давалось, тѣмъ онъ сильнѣе этого добивался. Онъ выпивалъ и, выпивая, расхаживалъ по комнатѣ и размышлялъ: за что такъ разгнѣвался на него Всесильный и въ самый Пуримъ отдалъ его въ посмѣяніе певѣждамъ? Если онъ, Схарія, чѣмъ-нибудь и согрѣшилъ болѣе или менѣе тяжко, если онъ даже когда-нибудь, сядешь за столъ, позабылъ вымыть руки, то вѣдь и это можетъ быть изглажено въ такой праздникъ. Но сколько же у него, Схарія, есть зато заслугъ и святыхъ дѣлъ? Не онъ ли, Схарія, всю свою жизнь подстерегалъ всѣ грѣхи христіанъ, выставить ихъ на видъ своимъ старцамъ и дѣтямъ и лучше всѣхъ успокоивалъ ихъ совѣсть въ разрѣшеніи всякихъ присягъ, клятвъ и обѣщаній, данныхъ христіанину? Не онъ ли вредилъ христіанамъ неупустительно всегда и чѣмъ только могъ? Не онъ ли доказывалъ, какъ бѣдна и ничтожна христіанская вѣра, какъ она ничего не даетъ своимъ на землѣ, гдѣ они до сихъ поръ еще не научились, чтобы другъ друга поддерживать, а въ будущемъ даже и не общаются имъ ничего такого, что бы могло согрѣть внутренность? Какъ осязательно онъ умѣлъ представить награды, которыя ждутъ вѣрныхъ евреевъ. Онъ умѣлъ научать всѣхъ вотъ именно въ этотъ веселый праздникъ Пуримъ забывать всѣ притѣвленія и бѣдствія, которыя они несутъ отъ ненавистныхъ христіанъ. Самаго несчастнаго и бѣднаго онъ приводилъ въ расположеніе мечтать теперь о хорошемъ шивѣ, о крѣпкомъ винѣ, о рыбѣ Левиаѳанѣ и о большомъ быкѣ, котораго насутъ ангелы и даютъ ему въ день траву съ тысячи горъ.

Сердце Схарія сохло и внутренность его требовала ро-

женщины: онъ подошелъ къ поставцу и сразу наполнилъ два заповѣдныя сосуда: узкодонный бокалъ, изъ котораго онъ пилъ, когда женился на первой женѣ, бывшей дѣвушкой, и стаканъ, изъ котораго поила его Хава, выходящая за него замужъ вдовой.

— Желы мои, развеселите меня хмелемъ винограда и воспоминаніемъ того, что было, когда мы въ первый разъ пили вмѣстѣ изъ этихъ стакановъ!

Проговоривъ это, Схарія духомъ проглотилъ узкодонный бокалъ и стаканъ и, отойдя къ окну, опять растопырилъ и пересчиталъ всѣ свои пальцы.

Дѣло не двигалось: на рукахъ у Схаріи продолжало оставаться десять пальцевъ. Было очевидно, чтобы выбиться изъ этого глупаго положенія, надо было прибѣгнуть къ послѣднимъ, самымъ дѣйствительнымъ средствамъ и уже ничего не жалѣть.

Схарія такъ и сдѣлалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—пусть это не будетъ такъ! Нѣтъ; если ужъ на то пошло, то я уже ничего не пожалѣю и такъ и быть я обновлю Законъ въ синагогѣ.

У этихъ суевѣровъ «обновить», то-есть пожертвовать въ синагогу новый свитокъ, все равно, что у ироковъ смарить старыя записи. Но это стоить дорого, потому что «обновить» иначе нельзя, какъ чтобы новый свитокъ былъ парадѣе того, который уже находится въ употребленіи.

Но Схарія рѣшилъ «обновить» и притомъ «безъ обмана», и объявилъ это Хавѣ.

— Жена моя, встань и слушай, слушай, что будетъ говорить твой мужъ, потому что я буду давать обѣтъ Богу и безъ всякой хитрости, и что я Ему обѣщаю, ты, Хава, будешь тому свидѣтельница.

— Только не надо обѣщать грошей,—отозвалась Хава.

— Нѣтъ, ты молчи и слушай. Это не твое дѣло: я обѣщаю, Хава, что если надъ нами не будетъ ничего худого и если я и ты, Хава, и всѣ дѣти мои, и весь домъ мой проживемъ этотъ годъ здорово до другого Пурима, то я, Хава, буду дѣлать большія жертвы: я выйшу, Хава, изъ Вильвы самаго лучшаго писаря и прикажу ему списать весь Законъ на телячьемъ пергаментѣ большими, ровными, какъ одна, литерами. И это будутъ, Хава, такія книги, какихъ у насъ еще не было: всѣ онѣ будутъ списаны безъ

одной ошибки и кусокъ пергамена будетъ пришить къ другому куску воловьими жилами изъ быка, котораго я самъ заколю на это. И приколочу я пергаментъ къ краешнимъ палкамъ съ золотыми цвяшками... И это будетъ *мой Законъ*... О-о-о-й, не мѣшай, не мѣшай мнѣ общаться, Хава: я знаю, что ты хочешь говорить, а ты только слушай. Тебѣ, Хава, не надо говорить, потому что я все знаю, и даю обѣтъ Богу за то, чтобы Онъ меня хорошо охранить до другого Нурима... Да; и тебѣ зато со мною хорошо будетъ, Хава. И когда все будетъ готово, Хава, ты приготовишь тогда гугель и перцу съ медомъ и всякихъ приниковъ, только такъ хъ, чтобы отъ нихъ не болѣлъ крѣпко животъ и никто, ихъ поѣвши, не умеръ. Я куплю намоченныхъ яблоковъ и всякихъ хорошихъ плодовъ, и состроимъ балдахинъ... О-о-о-й, не мѣшай, Хава, не мѣшай, мнѣ это надо все громче кричать, чтобы все ангелы слышали, что я общаю! Построимъ балдахинъ съ золотомъ, Хава, и съ серебромъ... да, Хава,— съ настоящимъ яснымъ золотомъ, какъ Соломонъ дѣлалъ, и будетъ балдахинъ на двадцати четырехъ высокихъ крапешныхъ палкахъ, и все будутъ за тѣ палки цѣпляться, а возьмутъ ихъ мои сыны и друзья, и мы одни понесемъ его по серединѣ всей улицы и впереди всехъ войдемъ въ συναгогу, а книги будутъ нести раввины. Каждый раввинъ все будетъ нести всего по пяти шаговъ и перемѣняться,— да... по пяти...

— И за то имъ всемъ надо платить? — рѣшительно перебила Хава.

— Да, Хава, да; всемъ надо будетъ платить,—отвѣчалъ Схарія:—и мы всемъ заплатимъ, Хава. Что же такое: мы заплатимъ, но потомъ Богъ отдастъ намъ всемеро... Ты, вѣрно, забываешь. Хава, что Богъ долженъ отдать намъ все всемеро, и даже больше какъ всемеро.

— Еще отдастъ ли, и когда Онъ отдастъ!

— Хава, развѣ такъ можно говорить? Развѣ я не ученый человекъ, развѣ я не весь Законъ знаю; развѣ это не я тебѣ говорю? И какъ ты можешь мнѣ не вѣрить съ одного слова, когда я могу тебя за это отпустить.

— А если ты умрешь прежде, чѣмъ получишь отъ Бога всемеро, какой тогда будетъ намъ гешефтъ?

— Ага! вотъ ты опять не хорошо говоришь, Хава: право, ты не хорошо говоришь, для чего же я умру: я за то обѣтъ

дѣлаю, чтобы я не умеръ и былъ цѣль до другого Пурима, а ты говоришь, что я умру. Знаешь, я опять теперь боюсь, Хава, что твоя бабушка была не Ева, а глупая Лалисъ, которая докучала Адаму тѣмъ, что все спорила. Смотри, Хава, чтобы я за это не далъ тебѣ разводъ.

Но Хава, относительно еще молодая жена Схарія, которая была маловѣрна и довольно скупа, а къ тому же знала себѣ цѣну, рѣшительно возстала противъ цѣвннхъ обѣтовъ и, указывая на преклонные годы Схарія и на свою относительную молодость и на кучу здѣсь же нимирявшихъ и вялявшихся по перинамъ дѣтей, съ совершенно несвоейственною еврейскъ самостоятельностью, рѣшительно прогостовала противъ такъ торжественно принесеннаго ей мужемъ обѣта.

Схарія, какъ ни былъ преисполненъ самой основательной ученой солидності, не могъ снести этой дерзости: онъ сталъ сердиться, кричать, а наконецъ, видя, что не можетъ побѣдить строптивой жены, сказалъ ей:

— Штиль! я завтра же напишу тебѣ разводное письмо, да непременно! и велю писарю написать его ровными, одна къ одной буквами и безъ всякой ошибки, и ты его возьми и ступай вонъ, и пусть имя твое изгладится въ помѣствѣ.

И Схарія въ гнѣвѣ подошелъ опять къ шкапу и налилъ себѣ розенвейна, а Хава, которая не очень боялась изгладенія своего имени, но очень боялась остаться безъ денегъ, спокойно отвернулась къ окну, но вдругъ произительно вскрикнула:

— Что тамъ?—спросилъ Схарія.

— Казакъ,—прошентала Хава и указала на свои ворота, въ которыхъ Апаньевъ тянулъ за поводъ свою длинноногую поджарую лошадь.

Схарія уронилъ стаканы и, взглянувъ торопливо на свои пальцы, увидалъ, что ихъ ни одного нѣтъ... Да, совсѣмъ ни одного не было, а предъ глазами только какой-то огромный трясуційся паукъ косилъ во всѣ стороны кривыми ногами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Схарія наладилъ свое дѣло! Его обѣтъ уже несомнѣнно принесъ свои плоды: исчезновеніе пальцевъ возвѣщало при-

ближеніе того вѣждѣннаго состоянія, когда онъ не стаетъ отличать Амана отъ Мардохея, а тогда по его молитвѣ будутъ твориться чудеса, какія творились по молитвѣ Рабба, убивнаго и воскресивнаго раввина Сиро. Меламедъ сообразилъ это и быстро поправился: казакъ ему пересталъ быть страшенъ.

— Не смѣй кричать!—сказалъ онъ женѣ:—ты увидишь, что я съ нимъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, ты смотри, что онъ дѣлаетъ,—и Хава указала на Апаньева, который въ это время щелкнулъ нагайкой по боку хозяйскую корову, что меланхолически жевала сѣно у обрѣза, и, отогнавъ ее, поставилъ къ сѣну свою домашнюю влячу.

— Это ничего,—отвѣчалъ Схарія.

— А коровѣ больно: она не дастъ молока, и когда у нея заболитъ печенка, она будетъ тrefь.

— Если у нея заболитъ печенка, мы ее продадимъ христіанамъ и намъ не будетъ никакого убытка.

— А когда онъ придетъ и будетъ просить ѣсть.

— Онъ не можетъ, Хава, просить, онъ ничего съ нами говорить не смѣетъ.

— А когда онъ станетъ пугать?

— Онъ не будетъ пугать!

— Почему не будетъ?

— Молчи: я знаю: онъ съ нами ничего дѣлать не смѣетъ.

— А какъ онъ украдетъ мою серебряную ложку?

— Ты сядь, Хава, на ложку; сядь на нее хорошенько, какъ Рахиль, и онъ ее не украдетъ, а мнѣ скорѣе подай изъ шкапа листъ бумаги и чернила, и смотри и понимай, что умно-преумно буду дѣлать. Теперь смирно: онъ входитъ.

— И онъ съ кѣмъ-то говоритъ, Схарія,—робко прошептала Хава.

— Молчи; пусть съ кѣмъ хочетъ говорить, а съ нами онъ говорить не будетъ. Тутъ я буду говорить; ты замѣчай, Хава, что я буду говорить. Я буду очень умно говорить.

Въ это время сильный толчокъ изъ сѣней отворилъ дверь и на порогѣ показался во весь свой огромный ростъ казакъ Апаньевъ. По дипломатическимъ условіямъ своей поѣздки онъ былъ безо всякаго оружія, но съ нагайкой, увѣренность которой уже неспытала на себѣ Схаріина корова.

Дѣти, видя казака, сначала-было все сразу заплакали,

но когда Хава загребла ихъ кучкой въ уголь и покрыла своею вапною юбкой, они сейчасъ же стихли. Въ покоѣ водворилось мертвое молчаніе.

Казакъ немощко покачивался: онъ, очевидно, былъ пьянъ. Это такъ и слѣдовало. Пуримъ справился не на одной австрійской сторонѣ, а и на нашей, гдѣ благочестивыхъ евреевъ еще болѣе, чѣмъ въ Австріи, и все они не менѣе австрійскихъ крѣпки въ отеческихъ преданіяхъ.

Моментъ былъ тягостный и острый, который, повидимому, ни одна, ни другая сторона не знали какъ прервать; но это длилось не долго, и меламедъ первый далъ починъ къ оживленію сцены.

Схарія, какъ будто не обращая на казака вниманія, взялъ въ руку перо и, глядя на него, заговорилъ по-русски:

— Ой, перо мое, перо! ой, кабы ты могло знать, мое перо, что я съ тобою буду дѣлать? А я съ тобою сейчасъ буду писать все, что здѣсь будетъ говорить чужой человѣкъ, которому ничего по себѣ бока ни съ какимъ цезарскимъ человѣкомъ говорить не велѣно. И какъ, что онъ скажетъ, я все сейчасъ запишу и пошлю то къ комиссару, а комиссаръ отошлетъ московскому маіору, а московскій маіоръ вышетъ тебѣ слова кому надо по-московски на спину, и будетъ тогда отъ этого чужому человѣку совсѣмъ очень прескверно. Теперь слушай, мое перо, и пиши хорошенько.

Проговоривъ это, Схарія обмакнулъ перо, положилъ руку на бумагу и приготовился писать; но писать было нечего. Ананьевъ не обращался ни съ однимъ словомъ ни къ Схаріи, ни къ его Хавѣ, ни къ ихъ дѣтямъ, а, выслушавъ политичную рѣчь меламеда, повелъ противъ него свою политику.

Стоя посреди горницы, казакъ прежде всего выпнулъ изъ шароваръ трубку и началъ ее молча набивать. Потомъ закурилъ трубку собственной свичкой, спряталъ въ шаровары кисетъ и, усѣвшись на скамьѣ за столомъ, вытаскилъ изъ кармана маленькій бѣлый миткалевый платочекъ и осторожно-осторожно началъ его разворачивать.

Казакъ раскрывать свой платокъ, точно въ немъ былъ завернутъ какой-то драгоценный перстень, но, разумеется, ни перстня, ни какой другой драгоценности въ платкѣ не было. Это досконально видѣлъ и Схарія, и его жена, и ихъ дѣти, и баба Оксана. Похоже было, что это какая-то хит-

рость, и эта хитрость начинала всёхъ занимать. Казакъ же продолжалъ свое дѣло необыкновенно серьезно: онъ разбернулъ платочекъ, сравнилъ всё уголки вдвое, вчетверо, потомъ крестъ-на-крестъ и будто рассердился, что не такъ вышло, и опять сталъ его встряхивать и на-ново складывать. Опять долго и много онъ его встряхивалъ, переворачивалъ, смотрѣлъ на свѣтъ и, замѣтивъ гдѣ-то пылинку на столѣ, сдулъ ее и началъ разстилать и разглаживать лапашу на этомъ мѣстѣ свой платокъ, а потомъ, положивъ на него свою нагайку, поласкалъ ее рукой, какъ будто какого любимаго кота, и повелъ съ нею такое слово:

— Ой, нагайка моя, нагайка! Распреумшая ты, моя дружина, казачья кормилица. Много ты мнѣ, государыня, сослужила всякихъ службъ и еще сослужи, чѣмъ я тебѣ буду теперь сказывать. Не сердись, что я строго съ тобой сейчасъ обошелся, что долженъ былъ тебя объ жидовскую корову хлопнуть; въ этомъ ты сама виновата: зачѣмъ службу забываешь; не принасла коню на дворѣ гарчикъ овса и корову раньше не отогнала. Вотъ за то тебѣ и досталось, что ты свою донскую присягу забыла, за это я тебя и впередъ не помилую. Не хочешь бита быть — сама себя оберегай, — неси службу вѣрную: я сейчасъ теперь пойду къ командиру и самую короткою дорогою, шибоко побѣгу, а тебѣ приказываю, чтобы мнѣ здѣсь къ моему приходу, вотъ на самомъ этомъ платочкѣ, стояла цѣлая бутылка водки и тарелка перцу съ жидовскою рыбой, и ты это непременно достань, а если не достанешь, то я тебя схвачу тогда за ухо, да начну обо всёхъ жидовъ хлопать, пока у тебя ухо оторвется. Вотъ тебѣ въ томъ и задатокъ, чтобы знала, какъ тебѣ достанется!

При этомъ онъ взялъ нагайку въ руки и, вставъ съ мѣста, такъ ударилъ ею по скамейкѣ, что та сразу же развалилась надвое, а самъ опять положилъ нагайку на платокъ и вышелъ, не сказавъ хозяевамъ ни одного слова.

Впечатлѣнiе было полное. Казакъ успѣлъ уже обогнуть уголъ дома, а семья достопочтеннаго Схаринъ еще пристально смотрѣла на мастерски разрѣзанную плетью скамью, которая служила прообразованiемъ того, чѣмъ въ самомъ недалекомъ будущемъ должно случиться съ ними самими, если только умъ и ученость Схаринъ не найдутъ средства

отклонить жестокаго наказанія, угрожавнаго несчастной пагайкѣ.

Первая обнаружила признаки этой заботливости Хава: она выпустила изъ-подъ юбки дѣтей и сказала мужу:

— Что ты себѣ думаешь, что онъ говоритъ съ этой пошивкой?

— Я думаю, что онъ совсѣмъ глупый.

— А что изъ этого, что онъ глупый, когда ей отъ этого ничего, а намъ очень больно будетъ.

— Это правда.

— Видишь, что онъ сдѣлать съ нашей скамейкой.

— Онъ ее совсѣмъ испортилъ, Хава.

— Я не хочу, чтобы съ нами такъ было, Схарія.

— Да, лучше я буду думать, чтобы этого не было, — отвѣчалъ онъ.

— Ты станешь думать и опять успеешь.

— Идѣть, Хава, я теперь не усну, теперь нельзя спать, Хава.

— Нельзя спать, надо скорѣе послать Оксану за Шмилемъ и Шліомой, чтобы они шли съ этимъ москаломъ биться.

— Идѣть, Хава, идѣть. Что такое биться? Изъ-за чего биться? И они не придутъ, Хава, биться... Идѣть!.. Я сейчасъ выдумаю; я сейчасъ выдумаю такое, что ты никогда не слыхала, да; я не пошлю Оксану ни за Шмилемъ, ни за Шліомой, потому что они будутъ потомъ на насъ смѣяться, а я пошлю Оксану совсѣмъ въ другое мѣсто. Оксана! что ты стоишь? Ты ходи смѣло, совсѣмъ смѣло ходи. Ты иди въ кладовую и возьми все, что онъ говорилъ, — ты возьми рыбу и ты водку возьми, и ты поставь все это сейчасъ на столѣ. Да, да, да, нечего тебѣ такъ на меня смотрѣть: я умный человекъ, я знаю, что я говорю, потому что я не хочу, чтобы онъ билъ о меня и о моихъ дѣтей свою знагайку. А онъ дуракъ. Если онъ можетъ думать, что эта знагайка можетъ ему водку и рыбу поставить — онъ дуракъ, и Коганъ Шліома дуракъ. Мы поставимъ водку и рыбу, и этотъ казакъ завтра заѣдетъ до Шліома и опять все этакъ сдѣлаетъ, а Шліомъ глупый человекъ, онъ разсердится и не поставитъ всего на столѣ и они оба будутъ одинъ съ другимъ биться и оба друга убьютъ и ихъ за это обоихъ повесятъ на высокомъ

столовъ, и поганая птица съ большими носомъ сидеть па вихъ и будетъ ихъ ѣсть. А мы дадимъ этому дураку водки и рыбы и больше ничего, потому что у меня есть настоящій умъ, который все злое можетъ передѣлать. Пусть онъ думаетъ, что ему все это привнесла сюда его звагайка, и пусть сдѣлаетъ этакъ же завтра съ Шлюмою. Вотъ что и выдумалъ!

И Схарія отъ истерившя самъ помогаль скорѣе выставлять на указанное казакомъ мѣсто бутылку вина и полмисокъ съ рыбой, и былъ очень радъ, что въ эту же самую минуту въ окнѣ мелькнула фигура Ананьева и чрезъ секунду находившій плутъ самъ появился.

Одно, что не было приготовлено Ананьеву, это не поставили ему другой скамейки, но походный человекъ за этимъ не гонится; нантъ же казакъ теперь былъ особенно скоръ и рѣшителенъ: онъ даже вынулъ всего одну рюмку водки, а всю остальную бутылку спустилъ за розенище; а кушанье только попробоваль и замѣтилъ, что жида очень мало рыбы въ перецъ кладуть. А затѣмъ собралъ все въ платокъ и прочелъ казачью молитву:

— Богъ напиталь — чортъ не видаль, а если видѣль — не обидѣль. И тебѣ, пагайка, спасно: хорошо сироворила, за то и не будешь о жидовъ бита; а теперь хочешь здѣсь оставайся, хочешь вели бабѣ, чтобъ она несла тебя за мной съ почестью.

— Песи ее! — шеннулъ грозно Оксанѣ Схарія.

И та понесла пагайку за Ананьевымъ, который, войдя на дворъ, отвязаль отъ обрѣза свою клячу и сталъ подтягивать подруги, но вдругъ слышитъ — баба говорить ему:

— Господа Москалю, а господа Москалю!

Казакъ посмотрѣлъ на нее и отвѣчаетъ:

— Молчи, тетка, мнѣ въ вашемъ царствѣ съ вами говорить нельзя.

— Да мени отъ васъ только одно слово треба.

— Какое одно слово: худсе или доброе?

— Скажите мени, чи вы чего у насъ не вкраты?

— Чтѣ ты, чтѣ ты, дура! Развѣ мы не крещеные?

— Да що съ того, що вы крещены, да крадете, а мени потомъ хезиева бить будутъ.

— Бить будутъ! Вотъ видншь жизнь-то у васъ кака! горькая!

— Отдайте же що вы вкрали?

— Да отвязнись ты от меня, сдѣлай милость, съ такими пустяками. Ты лучше молись Царицѣ Небесной, чтобы мы васъ поскорѣй побѣдили и за себя взяли, тогда тебя жидъ по посмѣетъ бить.

— Да що молиться, я и такъ молюсь, щобъ и вы побидли и щобъ васъ побидыли, а яки не побидатся, тихъ щобы сила Бога побидыла, тылько скажите, що вы у меня вкрали?

Казакъ и разсердился.

— Тыфу ты, дура, говоритъ: — съ тобой и словъ тра-тить нечего!

Вскочилъ на коня и говоритъ:

— Подай мою нагайку.

Но Оксана, что бы вы думали:

— Эге, — говоритъ — нѣтъ, вы мени отдайте що вы вкрали.

Тутъ Оомка Ананьевъ уже совсѣмъ взбѣсился, да къ ней, а она отъ него, да въ сѣни заперлась, а нагайка у нея въ рукахъ осталась. А казакъ туда-сюда, ломиться не смѣетъ — и былъ таковъ — ускакать на свою сторону. И вышла всѣхъ дальновиднѣе баба Оксана, а всѣхъ глупѣе мудрый Схарія, который тутъ только и понять, какъ онъ просто могъ отдѣлаться. Съ этой поры мой Схарія и сталъ у всѣхъ въ посмѣищѣ и доживаетъ вѣкъ въ дуракахъ, ожидая, пока придетъ часъ обмазать ему голову сырымъ яйцомъ и зарыть его въ землю. Вотъ вамъ и «страшный жидъ» съ расчетомъ. Конечно, можетъ-быть это къ другимъ въ примѣръ не идетъ, ну да я вѣдь это такъ разсказалъ, къ тому, что и расчетливый просчитывается. Не взывайте. А теперь спать бы! да если ночью тревога, пожалуйста вставать — не копать.

БѢЛЫЙ ОРЕЛЪ.

(ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

«Собаки едятъ мѣбъ, а рыба — рыбаку».
Теокритъ (Идиллія).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Есть вещи на свѣтѣ. Съ этого обыкновенно у насъ принято начинать подобные рассказы, чтобы прикрыться Шекспиромъ отъ стрѣль остроумія, которому нѣтъ ничего неизвѣстнаго. Я, впрочемъ, все-таки думаю, что «есть вещи» очень странныя и непонятныя, которыя иногда называютъ сверхъестественными, и потому я охотно слушаю такіе рассказы. Поэтому же самому, два-три года тому назадъ, когда мы, умалиясь до дѣтства, начали играть въ духовидство, я охотно присоединился къ одному изъ такихъ кружковъ, уставомъ котораго требовалось, чтобы въ нашихъ собраніяхъ по вечерамъ не произносить ни одного слова ни о властяхъ, ни о началахъ міра земнаго, а говорить единственно о безплотныхъ духахъ — объ ихъ появленіи и участіи въ судьбахъ людей живущихъ. Даже «консервировать и спасать Россію» не дозволялось, потому что и въ этомъ случаѣ многіе, «начиная за здравіе, все сводили за упокой».

На этомъ же основаніи строго преслѣдовалось всякое упоминаніе всеу какихъ бы то ни было «большихъ именъ», кромѣ единственнаго имени Вождя, которое, какъ извѣстно, наипаче употребляется для красоты слога. Бывали, конечно, нарушенія, но и то съ большою осторожностью. Развѣ какіе-нибудь два нетерпѣливѣйшіе изъ политиковъ отобьются

къ окну или къ камню и что-то пошепнуть, но и то одинъ другого предостерегаетъ: «pas si haut!» А хозяйки ихъ уже назирать, и шутя грозить имъ штрафомъ.

Каждый долженъ былъ по очереди рассказывать что-нибудь фантасическое *изъ своей жизни*, а какъ умѣнье рассказывать дается не всякому, то къ рассказамъ съ художественной стороны не придирались. Не требовали также и доказательствъ. Если рассказчикъ говорилъ, что рассказываемое имъ событіе, дѣйствительно, происходило съ нимъ, ему вѣрили, или, по крайней мѣрѣ, притворялись, будто вѣрятъ. Такой былъ этикетъ.

Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. Въ томъ, что «есть вещи, которыя не снились мудрецамъ», я не сомнѣваюсь, но какъ такія вещи кому представляются — это мнѣ чрезвычайно занимало. И въ самомъ дѣлѣ, субъективность тутъ достойна большого вниманія. Какъ, бывало, инъ старается рассказчикъ, чтобы стать въ высшую сферу безплотнаго міра, а все непремѣнно замѣтницъ, какъ замогильный гость приходитъ на землю окрашиваясь, точно свѣтовой лучъ, проходящій черезъ цветное стекло. И тутъ уже не разберешь, что ложь, что истина, а между тѣмъ слѣдить за этимъ интересно, и я хочу рассказать такой случай.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Декурнымъ мученикомъ», т. е. очереднымъ рассказчикомъ было довольно высокопоставленное и притомъ очень оригинальное лицо, Галактіонъ Ильичъ, котораго въ кругу звали «худородный вельможа». Въ кличкѣ этой скрывался каламбуръ: онъ, дѣйствительно, былъ немножко вельможа и притомъ былъ страшно худъ, а вдобавокъ имѣлъ очень незнатное происхожденіе. Отецъ Галактіона Ильича былъ крѣпостнымъ буфетчикомъ въ помещьемъ домѣ; потомъ откупщикомъ и, наконецъ, благотворителемъ и храмоздателемъ, за что получилъ въ сей брешной жизни орденъ, а въ будущей мѣсто въ царствѣ небесномъ. Сына онъ обучалъ въ университетѣ и вывелъ въ люди, по «вѣчная память», которую пѣли ему надъ могилой въ Невской лаврѣ, сохранилась и тяготѣла надъ его наследникомъ. Сынъ «человѣка» достигъ извѣстныхъ степеней и допускался въ

общество, но шутка все-таки волокла за нимъ титуль «худороднаго».

Объ умѣ и способностяхъ Галактіона Ильича едва ли у кого-нибудь были ясныя представленія. Что онъ могъ сдѣлать и чего не могъ,—этого тоже навѣрно никто не зналъ. Кондуть его былъ коротокъ и простъ: онъ въ началѣ службы, по заботамъ отца, попалъ къ графу Виктору Никитичу Панину, который любилъ старика за какія-то извѣстныя ему достоинства и, принявъ сына подъ свое крыло, довольно скоро выдвинулъ его за тотъ предѣлъ, съ котораго начинаются «ходы».

Во всякомъ случаѣ надо думать, что онъ имѣлъ какія-нибудь достоинства, за которыя Викторъ Никитичъ могъ его повышать. Но въ свѣтѣ, въ обществѣ Галактіонъ Ильичъ уснѣха не имѣлъ и вообще не былъ избалованъ насчетъ житейскихъ радостей. Онъ имѣлъ самое плохое, хлипкое здоровье и фатальную паружность. Такой же долгій, какъ его усопшій патронъ, графъ Викторъ Никитичъ, — онъ не имѣлъ, однако, вѣшняго величія графа. Напротивъ, Галактіонъ Ильичъ внушалъ ужасъ, смѣшанный съ нѣкоторымъ отвращеніемъ. Онъ въ одно и то же время былъ тишескій деревенскій лакей и тишескій живой мертвецъ. Длинный, худой его остовъ былъ едва обтянутъ сѣровой кожей, немѣрно высокій лобъ былъ сухъ и желтъ, а на вискахъ отягчала блѣдная трупная зелень, носъ широкій и короткій, какъ у черена; бровей ни признака, всегда полуоткрытый ротъ съ сверкающими длинными зубами, а глаза темные, мутные, совершенно безцвѣтные и въ совершенно черныхъ глубокихъ яминахъ.

Встрѣтить его—значимо пенугаться.

Особенностью наружности Галактіона Ильича было то, что въ молодости онъ былъ гораздо страшнѣе, а къ старости становился лучше, такъ что его можно было переносить безъ ужаса.

Характера онъ былъ мягкаго и имѣлъ доброе, чувствительное и даже, какъ сейчасъ увидимъ, — сентиментальное сердце. Онъ любилъ мечтать и, какъ большинство дурпорожихъ людей, глубоко таилъ свои мечтанія. Въ душѣ онъ былъ поэтъ больше чѣмъ чиновникъ и очень жадно любилъ жизнь, которою никогда во все удовольствіе не пользовался.

Несчастіе свое онъ несъ на себѣ и зналъ, что оно вѣчно

и неотступно съ нимъ до гроба. Въ самомъ его возвышеніи по службѣ для него была глубокая чаша горечи: онъ подвѣривалъ, что графъ Викторъ Никитичъ держалъ его при себѣ докладчикомъ больше всего въ тѣхъ соображеніяхъ, что онъ производилъ на людей подавляющее впечатлѣніе. Галактіонъ Ильичъ видѣлъ, что когда люди, ожидающіе у графа пріема, должны были изложить ему цѣль своего прихода,—у нихъ меркъ взоръ и подгибались колѣна... Этими Галактіонъ Ильичъ много содѣйствовалъ тому, что послѣ него личная бесѣда съ самимъ графомъ каждому была уже легка и оградна.

Съ годами Галактіонъ Ильичъ изъ чиновника докладывающаго сталъ самъ лицомъ, которому докладывають, и ему даво было очень серьезное и щекотливое порученіе въ отдаленной мѣстности, гдѣ съ нимъ и случилось сверхъестественное событіе, о которомъ ниже слѣдуетъ его собственный разсказъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не съ большимъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, началъ хуdorодный сановникъ, до Петербурга стали доходить слухи о многихъ злоупотребленіяхъ власти губернатора П—ва. Злоупотребленія эти были обширны и касались почти всѣхъ частей управленія. Писали, будто губернаторъ собственноручно билъ и сѣкъ людей; забиралъ вмѣстѣ съ предводителемъ для своихъ заводовъ всю мѣстную поставку вина; бралъ произвольныя ссуды изъ приказа; требовалъ къ себѣ для пересмотра всю почтовую корреспонденцію—подходящее отпраивалъ, а неподходящее рвалъ и металъ въ огонь, а потомъ метилъ тѣмъ, кто писалъ; томилъ людей въ неволѣ. А при этомъ онъ былъ, однако, артистъ, содержалъ большой, очень хорошій оркестръ, любилъ классическую музыку и самъ превосходно игралъ на виолончели.

Долго о его безчинствахъ доносились только слухи, но потомъ взялся тамъ одинъ маленькій чиновникъ, который притащился сюда въ Петербургъ, очень обстоятельно и въ подробности описалъ всю эпопею, и подалъ ее самъ въ подлежащія руки.

Исторія выходила такая, что хоть сейчасъ сенаторскую ревизію назначать. По-настоящему оно такъ бы и слѣдо-

вало, но и губернаторъ, и предводитель были па лучшемъ счетѣ у покойнаго государя, а потому взятыя за нихъ было не совѣмъ просто. Викторъ Пикитичъ хотѣлъ прежде обо всемъ удостовѣриться поточнѣе черезъ *своего* чловѣка и выборъ его пать на меня.

Призываетъ онъ меня и говоритъ:

— Такъ и такъ, доходить вотъ такіа и такіа печальныя вѣсти и, къ сожалѣнію, кажется, въ нихъ какъ будто есть статочность; но прежде чѣмъ дать дѣлу какое-нибудь движеніе, я желаю въ этомъ поближе удостовѣриться и рѣшилъ употребить на это васъ.

Я кланяюсь и говорю:

— Если могу, буду очень счастливъ.

— Я увѣренъ, — отвѣчаетъ графъ: — что вы можете, и я на васъ полагаюсь. У васъ есть такой талантъ, что вамъ вздоромъ говорить не стануть, а всю правду выложить.

— Талантъ этотъ, — пояснилъ, тихо улыбувшись, разсказчикъ: — это моя печальная фигура, наводящая уныніе на фронтъ; но кому что дано, тотъ съ тѣмъ и мыкайся.

— Бумаги всѣ для васъ уже готовы, — продолжалъ графъ: — и деньги тоже. Но вы ѣдете *только* по одному нашему вѣдомству... Понимаете *только*!

— Понимаю, говорю.

— Ни до какихъ злоупотребленій по другимъ вѣдомствамъ вамъ какъ будто дѣла нѣтъ. Но это только такъ должно казаться, что *нѣтъ*, а на самомъ дѣлѣ вы должны узнать *все*. Съ вами побѣдутъ два способныхъ къ дѣлу чиновника. Приѣзжайте, засядьте за дѣло и винкайте будто всего внимательнѣе въ канцелярскій порядокъ и формы судопроизводства, а сами смотрите во все... Призывайте мѣстныхъ чиновниковъ для объясненій и... смотрите *по-строже*. А назадъ не торонитесь. Я вамъ дамъ знать, когда вернуться. Какая у васъ послѣдняя награда?

Я отвѣчаю:

— Владиміръ второй степени съ короной.

Графъ снялъ своей огромной рукою его извѣстный тяжелый бронзовыи прессъ-палье «убитую птичку», досталъ изъ-подъ него столовую памятную тетрадь, а правую рукою всѣми пятью пальцами взялъ толстый исполнѣе-карандашъ чернаго дерева и, нимало отъ меня не скрывая, написалъ мою фамилію и противъ нея «*бѣлый орелъ*».

Такимъ образомъ я зналъ даже награду, которая ожидала меня за исполненіе возложеннаго на меня порученія, и съ тѣмъ совершенно спокойній уѣхалъ на другой же день изъ Петербурга.

Со мною былъ мой слуга Егоръ и два чиновника изъ сената—оба люди ловкіе и свѣтскіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доѣхали мы, разумѣется, благополучно; прибывъ въ городъ, наняли квартиру и расположились всѣ: я, мои два чиновника и слуга.

Помѣщеніе было такое удобное, что я вполне могъ отказаться отъ удобнѣйшаго, которое мнѣ предупредительно предлагалъ губернаторъ.

Я, разумѣется, не хотѣлъ быть ему обязанъ ни малѣйшей услугой, хотя мы съ нимъ, конечно, не только размѣнялись визитами, но даже я разъ или два былъ у него на его гайденовскихъ квартетахъ. Но, впрочемъ, я до музыки не большой охотникъ и не знатокъ, да и вообще, понятно, старался не сближаться болѣе, чѣмъ мнѣ нужно, а нужно мнѣ было видѣть не его галантность, а его темныя дѣянія.

Впрочемъ, губернаторъ былъ человекъ умный и ловкій и своимъ вниманіемъ мнѣ не докучалъ. Онъ какъ будто оставилъ меня въ покоѣ возиться съ входящими и исходящими регистрами и протоколами, но тѣмъ не менѣе я все-таки чувствовалъ, что вокругъ меня что-то копошится, что люди выщупываютъ, съ какой бы стороны меня ловить и потомъ, вѣроятно, зашутать.

Къ стыду рода человѣческаго долженъ упомянуть, что не считаю въ этомъ совсѣмъ безучастными даже и прекрасный полъ. Но мнѣ стали являться дамы то съ жалобами, то съ просьбами, но при всемъ этомъ всегда еще съ такими планами, которымъ я могъ только подивиться.

Однако, я вспомнилъ совѣтъ Виктора Пикетича, — «посмотрѣлъ построже», и граціозныя видѣнія слипли съ моего, неподходящаго для нихъ горизонта. Но мои чиновники имѣли въ этомъ родѣ успѣхи. Я это зналъ и не пренебрегивалъ имъ ни волочиться, ни выдавать себя за очень большихъ людей, за какихъ ихъ охотно принимали. Мнѣ было даже полезно, что они тамъ кос-гдѣ вращаются и преусушиваютъ въ сердцахъ. Я требовалъ только, чтобы не

случилось никакого скандала, и чтобы мнѣ было известно: на какіе пункты ихъ общительности сильнѣе налагается провинціальная политика.

Они были ребята добросовѣстные и все мнѣ открывали. Отъ нихъ все хотѣли узнать мою слабость и что я особенно люблю.

Изъ бы истиннѣ этого никогда во добратся, потому что, благодаря Бога, особенныхъ слабостей у меня нѣтъ, да и самые вкусы мои, съ конхъ норъ себя помню, всегда были весьма простые. Ымъ я всю жизнь столь простой, нью обмыкнovenно одну рюмку простого хересу, даже и въ лакомствахъ, до которыхъ смолоду былъ охотникъ, — всякомъ топкимъ жело и анаисамъ предпочитаю астраханскій арбузы, курскую грушу или, по дѣтской привычкѣ, медовый напоиникъ. Не завидовалъ я никогда ничьему богатству, ни знаменитости, ни красотѣ, ни счастью, а если чему завидовалъ, то можно сказать развѣ одному *здоровью*. Но и то слово зависть не идетъ къ опредѣленію моего чувства. Видѣ цвѣтущаго здоровьемъ чловѣка не возбуждалъ во мнѣ досадливой мысли: зачѣмъ онъ таковъ, а я не таковъ. Напротивъ, я глядѣлъ на него только радуйсь, какое море счастья и благи для него доступно, и тутъ, бывало, развѣ ипогда помечтаю на разные лады о невозможномъ для меня счастьи пользоваться здоровьемъ, котораго мнѣ не дано.

Пріятность, которую доставлялъ мнѣ видѣ здороваго чловѣка, развила во мнѣ такую же странность въ эстетическомъ моемъ вкусѣ: я не гонялся ни за Тальони, ни за Бозіо, и вообще былъ равнодушенъ какъ къ оперѣ, такъ и къ балету, гдѣ все такое искусственное, а больше люблю послушать цыганъ на Крестовскомъ. Ихъ этотъ огонь и пылъ, эта ихъ страстная сила движеній мнѣ лучше всего нравились. Иной даже не красивъ, корявый какой-нибудь, а пойдетъ точно самъ сатана его дергаетъ, ногами пляшетъ, руками машетъ, головой вертитъ, талией крутитъ — весь и колотитъ, и молотитъ. А тутъ въ себѣ знаешь только одиѣ немощи, и поневолѣ заглядишься и замечтаешься. Что съ этимъ можно вкусить на пиру жизни?

Вотъ я и сказалъ моему чиповнику:

— Если васъ, другъ мой, будутъ еще разспрашивать: что мнѣ болѣе всего нравится, скажите, что здоровье, что я

Больше всего люблю людей бодрыхъ, счастливыхъ и веселыхъ.

— Кажется, тутъ нѣтъ большой неосторожности? — прѣстановивъ вопросилъ разсказчикъ.

Слушатели подумали, и нѣсколько голосовъ отвѣчали:

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, и прекрасно, и я тоже думалъ, что нѣтъ, а теперь вы извольте дальше слушать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ко мнѣ изъ палаты прислали въ мое распоряженіе на дежурство чиновника. Такъ, онъ докладывалъ мнѣ о приходившихъ, отвѣчалъ кое-что и, въ случаѣ надобности, сообщалъ адреса за кѣмъ надо было послать или о чемъ-нибудь сходить справиться. Чиновникъ данъ былъ подѣстать мнѣ, — пожилой, сухой и печальный. Впечатлѣніе производилъ пехорское, но я мало обращалъ на него вниманія, а звали его, какъ я помню, Орнатскій. Фамилія прекрасная, точно герой изъ стариннаго романа. Но вдругъ въ одинъ день говорятъ: Орнатскій занемогъ и вмѣсто его экзекуторъ прислалъ другого чиновника.

— Какой-такой? спрашиваю. — Можетъ-быть я лучше бы подождать, пока Орнатскій выздоровѣетъ.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчаетъ экзекуторъ: — Орнатскій теперь не скоро, — онъ занялъ-съ и запой у него продолжится, пока Ивана Петровича мать его выпользуетъ, а о новомъ чиновникѣ не извольте безпокоиться: вамъ вмѣсто Орнатскаго самого Ивана Петровича назначили.

Я на него смотрю и немножечко не понимаю: про какого это онъ мнѣ про *самого* Ивана Петровича говорить, и въ двухъ строкахъ два раза его проименовалъ.

— Что это, говорю, — за Иванъ Петровичъ?

— Иванъ Петровичъ!.. это, который у регистратуры сидитъ, — помощникъ. Я думалъ, что вы его изволили замѣтить: самый красивый, его все замѣчаютъ.

— Нѣтъ, говорю, — я не замѣтилъ, а какъ его зовутъ?

— Иванъ Петровичъ.

— А фамилія?

— Фамилія...

Экзекуторъ сконфузился, взялся тремя пальцами за лобъ

и силится припомнить, но вмѣсто того, почтительно улыбаясь, добавляетъ:

— Простите, ваше превосходительство, вдругъ какъ столбикъ нашелъ и не могу вспомнить. Фамилія его Аквилальбовъ, но мы все его называемъ просто Иванъ Петровичъ или иногда въ шутку «Бѣлый орелъ» за его красоту. Человѣкъ прекрасный, на счету у начальства, жалованья по должности помощника получаетъ четырнадцать рублей пятнадцать копеекъ, живетъ съ матушкой, которая нѣкоторымъ гадаетъ и пользуется. Позвольте представить: Иванъ Петровичъ дожидается.

— Да, ужъ если такъ нужно, то конросите, пожалуйста, сюда этого Ивана Петровича.

— Бѣлый орелъ!.. думаю себѣ: — что это за странность. Мнѣ орденъ слѣдуетъ бѣлый орелъ, а не Иванъ Петровичъ.

А эзекуторъ пріотворилъ дверь и крикнулъ:

— Иванъ Петровичъ, пожалуйста.

И не могу вамъ его описывать безъ того, чтобы не впасть въ нѣкоторый шаржъ и не дѣлать сравненій, которыя вы можете счесть за преувеличенія, но я вамъ ручаюсь, что какъ бы я ни старался расписать вамъ Ивана Петровича — живопись моя не можетъ передать и половины красоты оригинала.

Передо мною стоялъ настоящій «Бѣлый орелъ», форменный *Aquila alba*, какъ его изображаютъ на полныхъ парадныхъ пріемахъ у Зевса. Высокій, крупный, но чрезвычайно пропорціональный мужчина и такого здороваго вида, будто онъ никогда не горѣлъ и не болѣлъ, и не зналъ ни скуки, ни усталости. Отъ него исходило здоровье, но не грубо, а какъ-то гармонично и привлекательно. Цвѣтъ лица у Ивана Петровича былъ весь нѣжно-розовый съ широкимъ румянцемъ, щеки обрамлены свѣтлорусымъ пушкомъ, который, однако, уже переходилъ въ зрѣлую растительность. Лѣтъ ему было какъ разъ двадцать пять; волосы свѣтлые, слегка волнистые blonde и такая же бородка съ нѣжной подпалиной и синіе глаза подъ темными бровями и въ темныхъ рѣсницахъ. Словомъ, сказочный богатырь Чурило Анленковичъ не могъ быть лучше. Но прибавьте къ этому смѣлый, очень осмысленный и весело открытый взглядъ, и вы имѣете' передъ собою

настоящего красавца. Одѣтъ онъ въ вицмундиръ, который сидѣлъ отлично, и темно-гранатаго цвѣта шарфъ съ пыльнымъ бантомъ.

Тогда носили шарфы.

И я залюбовался Иваномъ Петровичемъ, и зная, что произвожу на людей, первый разъ меня видящихъ, впечатлѣнiе не легкое, сказалъ запросто:

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!

— Здравiя желаю, вамъ превосходительство, — отвѣчалъ онъ очень задумчивымъ голосомъ, который тоже показался мнѣ чрезвычайпо симпатичнымъ.

Говоря отвѣтную фразу въ солдатской редакцiи, онъ, однако, мастерски умѣлъ дать своему тону отъѣнокъ простой и вполне позволительной шутливости, и въ то же время одишь этотъ отвѣтъ устанавливалъ для всей бесѣды характеръ своего рода семейной простоты.

Мнѣ становилось понятнымъ, почему этого человѣка «все любятъ».

Не видя никакой причины мѣшать Ивану Петровичу держать его тонъ, я сказалъ ему, что я радъ съ нимъ познакомиться.

— И я съ своей стороны тоже считаю это для себя за честь и за удовольствiе, — отвѣчалъ онъ стоя, но выступивъ шагъ впередъ своего эскутера.

Мы раскланялись, — эскутеръ ушелъ на службу, а Иванъ Петровичъ остался у меня въ приемной.

Черезъ часъ я попросилъ его къ себѣ и спросилъ:

— У васъ хорошiй почеркъ?

— У меня характеръ письма твердый, — отвѣчалъ онъ и сейчасъ же добавилъ: — вамъ угодно, чтобы я что-нибудь написалъ.

— Да, потрудитесь.

Онъ сѣлъ за мой рабочiй столъ и черезъ минуту подаль мнѣ листъ, посерединѣ котораго четкою скорописью «твердаго характера» было написано: «Жизнь на радость вамъ дана. Иванъ Петровъ Аквилыльбовъ».

И прочелъ и неудержимо разсмѣялся: лучше того, что онъ написалъ, не могло къ нему идти никакое выраженiе. «Жизнь на радость»; *вся* жизнь для него сплошная радость!

Совсѣмъ въ моемъ вкусѣ человѣкъ!..

И дать ему переписать на моем же столѣ малозначительную бумагу, и онъ сдѣлать это очень скоро и безъ малѣйшей ошибки.

Потомъ мы разстались. Иванъ Петровичъ ушелъ, а я остался одинъ дома и предался своей болѣзненной хандрѣ, и признаюсь,—чортъ знаетъ почему нѣсколько разъ переносился мыслию къ *нему*, т. е. къ Ивану Петровичу. Вѣдь вотъ онъ, небось, не охаетъ и не хандритъ. Ему жизнь на радость дана. И гдѣ это онъ проживаетъ ее съ такой радостью на свои четырнадцать рублей... Поди, пожалуй, въ карты счастливо играетъ, или тоже взяточни перепадаютъ... А можетъ-быть купчихи... Недаромъ у него этотъ такой свѣжій гранатный галетукъ...

Сизу за раскрытыми передо мною во множествѣ дѣлами и протоколами, а думаю о такихъ безцѣльныхъ, вовсе до меня не относящихся пустякахъ, а въ это самое время человекъ декларируетъ, что пріѣхалъ губернаторъ.

Прому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Губернаторъ говоритъ: «у меня послѣзавтра квинтетъ,—надѣюсь, будетъ недурно сыграно, и дамы будутъ, а вы и слышать, захандрили у насъ въ глуши, и пріѣхалъ васъ навѣстить и попросить на чашку чаю, — можетъ-быть, не лишнее будетъ немножко развлечься».

— Нокорно васъ благодарю, но отчего вамъ кажется, что я хандрю?

— По Ивана Петровича замѣчанію.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! Это который у меня дежурить? И вы его знаете?

— Какъ же, какъ же. Это нашъ студентъ, артистъ, херистъ, но только не аферистъ.

— Не аферистъ?

— Нѣтъ, онъ такъ счастливъ, какъ Поликрать, ему не надо быть аферистомъ. Онъ всеобщій любимецъ въ городѣ и непремѣнный членъ по части всякихъ веселостей.

— Онъ музыкантъ?

— Мастеръ на всѣ руки: свѣтъ, сыгралъ, протанцовать, веселые фанты устроить — все Иванъ Петровичъ. Гдѣ ниръ, тамъ и Иванъ Петровичъ; затѣвается аллегри или спектакль съ благотворительною цѣлью — свить Иванъ

Петровичъ. Онъ и вынгрыши распредѣлитъ, и вѣщцы всѣхъ красивѣе разставитъ; самъ декорации нарисуетъ, а потомъ сейчасъ изъ маляра въ актѣра на любую роль готовъ. Какъ онъ играеть королей, дядюшекъ, пылкихъ любовниковъ, — это заглядывше, но особенно хорошо онъ старухъ представляеть.

— Будто и старухъ!

— Да, удивительно! Вотъ я къ послѣзавтрашнему вечеру. признаться, и готовлю съ помощью Ивана Петровича маленькій сюрпризъ. Будутъ живыя картины. Иванъ Петровичъ ихъ поставитъ. Разумѣется, будутъ и такія, что ставятся для дамъ, желающихъ себя показать, но три будутъ имѣть кое-что и для настоящаго художника.

— Это сдѣлаеть Иванъ Петровичъ?

— Да, Иванъ Петровичъ. Картины представляютъ «Саула у волшебницы андореккой». Сюжетъ, какъ извѣстно, библейскій, а расположеніе фигуръ нѣсколько дутое, что называется, «академическое», но тутъ все дѣло въ Иванѣ Петровичѣ. На одного его всѣ и будутъ смотрѣть, — особенно когда при второмъ открытіи картины обнаружится налгъ сюрпризъ. Вамъ я могу сказать этотъ секретъ. Картина открывается, и вы увидите Саула: это царь, — царь съ головы до ногъ! Онъ будетъ одѣтъ, какъ всѣ. Ни малѣйшаго отличія, потому что по сюжету Сауль приходитъ къ волшебницѣ переодѣтымъ, такъ, чтобы она его не узнала, по его *нельзя не узнать*. Онъ царь, и притомъ настоящій библейскій царь-настухъ. Но завѣсь упадетъ, фигура быстро измѣняетъ свое положеніе: Сауль лежитъ ницъ передъ явившейся тѣнью Самуила. Саула теперь все равно что нѣтъ, но зато какого видите Самуила въ саванѣ!.. Это вдохновеннѣйшій пророкъ, на раменахъ котораго почість сила въ лицѣ, величіе и мудрость. *Этотъ могъ «новелать царю явиться и въ Беолѣ, и въ Галгалахъ»?*

— И это будетъ опять Иванъ Петровичъ?

— Иванъ Петровичъ! Но вѣдь это не конецъ. Если попросить повторенія, — въ чемъ я увѣренъ и самъ о томъ позабочусь, — то мы васъ не станемъ томить задми, а вы увидите продолженіе эпювен. Понавал сцена изъ жизни Саула будетъ совсѣмъ безъ Саула. Тѣнь исчезла, царь и сопровождающіе его вышли; въ двери можно замѣтить только кусокъ плаща на спинѣ послѣдней удаляющейя фигуры, а на сценѣ одна волшебница...

— И это опять Иванъ Петровичъ?

— Разумѣется! Но вѣдь вы передъ собою увидите не то, какъ изображаютъ вѣдьмъ въ «Макбетъ»... Никакого столбняковаго ужаса, ни ломки, ни кривляній, но вы увидите лицо, которое знаетъ то, что не снилось мудрецамъ. Вы увидите какъ странно говорить съ выходящемъ изъ могилы.

— Воображаю.— отвѣчалъ я, будучи всемѣрно далеко отъ мысли, что не пройдетъ трехъ дней, какъ мнѣ придется не воображать, а на самомъ себѣ испытывать такую пытку.

Но это пришло послѣ, а теперь все было полно однимъ Иваномъ Петровичемъ,—этимъ веселымъ, живымъ человекомъ, который вдругъ, какъ боровочекъ послѣ грибного дождика, изъ муравы выскочилъ, не великъ еще, а отовсюду его видно,—всѣ на него поглядываютъ и улыбаются:—«Вотъ-де какой крѣпелнѣйшій, да хорониснѣйшій».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я вамъ передавалъ, что говорилъ о немъ его экзекуторъ и губернаторъ, а когда я полюбопытствовалъ, не слыхалъ ли чего-нибудь о немъ одинъ изъ моихъ чиновниковъ свѣтскаго направленія, такъ они оба въ разъ заговорили, что встрѣчали его, и что онъ въ самомъ дѣлѣ очень милъ и хорошо поетъ съ гитарой и съ фортепiano. И имъ онъ тоже правился. На другой день заходитъ протопопъ. Онъ, какъ я побывалъ у него въ церкви, всякій праздникъ приносить мнѣ просфору и на всѣхъ священно-ябедничать. Онъ ни о комъ хорошо не говорилъ и въ этомъ отношеніи не дѣлалъ исключенія и для Ивана Петровича, но зато священно-ябедникъ зналъ не только природу всякой вещи, но и ея происхожденіе. Про Ивана Петровича онъ самъ началъ:

— Вамъ чинца обмѣнили. Это все съ умысломъ...

— Да, говорю, какого-то Ивана Петровича дали.

— Вѣдомъ намъ, какъ же, довольно вѣдомъ. Мой своякъ, на котораго мѣсто я сюда переведенъ съ обязательствомъ воспитать сиротъ, онъ его и крестилъ... Отецъ-то тоже былъ изъ колокольныхъ дворянъ... въ приказные вышелъ, а мать... Кира Пшолитовна... Такое у нея имячко,—она по страстной любви къ его родителю уходомъ за него ушла... Скоро, однако, вкусила и горечи любовнаго зелья, а потомъ и овдовѣла.

— Она сама сына воспитывала?

— Да какое его воспитаніе: въ гимназій классовъ пять проучился, да и пошелъ въ писатели въ уголовную палату... современнымъ помощникомъ сдѣлалъ... А счастливъ очень: въ прошломъ году коня съ сѣдломъ въ лотерею выигралъ и съ губернаторомъ на охоту нынче за зайцами ѣздилъ... Чертеняги,—полковые выходили такъ разыгрывали,—онякъ тоже ему достался. И пять билетовъ взять и не выиграть, а онъ всего одинъ, да и на тотъ получилъ. Самъ музычить и Татьяну учить.

— Это кто же,—Татьяна?

— Сиротку они взяли,—ничего себѣ... черномазенькая. Онъ ее обучаетъ.

Весь день проговорили объ Иванѣ Петровичѣ, а вечеромъ, слышу, у моего Ёгора въ комнаткѣ что-то жужжитъ. Зову его и спрашиваю: «что это у тебя такое?»

— Это, отвѣчаетъ,—я проилеи дѣлаю.

— Что еще за проилеи?

Иванъ Петровичъ, обративъ вниманіе, что Ёгоръ скучаетъ отъ бездѣйствія, принесъ ему пилочку и дощечку отъ сигарныхъ ящичковъ съ наклеенными узорами и научилъ его подставочки выливать. Заказъ далъ къ лотереѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Утромъ въ тотъ день, когда Иванъ Петровичъ вечеромъ долженъ былъ и играть, и всѣхъ удивлять въ картинахъ на пиру у губернатора, я не хотѣлъ его задерживать, но онъ оставался при мнѣ до обѣда и даже очень насмѣшилъ меня. Я пошутилъ, что ему надо бы жениться, а онъ отбѣгалъ, что предпочитаетъ остаться «съ дѣвушкахъ». Въ Петербургъ его звалъ.

— Штъ, говоритъ,—ваше превосходительство, меня здѣсь всѣ любятъ, да и мать, и сиротка Тая у насъ есть, я ихъ люблю, а онѣ для Петербурга не годятся.

Удивительно, какой гармоничный молодой человекъ! Я его даже обнялъ за эту любовь къ матери и сиротѣ, и мы разстались за три часа до картинъ.

На прощанье я сказалъ:

— Петербуриво жду васъ видѣть въ разныхъ видахъ.

— Падоѣмъ,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.

Онъ ушелъ, а я пообедалъ одинъ и прикорнулъ въ креслѣ, чтобы быть бодрѣе, но Иванъ Петровичъ не далъ мнѣ за-

спуть, онъ меня скоро и немножко странно потревожилъ. Вдругъ вошелъ очень спѣшной походкой, шумно оттолкнулъ ногою стоявшіе посрединѣ комнаты стулья и говорить:

— Вотъ можете меня видѣть; но только покорно васъ благодарю,—вы меня сглазили. Я вамъ за это отомщу.

Я проснулся, позвонилъ человека и велѣлъ подавать одѣваться. и самъ себѣ подивился: какъ ясно привидѣлся мнѣ во снѣ Иванъ Петровичъ!

Приѣзжаю къ губернатору — все освѣщено и гостей уже много, но самъ губернаторъ, встрѣчая меня, шепчетъ:

— Разстроилась самая лучшая часть программы; картины не могутъ состояться.

— А что случилось?

— Тесно... я не хочу говорить громко, чтобы не портить общаго впечатлѣнія. Иванъ Петровичъ умеръ.

— Какъ!.. Иванъ Петровичъ!.. умеръ!

— Да, да, да,—умеръ.

— Помилуйте, онъ три часа тому назадъ былъ у меня здоровъ-здоровешенекъ.

— Ну и вотъ, приди отъ васъ, прилечь на диванъ да и умеръ... И вы знаете... я долженъ вамъ сказать на тотъ случай, чтобы его мать... она въ такомъ безуміи, что можетъ приѣхать къ вамъ... Она, несчастная, убѣждена, что вы и есть виновникъ смерти сына.

— Какимъ образомъ? Отравили его у меня, что ли?

— Этого она не говоритъ.

— Что же она говоритъ?

— Что вы Ивана Петровича *сглазили!*

— Позвольте, говорю,—что за пустяки!

— Да, да, да,—отвѣчаетъ губернаторъ: — все это, разумеется, глупости, но вѣдь здѣсь провинція,—здѣсь глупостямъ охотѣе вѣрить, чѣмъ умностямъ. Разумеется, не стоить обращать вниманія.

Въ это время губернаторша предложила мнѣ карту.

Я сѣлъ, но что я только вынесилъ за этою мучительною игрою, — и сказать вамъ не могу. Во-первыхъ, мучитъ сознаніе, что этотъ милый молодой человекъ, которымъ я такъ любовался, лежитъ теперь на столѣ, а во-вторыхъ, мнѣ безпрестанно кажется, что все о немъ шепчутъ и на меня указываютъ «сглазили». Даже слышу этъ глупое слово «сглазили, сглазили», а въ-третьихъ, позвольте вамъ эзъ

истину сказать,— я вижу вездѣ самого Ивана Петровича!.. Такъ глазъ, что ли, наметался, — куда ни взгляну — все Иванъ Петровичъ!.. То онъ ходитъ, прогуливается по пустой залѣ, въ которую открыты двери; то стоитъ двое, разговариваютъ,—и онъ возлѣ нихъ, слушаетъ. Потомъ вдругъ около самого меня является и въ карты смотритъ!.. Тутъ я, разумѣется, и понесу съ рукъ что попало, а мой vis-à-vis обижается. Наконецъ даже другіе стали это замѣчать и губернаторъ шепнуть мнѣ на ухо:

— Это вамъ Иванъ Петровичъ портитъ: онъ вамъ метитъ за себя.

— Да, говорю,—я дѣйствительно разстроены и мнѣ очень недорогится. И прошу позволенія расписать игру и меня уволить.

Это одолженіе мнѣ сдѣлали, и я сейчасъ же поѣхалъ домой. Но я ѣду на саяхъ и Иванъ Петровичъ со мною,— то рядомъ сидитъ, то на облучкѣ съ кучеромъ явится, а лицомъ ко мнѣ.

Думаю: не горячка ли у меня начинается?

Приѣхалъ домой—еще хуже. Чуть легъ въ постель и погасилъ огонь,—Иванъ Петровичъ сидитъ на краю кровати и даже говоритъ:

— Вы, говоритъ,—меня вѣдь въ самомъ дѣлѣ сглазили, я и умеръ, а мнѣ никакой надобности не было такъ рано умирать. Въ томъ-то и дѣло!.. Меня всѣ такъ любили, и тоже матушка, и Танюша—она еще недоучена. Какое имъ отъ этого ужасное горе.

Я позвалъ человека и, какъ это ни было неловко, велѣлъ ему лечь у себя на коврѣ, но Иванъ Петровичъ не боится, куда ни оборочусь—онъ торчитъ передо мною да и баста.

Насилу я утра дождался, и первымъ дѣломъ послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ матери покойнаго, чтобы отвезъ и какъ можно деликатнѣе передалъ ей триста рублей на похороны.

Тотъ возвращается и привозитъ деньги назадъ: говорить—не приехали.

— Что же, спрашиваю,—сказали?

— Сказали, что «не надо: его добрыя люди похоронять».

Я, значить, былъ на счету *злыхъ*.

А Иванъ-то Петровичъ, какъ только я про него вспомню, сейчасъ тутъ и есть.

Въ сумерки не могъ оставаться спокойно: взялъ извозчика и самъ поѣхалъ, чтобы взглянуть на Ивана Петровича и поклониться. Это вѣдь въ обычаѣ, и я думалъ, что никого не обезпкою. А въ карманъ взялъ все что могъ — семьсотъ рублей, чтобы уронить ихъ принять хоть для Таши.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Видѣлъ Ивана Петровича: лежитъ «Бѣлый орелъ» какъ подстрѣленный.

Таши тутъ же ходитъ. Такая, дѣйствительно, черномазенькая, лѣтъ нятнадцати, въ коленкоревомъ траурѣ и все покойника оправляетъ. По головѣ его поправитъ и поцѣлуетъ.

Какое терзаніе это видѣть!

Попросилъ ее: нельзя ли мнѣ поговорить съ матерью Ивана Петровича.

Дѣвушка отвѣчала «хорошо» и пошла въ другую комнату, а черезъ минуту отворяетъ дверь и приглашаетъ войти, но только-что я вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла старушка, та сейчасъ встала и извиняется:

— Иѣтъ, простите меня,—я напрасно на себя понадеялась, я не могу васъ видѣть,—и съ этимъ ушла.

Я былъ не обиженъ и не сконфуженъ, а просто подавленъ и обратился къ Таши:

— Ну, хоть вы, молодое существо, можете-быть, вы можете быть ко мнѣ добрее. Вѣдь я же, повѣрьте, не желалъ и не имѣлъ причины желать Ивану Петровичу какого-нибудь несчастія, а тѣмъ меньше смерти.

— Вѣрю,—уронила она.—Ему никто не могъ желать ничего дурного,—его все любили.

— Повѣрьте, что въ два-три дня, которые я его видѣлъ, и я полюбилъ его.

— Да, да, — сказала она.—О, эти ужасные «два-три дня», — зачѣмъ они были? Но тетя это въ горѣ такъ обонилась съ вами; а мнѣ васъ жалко.

И она протянула мнѣ обѣ ручки.

Я взялъ ихъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, милое дитя, за эти чувства; они дѣлаютъ честь и вашему сердцу, и благоразумію. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить такому вздору, будто я его сглазилъ!

— Знаю,—отвѣчала она.

— Такъ явите же мнѣ ласку... сдѣлайте мнѣ одолженіе *со имя его!*

— Какое одолженіе?

— Возьмите вотъ этотъ конвертъ... тутъ немпожко денегъ... это на домашнія надобности... для тети.

— Она не приметъ.

— Ну, для вась... для вашего образованія, о которомъ заботился Иванъ Петровичъ. Я глубоко увѣренъ, что онъ бы это оправдалъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не возьму. Онъ никогда ни у кого ничего не бралъ даромъ. Онъ былъ очень, очень благородный.

— Но вы меня этимъ огорчаете... вы, значить, на меня сердитесь.

— Нѣтъ, не сержусь. Я вамъ дамъ доказательство.

Она раскрыла лежавшій на столѣ французскій учебникъ Олендорфа, торопливо достала лежавшую тамъ между страницъ фотографическую карточку Ивана Петровича и, подавая ее мнѣ, сказала:

— Вотъ это онъ положилъ. До сихъ поръ мы вчера доучились. Возьмите это отъ меня на память.

Тѣмъ свиданіе и кончилось. На другой день Ивана Петровича хоронили, а потомъ я еще дней восемь оставался въ городѣ и все въ той же мучительности. Ночью нѣтъ сна; прислушиваюсь къ каждому шороху; открываю фортки въ окнахъ, чтобы хоть съ улицы долеталъ какой-нибудь свѣжій человѣчeskій голосъ. Но мало пользы: идутъ два челоѣка, разговариваютъ, — прислушиваюсь, — про Ивана Петровича и про меня.

— Вотъ здѣсь, говорятъ, — живеть этотъ чортъ, что Ивана Петровича сглазилъ.

Поеть кто-то, возвращаясь въ тиницѣ почти домой, слышу какъ у него снѣгъ подъ погами хруститъ, разбираю слова: «Ахъ, бывать я удалъ»; жду, когда нѣвецъ пороняется съ моимъ окномъ, гляжу это самъ Иванъ Петровичъ. А тутъ еще и отецъ-протоіерей жалуеть и шепчетъ:

— Сглазь и пріурокъ есть, да вѣдь это цыплятъ глазять а Ивана Петровича отравили...

Мунительно!

— Для чего и кто могъ его отравить?

— Опасались, чтобы онъ вамъ всего не рассказалъ..

Его бы непременно надо было распотрошить. Жаль, что не распотрошили. Ядь бы нашли.

Господи! избавь меня хотя отъ этой подозрительности!

Наконецъ, вдругъ совершенно неожиданно получаю конфиденціальное письмо отъ директора канцеляріи, что графъ предписываетъ мнѣ ограничиться тѣмъ, что я успѣлъ сдѣлать, и нимало не медля вернуться въ Петербургъ.

Я былъ очень этому радъ, въ два дня собрался и уѣхалъ.

Дорогою Иванъ Петровичъ не отставалъ, — штъ-штъ, да и покажется, но теперь отъ перемены ли мѣста, или отъ того, что человекъ ко всему привыкаетъ, я осмѣлѣлъ и даже привыкъ къ нему. Мотается онъ у меня въ глазахъ, а я уже ничего; даже иногда въ дремотѣ какъ будто другъ съ другомъ шутимъ. Опъ грозитъ: — «пробрать я тебя!»

А я отвѣчалъ:

— А ты все-таки по-французски не выучился!

А онъ отвѣчаетъ:

— На что мнѣ учиться: я теперь отлично самоучкой шарю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ Петербургѣ я почувствовалъ, что мною не то что недовольны, а хуже, какъ-то сожалительно, какъ-то странно на меня смотрятъ.

Самъ Викторъ Никитичъ видѣлъ меня всего одну минуту и не сказалъ ни слова, но директору, который былъ женатъ на моей родственницѣ, онъ говорилъ, что ему кажется, будто я *нездоровъ*...

Разъясненій не было. Черезъ недѣлю подошло Рождество, а потомъ Новый годъ. Разумѣется, праздничная суетолога — ожиданіе награды. Меня это не сильно озабочивало, тѣмъ болѣе, что я зналъ мою награду — «Вѣліи орелъ». Рождественница моя, что за директоромъ, еще наканунѣ мнѣ и орденъ съ лентой въ подарокъ прислала, и я положилъ въ бюро и орденъ, и конвертъ со ста рублями для курьеровъ, которые принесутъ приказъ.

Но ночью вдругъ толкъ меня въ бокъ Иванъ Петровичъ и подъ самый подъ носъ мнѣ *шшш*. При жизни онъ былъ гораздо деликатнѣе, и это совсѣмъ не отвѣчало его гармонической натурѣ, а теперь, какъ сорванецъ, ткнулъ шшиш и говоритъ:

— Съ тебя пока вотъ этого довольно. Мнѣ надо къ бѣдной Танѣ, — и сникъ.

Встаю утромъ — курьеровъ съ приказомъ идти. Сидшу въ зятю узнать: что это значитъ?

— Ума, говорить,—не приложу. Было, стояло и вдругъ точно въ печати вышло. Графъ вычеркнулъ и сказать, что это онъ лично доложить... Тебѣ, знаешь, вредить какая-то исторія... Какой-то чиновникъ, выйдя отъ тебя, какъ-то подозрительно умеръ... Что это такое было?

— Оставь, говорю,—сдѣлай милость.

— Итъ, въ самомъ дѣлѣ... графъ даже не разъ спрашивалъ: какъ ты въ своемъ здоровьѣ... Оттуда разные лица писали и въ томъ числѣ общій духовникъ, протопопъ... Какъ ты могъ позволить вымѣнять себя въ такое странное дѣло?

Я слушаю, а самъ,—какъ Иванъ Петровичъ изъ-за молитвы сталъ дѣлать,—чувствую одно желаніе ему языкъ или пишмъ показать.

А Иванъ Петровичъ, по награжденіи меня иниціомъ вмѣсто «Благо орла», исчезъ и не показывался ровно три года, когда сдѣлалъ мнѣ заключительный и притомъ всѣхъ болѣе осязательный визитъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Было опять Рождество и Новый годъ и также ожидались награды. Меня уже давно обходили, и я объ этомъ не заботился. Не даютъ и не надо. Встрѣчали Новый годъ у сестры,—очень весело,—гостей много. Здоровые люди ужинали, а я передъ ужиномъ поглядывалъ какъ бы улѣзнуть и подвигаюсь къ двери, но вдругъ слышу въ общемъ говорѣ такія слова:

— Теперь мои скитальчества кончены: мама со мною. Танюша устроена за хорошаго человека; послѣднюю шутку сдѣлаю и же манъ въ! И потомъ вдругъ протѣкну заплѣтъ:

Прощай, моя родная,
Прощай, моя земля.

«Э-ге, думаю,—опять показался, да еще и французить начать... Ну, я лучше кого-нибудь подожду, одинъ по лестницѣ не пойду».

А онъ мимо меня изволитъ проходить, все въ томъ же вицмундирѣ съ пыльнымъ гранатнаго цвѣта галетукомъ, и только минутъ, вдругъ парадная дверь такъ хлопнула, что весь домъ затрясся.

Хозяишь и люди бросились посмотрѣть: не добрался ли

кто до гостинныхъ шубъ, но все было на мѣстѣ и дверь на ключѣ... Я молчалъ, чтобы опять не сказали «галюципатъ» и не стали освидомляться о здоровьѣ. Хлопнуло и шабангъ,— мало ли что можетъ хлопнуть...

Я досидѣлъ случая, чтобы не одному идти, и благополучно возвращаюсь домой. Человѣкъ у меня былъ уже не тотъ, который со мною ѣздилъ и которому Иванъ Петровичъ проилейные уроки давалъ, а другой; встрѣчаешь онъ меня немножко заспанъ и свѣтитъ. Проходимъ мимо конторки, и я вижу что-то лежитъ бѣлой бумагой прикрыто... Смотрю—мой орденъ Вѣлаго орла, который тогда, помните, сестра подарила... Онъ всегда завертъ былъ. Какъ онъ могъ взятись! Конечно, скажутъ: «самъ вѣрно въ забывчивости вынулъ». Такъ не стану объ этомъ спорить, но а вотъ это что такое: на столикѣ у моего изголовья небольшой конвертикъ на мое имя и рука какъ будто знакомая... Та самая рука, которою было написано «жизнь на радость намъ дана».

— Кто принесъ? спрашиваю.

А человѣкъ прямо показываетъ мнѣ на фотографію Ивана Петровича, которую я берегу, память отъ Танюши, и говоритъ:

— Вотъ этотъ господишъ.

— Ты вѣрно ошибся.

— Никакъ нѣтъ, говорить, — я его съ перваго взгляда узналъ.

Въ конвертѣ оказался на почтовой бумажкѣ экземпляръ приказа: мнѣ дали «Вѣлаго орла». И что еще лучше, всю остальную ночь я спалъ, хотя слышалъ, какъ что-то гдѣ-то глѣо самыя глуныя слова: «до свидансь, до свидансь,—же але о контрадансь».

Но переданной мнѣ Иваномъ Петровичемъ опытности въ жизни духовъ, я понималъ, что это Иванъ Петровичъ «по-французски жаритъ самоучкою», отлетая, и что онъ больше меня уже никогда не побеспокоитъ. Такъ и вышло: онъ мнѣ отстигъ и помилосвалъ. Это понятно. А вотъ почему у нихъ, въ мірѣ духовъ, все такъ спутано и смѣшано, что жизнь человѣческая, которая всего дорожке стѣбитъ, отомщевается пустымъ пуганьемъ да орденомъ, а прилетъ изъ высшихъ сферъ сопровождается глушійшимъ пѣніемъ «до свидансь, же але о контрадансь», — этого я не понимаю.

ЧЕРТОГОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Это обрядъ, который можно видѣть только въ одной Москвѣ и притомъ не иначе какъ при особомъ счастьи и протекци.

И видѣть чертогонъ съ начала до конца, благодаря одному счастливому стеченію обстоятельствъ, и хочу это записать для настоящихъ знатоковъ и любителей серьезнаго и величественнаго въ національномъ вкусѣ.

Хотя я съ одного бока дворянинъ, по съ другого близокъ къ «народу»: мать моя изъ купеческаго званія. Она выходила замужъ изъ очень богатаго дома, но вышла уходомъ, по любви къ моему родителю. Покойникъ былъ молодецъ по железной части и чтò намѣчалъ, того и достигать. Такъ ему удалось и съ мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кромѣ, разумѣется, гардеробу, постелей и Божьяго милосердія, которые были получены вмѣстѣ съ прощеніемъ и родительскимъ благословеніемъ навѣки нерушимымъ. Жили мои старики въ Орлѣ, жили пуждно, но гордо, у богатыхъ материныхъ родныхъ ничего не просили, да и сношеній съ ними не имѣли. Однако, когда мнѣ пришлось ѣхать въ университетъ, матушка стала говорить:

— Пожалуйтега сходи къ дядѣ Ильѣ Федосѣвичу и отъ меня ему поклонись. Это не униженіе, а старшихъ родныхъ уважать должно,—а онъ мой братъ, и къ тому благочестивъ и большой вѣсъ въ Москвѣ имѣеть. Онъ при всѣхъ встрѣчахъ всегда хлѣбъ-соль подаетъ... всегда впе-

реди прочихъ стоитъ съ блюдомъ, или съ образомъ... и у генералъ-губернатора съ митрополитомъ принять... Онъ тебѣ можетъ хорошему наставить.

А я хотя въ то время, изучивъ Филаретовъ катехизисъ, въ Бога не вѣрилъ, но матушку любилъ, и думаю себѣ развѣ: «вотъ я уже около года въ Москвѣ и до сихъ поръ материнской воли не исполнилъ; пойду-ка я немедленно къ дядѣ Ильѣ Ѳедосѣвичу, увидаюсь, — снесу ему материнъ поклонъ и взаправду погляжу, чему онъ меня научитъ».

По привычкѣ дѣтства, я былъ къ старшимъ почтительнень, — особенно къ такимъ, которые извѣстны и митрополиту, и губернаторамъ.

Возставъ, почистился щеточкой и пошелъ къ дядѣ Ильѣ Ѳедосѣвичу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Было такъ часовъ около шести вечера. Погода стояла теплая, мягкая и сѣрватая, — словомъ, очень хорошо. Домъ дяди извѣстенъ, — одинъ изъ первыхъ домовъ въ Москвѣ, — всѣ его знаютъ. Только я никогда въ немъ не былъ и дядю никогда не видалъ, даже издали.

Иду, однако, смѣло, разсуждая: приметъ — хорошо, а не приметъ — не надо.

Прихожу на дворъ; у подъѣзда стоятъ кони-львы, сами вороные, а гривы разсыпныя, шерсть какъ дорогой атласъ лоснится, а заложены въ коляску.

Я взойшелъ на крыльцо и говорю: «такъ и такъ — я племянникъ, студентъ, прошу доложить Ильѣ Ѳедосѣвичу». А люди отвѣчаютъ:

— Они сами сейчасъ сходятъ, — ѣдутъ кататься.

Показывается очень простая фигура, русская, по дѣйствию величественная, — въ глазахъ съ матушкой есть сходство, но выраженіе иное, — что называется — солидный мужчина.

Отрекомендовался ему; онъ выслушалъ молча, тихо руку подалъ и говорить:

— Садись, проѣдемся.

Я было хотѣлъ отказаться, но какъ-то замялся и сѣлъ.

— Въ паркъ! — велѣлъ онъ.

Львы сразу приняди и покосились, только задокъ коляски

подпрыгиваетъ, а какъ за городъ выехали еще шибче помчались.

Сидимъ ни слова не говоримъ, только вижу, какъ дядя себѣ цилиндръ краемъ въ самый лобъ врѣзалъ и на лицѣ у него этакая, что называется, плюмса, какъ бываетъ отъ скуки.

Туда-сюда глядитъ и одинъ разъ на меня метнулъ глазомъ и ни съ того, ни съ сего проговорилъ:

— Совсѣмъ жести нѣтъ.

Я не зналъ, что отвѣчать, и промолчалъ.

Спать ѣдемъ, ѣдемъ; думаю: куда это онъ меня завозитъ? и начинаеть мнѣ сдаваться, что я какъ будто попалъ въ какую-то статью.

А дядя вдругъ словно повернулся что-то въ умѣ и начинаеть отдавать кучеру одно за другимъ приказанія:

— Направо, палѣво. У «Яра» — стой!

Визу изъ ресторана много прислуги высыпало къ намъ и всѣ передъ дядею чуть не въ три погибели гнутся, а онъ изъ коляски не шевелится и велѣтъ позвать хозяина. Побѣжали. Является французъ, — тоже съ большимъ почтеніемъ, а дядя не шевелится: костью набалдашника палки о зубы постукиваетъ и говоритъ:

— Сколько лишнихъ людей есть?

— Человѣкъ до тридцати въ гостинныхъ, отвѣчаетъ французъ: — да три кабинета заняты.

— Всѣхъ вошь!

— Очень хорошо.

— Теперь семь часовъ, — говоритъ, посмотрѣвъ на часы, дядя: — я въ восемь заѣду. Будетъ готово?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — въ восемь трудно... у многихъ заказано... а къ девяти часамъ пожалуйста, во всемъ ресторанѣ ни одного сторонняго человѣка не будетъ.

— Хорошо.

— А что приготовить?

— Разумѣется, союповъ.

— А еще?

— Оркестръ.

— Одинъ?

— Нѣтъ, два лучше.

— За Рыбыкой послать?

— Разумѣется.

— Французскихъ дамъ?

— Не надо ихъ!

— Погребъ?

— Виолнѣ.

— По кухнѣ?

— Карту.

Подали дневное меню.

Дядя посмотрѣлъ и, кажется, ничего не разобралъ, а можетъ-быть, и не хотѣлъ разбираться; пощелкалъ по бумажкѣ палькою и говоритъ:

— Вотъ это все на сто особъ.

И съ этимъ свернулъ карточку и положилъ въ кафтанъ.

Французъ и радъ, и жмется:

— Я, говорить, не могу все подать на сто особъ. Здѣсь есть вещи очень дорогія, которыхъ во всемъ рестораниѣ всего только на пять-шесть порцій.

— А я какъ же могу моихъ гостей разсортировать? Кто что захочетъ, всякому чтобъ было. Понимаешь?

— Понимаю.

— А то, братъ, тогда и Рыбка не подействуетъ. Пошелъ!

Оставили рестораника съ его лакеями у подъезда и покатали.

Тутъ я уже совершенно убѣдился, что пональ не на свои рельсы и попробовалъ-было попроситься, но дядя не слышалъ. Онъ былъ очень озабоченъ. ъдемъ и только то одного, то другого останавливаемъ.

— Въ девять часовъ къ Яру! — говоритъ коротко каждому дядя.

А люди, которымъ онъ это сказываетъ, все почтенные такіе старцы, и всѣ снимаютъ шляпы и также коротко отвѣчаютъ дядѣ:

— Твои гости, твои гости, Федосѣичъ.

Такимъ порядкомъ не помню, сколько мы остановили, но я думаю человѣкъ двадцать, и какъ разъ пришло девять часовъ. мы опять подкатили къ Яру. Слугъ цѣлая толпа высынала навстрѣчу и берутъ дядю подъ руки, а самъ французъ на крыльцѣ салфеткою выль у него съ палатонъ обиль.

— Чисто? спрашиваетъ дядя.

— Одинъ генераль, говоритъ, — запоздалъ, очень просился въ кабинетъ кончить...

— Сейчас вошь его!

Онь очень скоро кончить.

Не хочу, — довольно я ему далъ времени — теперь пусть идетъ на траву добывать.

Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, но въ эту минуту генераль съ двумя дамами вышелъ, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ, а въ подъѣзду одинъ за другимъ разомъ начали прибывать гости, приглашенные дядею въ паркѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ресторанъ былъ убранъ, чисто и свободно отъ посѣтителей. Только въ одной залѣ сидѣлъ одинъ великанъ, который встрѣтилъ дядю молча и, ни слова ему не говоря, взялъ у него изъ рукъ палку и куда-то ее спряталъ.

Дядя отдалъ палку нямало не противорѣча и тутъ же передалъ великацу бумажничъ и портмонэ.

Этотъ полусѣдой, массивный великанъ былъ тотъ самый Рябыка, о которомъ при мнѣ дано было ресторатору неопытное приказаніе. Онь былъ какой-то «дѣтскій учитель», но и тутъ онъ тоже, очевидно, находился при какой-то особой должности. Онь былъ здѣсь столь же необходимъ, какъ цыгане, оркестръ и весь туалетъ, мгновенно явившійся въ полномъ сборѣ. Я только не понималъ: въ чемъ роль учителя, но это было еще рано для моей неопытности.

Ярко освѣщенный ресторанъ работалъ: музыка гремѣла, а цыгане расхаживали и закусывали у буфета, дяди обшаривали комнаты, садъ, гротъ и галлерей. Онь вездѣ смотрѣлъ «нѣтъ ли неприннадлежащихъ», и рядомъ съ нимъ безотлучно ходилъ учитель, но когда они возвратились въ главную гостиную, гдѣ всѣ были въ сборѣ, между ними замѣчалась большая разница: походить на нихъ дѣйствовали не одинаково: учитель былъ трезвъ, какъ вышелъ, а дядя совершенно пьянъ.

Какъ это могло столь скоро произойти — не знаю, но онъ былъ въ отличномъ настроеніи; сѣлъ на председательское мѣсто и пошла писать столица.

Двери были заперты и о всемъ мѣрѣ сказано такъ: «что ни отъ нихъ къ намъ, ни отъ насъ къ нимъ перейти нельзя». Насъ разлучала пронасть, — пронасть всего вина, яствъ, а главное — пронасть разгула, не хочу сказать безобразнаго, — но дикаго, неистоваго, такого, что и передать

не умѣю. И отъ меня этого не надо и требовать потому, что, видя себя закатнымъ здѣсь и отдѣленнымъ отъ міра, я оробѣлъ и самъ посиѣшилъ скорѣе наняться. А потому я не буду излагать, какъ шла эта почъ, потому что все это описать дано не моему перу, я помню только два выдающіеся батальные эпизода и финаль, по въ нихъ-то и заключалось главнымъ образомъ *страшное*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доложили о какомъ-то Иванѣ Степаневичѣ, какъ впоследствии оказалось важнѣйшемъ московскомъ фабрикантѣ и коммерсантѣ.

Это произвело наузу.

— Въдь сказано: никого не пускать,—отвѣчалъ дядя.

— Очень просятъ.

— А гдѣ онъ прежде былъ, пусть туда и убирается.

Человѣкъ пошелъ, но робко идетъ назадъ.

— Иванъ Степанычъ, говоритъ,—приказали сказать, что они очень покорно просятъ.

— Не надо, я не хочу.

Другіе говорятъ: «пусть штрафъ заплатитъ».

— Нѣтъ! гнать прочь, и штрафу не надо.

Но человѣкъ является и еще робче заявляетъ:

— Они, говоритъ,—всеікій штрафъ согласны,—только въ ихъ годы, отъ своей компаніи отстать, говорятъ,—имъ очень грустно.

Дядя всталъ и сверкнулъ глазами, но въ это же время между нимъ и лакеемъ всталъ во весь ростъ Рыбыка: лѣвой рукой, какъ-то однимъ щинкомъ, какъ цыпленка, онъ отшвырнулъ саугу, а правою посадилъ на мѣсто дядю.

Изъ среды гостей послышались голоса за Ивана Степановича: просили пустить его,—взять сто рублей штрафу на музыкантовъ и пустить.

— Свой братъ, старикъ, благочестивый,—куда ему теперь дѣваться? Отобьется, пожалуй еще скандалъ сдѣлаетъ на виду у мелкой публики. Пожалѣть его надо.

Дядя внялъ и говоритъ:

— Если быть не по-моему, такъ и не по-вашему, а по-Божью: Ивану Степанову впускъ разрѣшаю, но только онъ долженъ бить на литаврѣ.

Пошелъ пересказчикъ и возвращается.

— Просить, говорятъ, — лучше съ нихъ штрафъ взять.

— Къ чорту! — не хочетъ барабанить — не надо, — пусть его куда хочетъ ѣдетъ.

Черезъ малое время Иванъ Степановичъ не выдержалъ и присылаетъ сказать, что *согласенъ* въ литавры бить.

— Пусть придетъ.

Входитъ мужъ нарочито великъ и видомъ почтененъ: обликомъ строгъ, очи угасли, хребетъ согбенъ, а брада комовата и празеленъ. Хочетъ шутить и здороваться, но его остерегаютъ.

— Послѣ, послѣ, это все послѣ, — кричитъ ему дядя: — теперь бей въ барабанъ.

— Бей въ барабанъ! — подхватываютъ другіе.

— Музыка! подлитаврнюю.

Оркестръ начинать громкую пьесу, солидный старецъ беретъ деревянныя колотилки и начинаетъ въ тактъ и не въ тактъ стучать по литаврамъ.

Шумъ и крикъ адскій: все довольны и кричать:

— Громче!

Иванъ Степановичъ старается сильнѣе.

— Громче, громче, еще громче!

Старецъ колотитъ во всю мочь, какъ Черный царь у Фрейлиграта, и, наконецъ, цѣль достигнута: литавра издаетъ отчаянный трескъ, кожа лопается, все хохочутъ, шумъ становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчаютъ за прорванные литавры, штрафомъ въ пятьсотъ рублей въ пользу музыкантовъ.

Онъ платитъ,тираетъ потъ, усаживается и въ то время, какъ все ньютъ его здоровье, онъ, къ немалому своему ужасу, замѣчаетъ между гостями своего зятя.

Опять хохотъ, опять шумъ и такъ до потери моего сознанія. Въ рѣдкіе просвѣты памяти вижу, какъ плянуть цыганки, какъ дрыгаетъ ногами, сидя на одномъ мѣстѣ, дядя: потомъ, какъ онъ передъ кѣмъ-то встаетъ, но тутъ же между ними появляется Рыбка, и кто-то отлетѣлъ и дядя садится, а передъ нимъ, въ столѣ, торчатъ двѣ воткнутыя вишки. Я теперь понимаю роль Рыбки.

Но вотъ въ окно дохнула свѣжесть московскаго утра, я снова что-то созналъ, но какъ будто только для того, чтобы усомниться въ разсудкѣ. Было сраженіе и рубка лѣсовъ: слышался трескъ, громъ, колыхались деревья, дѣвственные,

экзотическія деревья. за ними кучею жались въ углу какія-то смуглыя лица, а здѣсь, у корней, сверкали страшныя топоры и рубилъ мой дядя, рубилъ старецъ Иванъ Степановичъ... Просто средневѣковая картина.

Это «брали въ плѣнъ» спрятавшихся въ гротъ за деревьями цыганокъ, цыгане ихъ не защищали и предоставили собственной энергіи. Шутку и серьезъ тутъ не разобратъ: въ воздухѣ летѣли тарелки, стулья, камни изъ грота, а тѣ всѣ врубались въ лѣсъ и всѣхъ отважнѣе дѣйствовали Иванъ Степановичъ и дядя.

Наконецъ, твердыня была взята: цыганки схвачены, обняты, расцѣлованы, каждый — каждой сунуль по сторулевой за «корсажъ», и дѣло кончено...

Да: сразу вдругъ все стихло... все кончено. Никто не помѣиналъ, но этого было довольно. Чувствовалось, что какъ безъ этого «жисти не было», такъ зато теперь довольно.

Всѣмъ было довольно и всѣ были довольны. Можетъ-быть, имѣло значеніе и то, что учитель сказалъ, что ему «пора въ классы», но, впрочемъ, все равно: вальпургіева ночь прошла, и «жисть» опять начиналась.

Публика не развѣзжалась, не прощалась, а просто исчезла: ни оркестра, ни цыганъ уже не было. Ресторанъ представлялъ наибѣйшее разореніе: ни одной драпировки, ни одного цѣлаго зеркала, — даже потолочная люстра — и та лежала на полу вся въ кускахъ, и хрустальныя призмы ея ломались подъ ногами еле бродившей, утомленной прислуги. Дядя сидѣлъ одинъ посреди дивана и шилъ квась; онъ по временамъ что-то вспоминалъ и дрыгалъ ногами. Возлѣ него стоялъ поспѣшавшій въ классы Рябыка.

Имъ подали счетъ, — короткій: «гуртомъ писанный».

Рябыка читалъ счетъ внимательно и потребовалъ полторы тысячи скидн. Съ нимъ мало спорили и подвели итогъ: онъ составлялъ семнадцать тысячъ, и просматривавшій его Рябыка объявилъ, что это добросовѣстно. Дядя произнесъ односложно: «плати», и затѣмъ надѣлъ шляпу и кивнулъ мнѣ за нимъ слѣдовать.

Я, къ ужасу моему, видѣлъ, что онъ ничего не забылъ и что мнѣ невозможно отъ него скрыться. Онъ мнѣ былъ чрезвычайно страшенъ, и я не могъ себѣ представить, какъ я останусь въ этомъ его ударѣ съ глазу-на-глазъ. Прихва-

тиль онъ меня съ собою, даже двухъ словъ резонныхъ не сказалъ, и вотъ таскаеть, и нельзя отъ него отстать. Что со мною будетъ? у меня весь и хмель пронать. Я просто только боялся этого страшнаго, дикаго звѣря, съ его невѣроятною фантазією и ужаснымъ размахомъ. А между тѣмъ мы уже уходили: въ передней насъ окружила масса лакеевъ. Дядя диктовалъ: «по пяти» — и Рябыка расплачивался; ниже платили дворникамъ, сторожамъ, городовымъ, жандармамъ, которые всѣ оказывали намъ какія-то службы. Все это было удовлетворено. Но все это составляло суммы, а тутъ еще на всемъ видимомъ пространствѣ парка стояли извозчики. Ихъ было видимо-невидимо, и всѣ они тоже ждали насъ. — ждали батюшку Илью Ѳедосѣича, «не понадобится ли зачѣмъ послать его милости».

Узнали сколько ихъ и выдали всѣмъ по три рубля, и мы съ дядей сѣли въ коляску, а Рябыка подаль ему бумажникъ.

Илья Ѳедосѣичъ выпуль изъ бумажника сто рублей и подаль Рябыкѣ.

Тотъ повернулъ билетъ въ рукахъ и грубо сказалъ:

— Мало.

Дядя накинулъ еще двѣ четвертки.

— Да и это недостаточно: — вѣдь ни одного скандала не было.

Дядя прибавилъ третью четвертную, послѣ чего учитель подаль ему палку и откланялся.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы остались вдвоемъ, съ глазу-на-глазь, и мчались назадъ въ Москву, а за нами, съ гикомъ и дребезжаніемъ, неслась во всю скачь вся эта извозничья рвань. Я не понималъ, что имъ хотѣлось, но дядя понялъ. Это было возмутительно: имъ хотѣлось еще сорвать отступного и вотъ они, подъ видомъ оказанія особой чести Ильѣ Ѳедосѣичу предавали его почетное высокостепенство всесвѣтному позору.

Москва была предъ носомъ и вся въ виду, — вся въ прекрасномъ утреннемъ освѣщеніи, въ легкомъ дымкѣ очаговъ и мирномъ благовѣстѣ, зовущемъ къ молитвѣ.

Вправо и влево къ заставѣ шли лабазы. Дядя всталъ у

крайняго изъ нихъ, подошелъ къ стоявшей у порога липовой кадкѣ, и спросилъ:

— Медь?

— Медь.

— Что стѣбитъ кадка?

— На мелочь, по фунтамъ, продаемъ.

— Продай на крупное: смекни, что стѣбитъ.

Не помню, кажется, семьдесятъ или восемьдесятъ рублей онъ смекнулъ.

Дядя выбросилъ деньги.

А кортежъ нашъ надвинулся.

— Любите меня, молодцы, городскіе извозчики?

— Какъ же, — мы всегда къ вашему степенству...

— Привязанность чувствуете?

— Очень привязаны.

— Снимай колеса.

Тѣ недоумѣваютъ.

— Скорѣй, скорѣй! — командуетъ дядя.

Кто попрытче, человекъ двадцать, слезили подъ козла, достали ключи и стали развертывать гайки.

— Хорошо, — говоритъ дядя: — теперь мажь медомъ.

— Батюшка!

— Мажь!

— Этакое добро... въ ротъ любопытнѣе.

— Мажь!

И не настанвая болѣе, дядя снова сѣлъ въ коляску, и мы понеслись, а тѣ, сколько ихъ было, всё остались съ снятыми колесами надъ медомъ, которымъ они колесъ вѣрно не мазали, а растащили по карманамъ, или перепродали лабазнику. Во всякомъ случаѣ, они насъ оставили, и мы очутились въ баняхъ. Тутъ я себя ожидалъ кончину вѣка, и ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ въ мраморной ваннѣ, а дядя растянулся на полъ, не не просто, не въ обыкновенной позѣ, а какъ-то апокалиптически. Вся огромная масса его тучнаго тѣла ушралась объ полъ только самыми кончиками ножныхъ и ручныхъ пальцевъ и на этихъ тонкихъ точкахъ опоры красное тѣло его трепетало подъ брызгами пущеннаго на него холоднаго дождя и ревѣлъ онъ сдержаннымъ ревомъ медвѣдя, вырывающаго у себя больничку. Это продолжалось съ полчаса и онъ все одинаково весь трепеталъ какъ желе на тряскомъ столѣ, пока, наконецъ, сразу

вспрыгнувъ, спросилъ квасу, и мы одѣлись и поѣхали на Кузнецкій «къ французу».

Здѣсь насъ обонхъ слегка подстригли и слегка завили и причесали, и мы пѣшкомъ перешли въ городъ — въ лавку.

Со мной все нѣтъ ни разговора, ни отпуска. Только разъ сказали:

— Погоди, не все вдругъ;—чего не понимаешь—съ лѣтѣмъ поймешь.

Въ лавкѣ онъ помолился, взглянувъ на всѣхъ хозяйскимъ окомъ, и сталъ у конторки. Внѣшность сосуда была очищена, но внутри еще ходила глубокая скверна и искала своего очищенія.

Я это видѣлъ и теперь пересталъ бояться. Это меня зашамало,—я хотѣлъ видѣть, какъ онъ съ собою раздѣляется: воздержаніемъ, или какой благодатію?

Часовъ въ десять онъ сталъ больно нудиться, все ждалъ и выматривалъ сосѣда, чтобы идти втроемъ чай пить, — троимъ собирають на цѣлый пятакъ дешевле. Сосѣдъ не вышелъ: померъ скорописною смертью.

Дядя перекрестился и сказалъ:

— Всѣ померъ.

Это его не смутило, несмотря на то, что они сорокъ лѣтъ вмѣстѣ ходили въ Новотроицкій чай пить.

Мы позвали сосѣда съ другой стороны и не разъ сходили, того-сего отвѣдали, но все на-трезво. Весь день я просидѣлъ и проходилъ съ нимъ, а передъ вечеромъ дядя послалъ взять коляску ко Всепѣтой.

Тамъ его тоже знали и встрѣтили съ такимъ же почтениемъ, какъ у Яра.

— Хочу пасть передъ Всепѣтой и о грѣхахъ поплакать. А это, рекомендую, мой племянъ, сестры сынъ.

— Пожалуйте,—говорятъ инокини:—пожалуйте, отъ кого же Всепѣтой, какъ не отъ васъ, и покаянье принять, — всегда Ея обители благодѣтели. Теперь къ Ней самое расположеніе... всенощная.

— Пусть кончится,—я люблю безъ людей и чтобъ мнѣ благодатный сумракъ сдѣлать.

Ему сдѣлали сумракъ: погасили все, кромѣ одной или двухъ лампадъ и большой глубокой лампы, съ зеленымъ стаканомъ, передъ Самою Всепѣтою.

Дядя не упалъ, а рухнулъ на колѣни, потомъ ударилъ лбомъ объ полъ ницъ, всхлипнулъ и точно замеръ.

Я и двѣ инокини сѣли въ темномъ углу, за дверью. Шла долгая пауза. Дядя все лежалъ, не подавая ни гласа, ни послушанія. Мнѣ казалось, что онъ будто уснулъ, и я даже сообщилъ объ этомъ монахинямъ. Опытная сестра подумала, покачала головою и, возжегши тоненькую свѣчку, зажала ее въ горсть и тихо-тихонько направилась къ кающемуся. Тихо обойдя его на цыпочкахъ, она возмутилась и шепнула:

— Дѣйствуетъ... и съ оборотомъ.

— Почему вы замѣчаете?

Она пригнулась, давъ знакъ и мнѣ сдѣлать то же, и сказала:

— Смотри прямо черезъ огонекъ,—гдѣ его ножки.

— Вижу.

— Смотрите. какое бореніе!

Всматриваюсь и, дѣйствительно, замѣчаю какое-то движеніе: дядя благоговѣйно лежитъ въ молитвенномъ положеніи, а въ ногахъ у него словно два котъ дерутся, — то одинъ, то другой другъ друга борють, и такъ частенько, такъ и прыгаютъ.

— Матушка, говорю,—откуда же эти коты?

— Это, отвѣчаетъ,—вамъ только показываются коты, а это не коты, а искушеніе: видите, онъ духомъ къ небу горить, а ножками-то еще къ аду перебираетъ.

Вижу, что и дѣйствительно это дядя ножками вчерашняго трешака доплясываетъ, но точно ли онъ и духомъ теперь къ небу горить?

А онъ, словно въ отвѣтъ на это, вдругъ какъ воздохнетъ, да какъ крикнетъ:

— Не поднимусь, пока не простишь меня! Ты бо одинъ святъ, а мы всѣ черти окаянные,—и зарыдалъ.

Да вѣдь такъ такъ зарыдалъ, что всѣ мы трое съ нимъ навзрыдъ плакать начали: Господи, сотвори ему по его моленію.

И не замѣтили, какъ онъ уже стоитъ рядомъ съ нами и тихимъ благочестивымъ голосомъ говорить мнѣ:

— Пойдемъ—справимся.

Монахини спрашиваютъ:

— Сподобились ли, батюшка, отблескъ видѣть?

— Нѣтъ, отвѣчать, — отблеска не сподобился, а вотъ...
этакъ вотъ было.

Онъ сжалъ кулакъ и поднялъ, какъ поднимають за вихоръ мальчишекъ.

— Подняло?

— Да.

Монахиши стали креститься и я тоже, а дядя пояснилъ:

— Теперь мнѣ, говоритъ, — прощено! Прямо съ самаго сверху, изъ-подъ купола, разверстой десницей сжало мнѣ всѣ власы вкупѣ и прямо на ноги поставило...

И вотъ онъ не отвержень, и счастливъ; онъ щедро одарилъ обитель, гдѣ вымолилъ себѣ это чудо, и оиать почувствовалъ «жисть» и послалъ моей матери всю ея приданую долю, а меня ввелъ въ добрую вѣру народную.

Съ этихъ поръ я вкусь народный познать въ паденіи и въ возстаніи... Это вотъ и называется *чертогонъ* «иже бѣса чужеумія изираздняетъ». Только сподобиться этого, повторяю, можно въ одной Москвѣ, и то при особомъ счастии, или при большой протекціи отъ самыхъ степенныхъ старцевъ.

Оглавленіе

XIV ТОМА.

	стр.
Овцебыкъ. Разсказъ	3
Колыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюденій)	70
Рагушанскій меламедъ. Разсказъ на бивуакъ	130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ	187